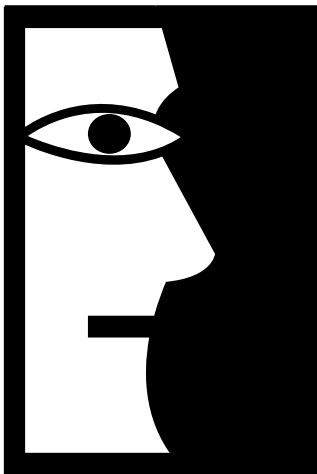

ЦАРЬ ЭДИП

**прошрое
одной
иллюзии**

Издание подготовлено
В. Чугуновым

М о с к в а
Э К С М О - П р е с с

2 0 0 2

Я осмеливаюсь полагать,
что если бы психоанализ имел в своем активе
лишь одно открытие Эдипова комплекса,
этого было бы достаточно,
чтобы поставить его в один ряд
с наиболее ценными завоеваниями человеческого рода

Зигмунд Фрейд

Когда психоанализ говорит о животных,
животные учатся смеяться

Жиль Делез, Феликс Гваттари

В своих ассоциациях Фрейд часто обращается
к различным древним мифам и претендует на то,
что его исследования позволяют выяснить,
как человек мог себе их представлять.

На самом деле Фрейд сделал совершенно другое.

Он не объяснил научно древние мифы.

О предложил новый миф.

Воздействие его идей имеет ту же природу,
что и воздействие мифологии...

«Все берет начало в очень древних событиях».

Можно подумать, что он обращается к тотему...

Эта мифология весьма сильна.

Людвиг Витгенштейн

За спиной любого из нас,
сказал однажды Фрейд,
Стоит колоссальная тень Эдипа;
Всякий несет в себе мучительное
желание и яростную боязнь кровосмешения...
Его осмеяли; ему не поверили; его изгнали
из госпиталей и аудиторий.
Но Странник Эдип, Эдип-кровосмеситель,
Эдип-отцеубийца, трагический Эдип-Царь,
Великий персонаж архаического мифа,
Волею греческого театра ставший отцом
собственных братьев и сестер,
С тех пор оживает, снова и снова,
в каждом влечении, в каждом сне,
В каждом сеансе психоанализа,
который, по сути, и есть этот древний театр.
Когда развеется последний аналитический миф,
миф об Эдипе,
Этот личный фантазм Фрейда,
Эдип, — обреченный на вечные муки,
прошедший сквозь века и подмостки,
Проросший сквозь легион взглядов,
обращенных к познанию себя прошлого,
страстного детства, —
Будет наконец-то прощен.

Персоналии

Эдип (Οἰδίπους, Oedipus) — в греческой мифологии сын фиванского царя Лаия и Иокасты, отец Антигоны, Исмены, Этеокла и Полиника. Дельфийский оракул предсказал Лаию Лабдаку, на котором, по его же вине, лежало родовое проклятье, что сын его в будущем станет убийцей отца и супругом матери, поэтому по велению Лаия ребенок был брошен на съедение зверям на склоне горы Киферон, с проколотыми ногами. Найденный пастухами, Эдип был передан бездетному коринфскому царю Полибу, который воспитал его как своего сына. Случайно узнав о том, что он неродной Полибу и Мeropе, Эдип отправился в Дельфы, чтобы спросить оракула Аполлона о своем происхождении. Оракул вместо ответа дал Эдипу прорицание, что ему суждено убить отца и жениться на матери. Решив никогда не возвращаться в родной, как он считал, Коринф, Эдип отправился попытать счастья на чужбине. В Фокиде Эдип встретил на распутье своего отца Лаия и убил его, не узнав его. Освободив Фивы от Сфинкса, решив ее загадку, он воцарился там, получив в жены свою мать Иокасту. Узнав истину, он ослепил себя. Оскорбленный

сыновьями, он проклял их и умер в изгнании, приведенный перед смертью дочерью Антигоной в аттическую роццу Колон.

Софокл (Σοφοκλῆς, Sophocles) — родился около 496 г. до н. э. в аттическом селении Колоне под Афинами в семье богатого фабриканта, умер в 406 г. до н. э. в Афинах. Один из трех великих античных трагиков. В 480 г. до н. э., будучи эфебом, Софокл руководил хором мальчиков на празднике в честь победы при Саламине. В 443 г. до н. э. стал хранителем казны Афинского морского союза, в 441 г. — стратегом (вместе с Периклом), в 420 г. до н. э. ввел в Афинах культ Асклепия. После смерти Софокл почитался как *heros dexion* — муж правый.

Сигизмунд Шломо Фрейд (Sigismund Slomo Freud) — родился 6 мая 1856 г. во Фрейберге (Австро-Венгрия, ныне Пршибор, Чехия), умер 23 сентября 1939 г. в Лондоне. Австрийский невропатолог, психиатр и психолог. Основоположник психоанализа. Был первым учеником в классе. Проявил способности к языкам и овладел, не считая идиша и немецкого, ивритом, древнегреческим, латинским, английским и французским языками. Увлекался культурой древнего мира и эпохи Возрождения, поэтической натурфилософией Гете и эволюционной теорией Дарвина. Ориентиро-

вался на получение высшего образования и научную карьеру. Под давлением жизненных обстоятельств осенью 1873 г. избрал профессию врача и поступил на медицинский факультет Венского университета. Наряду с учебой активно занимался исследовательской работой. В 1876 г. осуществил сравнительно-анатомические исследования угрей. Проводил опыты над гроздевидными железами. С 1876 по 1881 гг. работал в лаборатории Брюкке, где осуществил цикл исследований по физиологии, сравнительной анатомии и гистологии. Изучал нервную ткань; усовершенствовал технику ее исследования и провел наблюдения, позволившие разработать некоторые основания теории нейронов. В 1878 г. познакомился с Брейером, который стал его покровителем. Изучал европейское философское наследие. Прослушал курс философии Ф. Brentano. Испытал влияние идей энергетической школы Гельмгольца—Брюкке, которые впоследствии использовал при разработке своего учения. В 1881 г. удостоен ученой степени доктора медицины. В 1882 г. работал в Венском общем госпитале у Г. Нотнагеля. В 1883 г. поступил в психиатрическую клинику Т. Мейнерта, где усовершенствовал знания по психиатрии и провел исследования филогенетического и онтогенетического развития спинного мозга. Установил анестезирующее действие кокаина. В 1885 г. избран

приват-доцентом Венского университета. В 1885—1886 г. стажировался в Париже у Ж. М. Шарко в клинике Сальпетриер. Изучал психические расстройства и их причины, гипноз и постгипнотические явления. Пришел к мысли, что причиной нервно-психических заболеваний могут быть ненаблюдаемые динамические травмы психики; обратил внимание на роль сексуальных факторов в этиологии неврозов. В процессе собственной психотерапевтической практики использовал гамму разнообразных средств (в том числе и гипноз), сопрягавшихся с его натуралистическим мировоззрением, но не был удовлетворен ими из-за низкой эффективности. В связи с затруднениями при использовании гипноза усовершенствовал свою технику гипнотизации и в 1889 г. стажировался в Нанси (Франция) у И. Бернгейма и А. А. Льебо. В 1891 г. совместно с И. Брейером создал «катартический метод» психотерапии, использовавший воспоминания и словесное выражение переживаний и фантазий пациентов, пребывавших в состоянии гипноза, для достижения терапевтического эффекта. Осуществляя «очищение» психики больных, все чаще сталкивался с неосознаваемыми переживаниями как возможной и наиболее вероятной причиной заболевания. Постоянно пытался усовершенствовать катартический метод и уже в 1892 г. впервые

отказался от гипнотизаций. В 1895 г. опубликована книга Брейера и Фрейда «Исследование истерии». С 1896 по 1902 г. фактически работал в условиях изоляции и именно в этот период разработал основы психоанализа. Осенью 1896 г. похоронил отца, чья смерть оказала существенное воздействие на личность Фрейда и учение в целом. В 1897 г. приступил к систематическому самоанализу сновидений и вскоре принял решение написать работу о снах и сновидениях. В 1899 г. завершил работу над книгой «Толкование сновидений», опубликованной в 1900 г. Именно в этой работе были сформулированы представления Фрейда о некоем психоаналитическом концепте, который впоследствии получил имя «комплекс Эдипа».

Понятия

Комплекс — «суть психические фрагменты, выделившиеся в отдельные конstellации образов и идей в результате психических травм или каких-либо конфликтов, одновременно несовместимых друг с другом тенденций», — так определил его сам Юнг, предложивший это понятие.

Сегодня комплексы характеризуются как группы осознаваемых и неосознаваемых личностью переживаний, которые, окрашиваясь чаще всего отрицательными эмоциями, существенно влияют на сексуальное поведение, образ жизни, влечения, мышление; эти переживания, для которых характерны чувство неудовлетворенности, элементы страха, наказания, греха, еще в раннем возрасте оформляясь в тот или иной комплекс, определяют структуру личности или трансформируются в болезненные симптомы и синдромы.

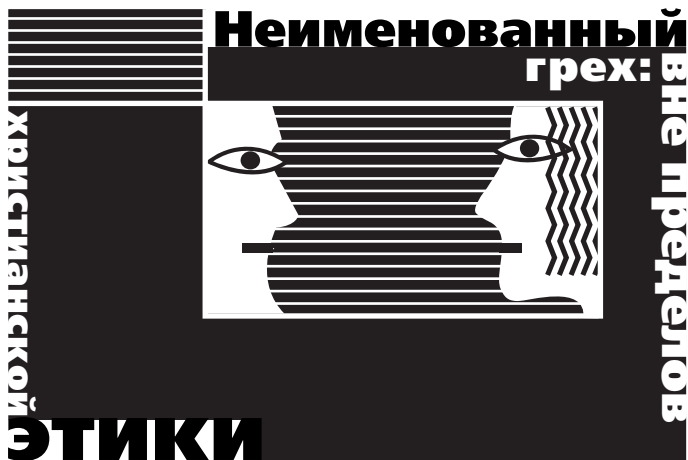
Предложено великое множество различного рода комплексов; их имена чаще всего заимствованы из античной мифологии и классической драмы, однако встречаются и почти современные персонажи.

Вот эти комплексы: Эдипа, Электры, Иокасты, Антигоны, Каина, Клитемestры, Ореста, Титании, Медеи, Медузы, Алисы, Гризельды, Дианы, Афины Паллады, Федры и многие, многие другие.

Инцест — это сексуальные отношения между близкими — кровными — родственниками. Представления о том, какие отношения считать инцестными, или кровосмесительными, весьма сильно варьировались на протяжении истории. Менялось и отношение к инцесту — от возведения его в ранг особой привилегии, доступной лишь избранным, до категорического осуждения и уголовного преследования.

Дискурс — это совокупность конструктов, вербальных и документальных, неких жестов и ритуалов, аргументов и апелляций, сплетенных вокруг какой-либо темы, события, явления; это всевозможное говорение, во всем богатстве его коннотаций; иными словами — это совокупность практик.

**Кровосмешение, кровнородственное
сожительство, инцест — эти несколько
синонимов означают сексуальную связь
между ближайшими родственниками, —
нечто столь отвратительное
в своей противоестественности,
что оно даже не имеет своего лексикона;
однако сведения об инцесте
можно почерпнуть в медицинской,
мифологической, юридической
и, разумеется, художественной литературе.
И еще: неясно, кровосмесительные связи,
они то ли очень распространены,
то ли, напротив, встречаются исключительно
редко. Психоанализ подарил миру
откровение, согласно которому
инцестные влечения — Фрейд назвал их
«комплексом Эдипа» —
изначально заложены в каждом из нас.**

Скверный старый обычай. Трагический грех. Грязная домашняя страсть, вызывающая приторное чувство вины.

Разумеется, ему не нашлось места среди первых четырех заповедей, ведь они — о познании и почитании Истинного Бога: чистые, понятные, простые. Однако его нет и среди прочих шести — касающихся обязанностей к ближнему. Скрижали о нем молчат.

* * *

Важная, очень важная — с этической, политической, эстетической, меди-

цинской точек зрения — дилемма, на которую по сей день не дано однозначного ответа: порок изначальный или распутство, блуд; несчастье, преступное чувство, с которым нельзя совладать, или же удел дегенератов — несчастных «пасынков природы»?

Предоставим слово Рихарду фон Крафт-Эбину, живописателю страстей и коллекционеру пороков, родственной Донасьену Альфонсу Франсуа де Саду душе, действовавшему, однако, с совсем иными, нежели сладострастный маркиз, — если верить его заявлениям — целями.

В предисловии к двенадцатому изданию своей знаменитой «Половой психопатии» («Psychopathia sexualis») он говорит: «Благосклонный прием, единодушно оказанный моей книге юристами, доставил автору отрадное сознание, что она не останется без влияния на законодательство и окажет свое содействие в деле устранения многовековых заблуждений.

Неожиданно большое распространение книги представляет, очевидно, лучшее доказательство того, какая масса несчастных искала и нашла в ней разъяснение и утешение в загадочных явлениях своей половой жизни. Справедливость подобного предположения удостоверяется бесчисленным множеством писем, полученных автором из всех стран от таких пасынков природы. Чтение этих писем, принадлежащих в большинстве случаев перу лиц, занимающих высокое положение и в отношении развития, и в социальном отношении, лиц, очень часто наделенных самыми тонкими чувствами, на-

полняет душу глубочайшим состраданием. Они раскрывают такие душевные муки, перед которыми бледнеют все страдания, приготавливаемые нам таинственным роком!

Пусть же книга моя и дальше приносит этим несчастным утешение и нравственную реабилитацию!»¹.

* * *

Первоначально инцест — не более чем понятие римского религиозного права, обозначавшее ритуальную нечистоту вообще, суженное позднее до представления о сексуальных преступлениях, противоречащих религиозному уставу (особенно — о нарушении целомудрия весталок).

Со временем понятие инцеста было воспринято светским правом, где оно относилось уже к преступлениям кровосмешения. Кровным при этом считалось родство до шестого, а позднее — только до четвертого колена.

В эпоху Империи под влиянием греческого правосознания наступает некоторое ослабление строгости закона, вновь упраздненного при императоре Гае Аврелии Валерии Диоклетиане (245—316 гг. н. э.). При уголовном преследовании виновным в инцесте угрожала смертная казнь, конфискация имущества и т. п.

* * *

Имеются указания на то, что происхождение термина «incestum» имеет отношение к греческому «κεστός» —

«пояс Афродиты» (латинское «cestus» — «пояс Венеры»²), который, как считалось, возбуждал любовное влечение. При вступлении в брак этот пояс развязывался мужем как предзнаменование счастья; в отношениях же, не разрешенных законом, отсутствие церемонии-процедуры делало такие отношения «инцестными» («неокольцованными»).

В целом, латинское *incestum* (или *incestus*) — это преступная связь, кровосмешение; в таком смысле это понятие употребляют Цицерон (106—43 гг. до н. э.), Плиний Младший (62—113 гг.), Квинтилиан (ок. 35—100 гг.) и др.

Взглянем на этимологию этого позднего латинского слова: «in» — всего лишь частица отрицания, зато «castus» имеет целую вереницу связанных друг с другом значений: нравственно безупречный, чистый, непорочный, невинный; целомудренный, незапятнанный; девичий; воздержный, бескорыстный; благочестивый, набожный; священный; стилистически правильный, чистый, безошибочный, безукоризненный, а также — воздержание от чувственных наслаждений; родственно ему «castimonia» — ритуальная чистота тела, воздержание, пост; нравственная чистота, непорочность. Довольно солидный перечень, но с узким диапазоном значений и оттенков, — в зависимости от [кон]текста и автора.

Выберем из этого реестра одно значение, близкое по духу эллинской эпохе, а именно — «стилистически правильный», подразумевая под стилем искусство существования, «технэ» (τέχνη).

Получается — «отсутствие стиля»: стиля любовных наслаждений, *ta aphrodisia*.

* * *

Инцест имеет одно условие, непреложно ограничивающее его распространение, — условие, одновременно проблематизирующее его, как если бы он не существовал ранее, до его осознания: лишь двадцати (!) поколений — *колен*, как сказали бы раньше, — достаточно для того, чтобы геном (или, по-иному, генотип) стал однородным.

* * *

Единственное упоминание об инцесте с положительной оценкой его последствий — насколько так можно сказать о последствиях мифологического происшествия — встречаем в истории призрания душевнобольных.

В Бельгии, в деревне Гель когда-то стихийно возникло посемейное призрание хронических душевнобольных, которые находили приют в семьях земледельцев-крестьян. Эту — единственную в своем роде на территории Европы — местность посетил известный французский психиатр Жан-Этьен-Доминик Эскироль. Никто не посе-

щал ее до него, и о ней не было опубликовано ничего, кроме отрывочных заметок и старинной легенды.

Легенда состояла в следующем. В конце VI века Димфна, дочь ирландского правителя, бежала от преследования своего отца, воспылавшего к ней страстью; на том месте, где теперь находится Гель, она была настигнута им и убита. Охваченный ужасом, убийца бежал. Поселяне похоронили девушку, после чего вскоре распространился слух, что на ее могиле исцеляются помешанные люди и припадочные, одержимые злым духом. Была воздвигнута часовня, и вскоре к ней были пристроены четыре комнаты, где помещались больные, приезжавшие издалека. За ними присматривали женщины, специально посвятившие себя этому делу. С течением времени такую же опытность в уходе за помешанными приобрели и другие жители селения. В часовне служили молебны; всем делом по уходу за больными распоряжалось местное духовенство. Выздоровление должно было наступать на девятый день, но, так как оно нередко запаздывало, а в Гель тем временем прибывали все новые партии паломников, последние, естественно, искали и находили приют у окрестных жителей. Таким образом в местности скапливалось все больше и больше душевнобольных, уход за которыми стал выгодным промыслом. Проходили столетия, и в конце концов большинство жителей окрестных поселков превратилось в так называемых «хозяев», или «кормильцев», а вся округа получила значение стихийно возникшего дешевого способа призрения душевнобольных, не нуждающихся в больничном лечении³.

* * *

Итак, инцест — это плохо. Сегодня мы уверены, что это так.

Нам застыт глаза *негативные проблематизации инцеста*, числом, по обычаю, три: *античная мифология, аттическая трагедия* и, особенно, *классический психоанализ*.

Но как было раньше?

Как быть с теми, которые были раньше?

Как быть с гелиопольской эннеадой?

Как быть с египетским «производителем урожаев» Мином, которого часто называли «буйволом матери своей»? — «Слава Мину, который оплодотворил свою мать! Покрыто тайной то, что ты сделал с ней в кромешной тьме!» — звучало на празднествах.

Как быть с хорошо известным библейским персонажем Лотом, родоначальником — *по кровосмешению с дочерьми*, старшей и младшей, — *целых народов*, моавитян и аммонитян?

Как быть с требованиями сохранения чистоты крови, — их выдвигали не только в Древнем Египте, но также и в древних цивилизациях Центральной Америки и других, — ведь единственным средством соблюдения этого постулата является все то же кровосмешение.

Выходит, что все это — как бы аргументы *non grata*; они лежат вне дискурсивного поля инцестуозности; кро-

ме того, они попросту неинтересны: всего лишь разрозненные мифологические, библейские, этнографические, сельскохозяйственные факты.

Инцест — во всем многообразии его позднейших, современных контекстов — имеет однозначную — в смысле принадлежности — внутриспсихическую коннотацию и целую гамму связанных с ней чувств.

На современное видение инцеста — в основном бытовые мнения, обыденные представления — определяющее влияние по-прежнему оказывают старые матримониально-юридические нормы, напрямую связанные с древней традицией неразличения сексуальности и деторождения.

Однако тот оттенок греховности-вины («каждый наделен инцестуозными влечениями, главным источником последующего комплекса вины, который следует выявить и изжить»), наложившийся на евроцентристский снобизм («инцест — удел, с одной стороны, дикарей, с другой — вырожденцев и дегенератов»), тот оттенок, который постепенно становится врожденным, привнесен классическим психоанализом, принадлежащим перу Зигмунда Фрейда.

Наконец, истерия вокруг распространенности, даже эпидемиологии — по-иному не назовешь сравнимые по численности разве что с «процессами ведьм» случаи его выявления — также заслуга психоанализа, однако уже

не классического, а того вульгарного («дикого», по выражению Фрейда) психоанализа, который прижился в Соединенных Штатах.

И еще: понятие инцеста и сегодня находится в постоянном движении, меняется его наполнение, его сфера приложения, его последствия; изменяется и сам инцест, — постыдная огласка обиденного сожительства перетекает в лишенную каких-либо внешних форм личную душевную драму, а вслед за тем — в уголовно-бытовое происшествие.

* * *

Инцест — событие, которым заканчивается все; после него уже нет истории. Есть история инцеста — и только.

Примечания

¹ Цит. по: (*Krafft-Ebing R.*) *Крафт-Эбинг Р.* Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства: Клинико-судебно-медицинский этюд (Для врачей и юристов): Пер. с 13-го доп. нем. изд. Н. А. Вигдорчика, Г. И. Григорьева. — С.-Пб.: Изд-е журн. «Практическая Медицина» (В. С. Эттингер), 1909. — С. V.

² Встречается у Марциала (43—104 гг.).

³ Цит. по: *Каннабих Ю. В.* История психиатрии / Предисл. П. Б. Ганнушкина. — Л.: Медгиз, 1929. — С. 172 — 173.

1. Что такое инцест

2. Этногеография и хронология инцеста

3. Античная мифология инцеста

4. Генетика и стигмы инцеста

5. Домашняя техника инцеста

Что такое инцест

Существует класс феноменов (а вслед за тем и понятий), словно созданных для того, чтобы потребовать неких объяснений у Природы. По странному стечению обстоятельств эти искушающие естественный порядок вещей явления лежат в области семантической связки «сексуальность — наследственность — репродукция (деторождение)», причем вне какой-либо определенной последовательности.

Инцест — крошечная главка в этом зачитанном фолианте; он ничем не удивительнее прочих.

Однако именно он вызывает напряженное, неослабевающее внимание, постоянную настороженность, составляя предмет педагогической озабоченности, соседской подозрительности, оскорбительной евгенической инвективы.

Между тем, обращение к истории — а также к этнографии, мифологии, литературе и т. д. — показывает, что инцест очень часто воспринимался как нечто естественное, необходимое, даже богоданное.

Показательно, что под инцестом подразумеваются подчас весьма разноплановые отношения; кстати, этот диссонанс замечен не столько в плане собственно инцеста как акта сексуальной кровосмесительной связи, сколько в ракурсе заключения брачного союза, — может быть, потому, что далеко не все века были, подобно новейшему времени, столь фиксированы на контроле сексуальной жизни индивида, его телесной и, особенно, возрастной неприкосновенности и, главное, свободном волеизъявлении в этих вопросах.

Интересный сравнительный обзор фактов о степенях родства с точки зрения препятствия к супружеству приводит Герман Плосс:

«...У известных племен наиболее тесные узы родства не только не служат помехой, а, по-видимому, даже благоприятствуют образованию брачной группы, между тем как, с другой стороны, у других племен не должны вступать

в брак даже такие лица, о родственной связи между которыми, по нашим современным понятиям, и речи не может быть. Обычаи последнего рода явились последствием экзогамии, а обычаи первого рода представляют собой доведенную до крайности эндогамию. У нас, как известно, браки между двоюродными братьями и сестрами разрешаются, причем относятся совершенно безразлично к тому, будет ли это кузен или кузина по отцу или по матери. У католиков же на этот счет правила более строгие. У даяков на Борнео и у жителей островов Амбон и Улиссовых островов браки между кузенами совершенно запрещены, а у жителей Новой Британии строго запрещены браки только между родственниками по матери. На островах Аару и в Индии браки между детьми дядьев запрещены, а между детьми теток дозволены. То же самое рассказывают о жителях Суматры.

Островитяне архипелага Жильберта строго следят за тем, чтобы между вступающими в брак не было решительно никакого родства, а о малайцах Мюллер рассказывает следующее: «Кровное родство, даже самое отдаленное, служит важным препятствием для вступления в брак. По мнению малайцев, сами боги против таких союзов. У маори же в Новой Зеландии браки между близкими родственниками и даже между братьями и сестрами разрешены».

О ваньямвези в Африке мы знаем, что у них считается кровосмешением брак с детьми или женою побратима, равно как и брак или половые сношения между двоюродными

братьями и сестрами, а также родителями и детьми. За соблюдением этих законов следят очень строго.

У индейцев-макузи брат отца ни в коем случае не может жениться на своей племяннице, потому что она считается его ближайшей родственницей после сестры и называет его отцом. Но каждый может жениться на дочери своей сестры, на жене своего брата и даже на своей мачехе, в случае смерти отца.

Столл рассказывает следующее о первобытном населении Гватемалы:

«Женщина вступала после замужества в “шинамит” своего мужа, и после этого ее родители и остальные родственники уже не считались родственниками ее детей. Вследствие этого последние могли вступать с родственниками женщины в брак, что нисколько не противоречило, по их мнению, принципу экзогамии. Поскольку родство признавалось только по мужской линии, сын какой-нибудь женщины мог жениться на дочери своей матери от прежнего брака, т. е. на своей неродной сестре. Бывали случаи, что мужчина женился не только на жене брата, но даже на своей мачехе».

Перуанские инки имели право жениться на своих старших сестрах по мачехе, для того чтобы сохранить чистоту крови сыновей солнца.

Шинам в Индии также не разрешены браки между двоюродными братьями и сестрами, хотя по правилам магометанской веры такие браки не воспрещены; но дядя не должен жениться на своей племяннице, а в Бушкаре — даже

на дочери племянницы. Быть может, не лишним будет припомнить, что и у нас не так давно дяде разрешалась женитьба на племяннице, а племяннику — на тетке; но в то время как первый союз мог совершаться вполне беспрепятственно, для второго всегда требовалось особое разрешение, независимо от того, была ли невеста сестрою матери или отца.

Английская церковь различает 30 степеней родства, служащих препятствием для вступления в брак. Раньше англичанин, намеревавшийся заключить брачный союз, не разрешаемый законами его страны, венчался в Дании или на Рейне, в Дуйсбурге, и тогда на родине этот брак считался «совершившимся фактом». В 1895 г. верхней палатой парламента был принят билль, разрешавший жениться на сестре покойной жены.

Тунгусы, самоеды и лопари не допускают браков между кровными родственниками. Израильтянам законами Моисея было запрещено вступать в брак с мачехой, падчерицей, тещей, невесткой, дочерью пасынка и падчерицы, женой брата и женой дяди по отцу. Если же умерший брат не оставил сына, то брак с его вдовой у израильтян (а также у древних мексиканцев и других народов) не только считался дозволенным, но даже вменялся в обязанность. Как известно, такой брак называли левиратом.

У римлян также были воспрещены браки между родственниками по восходящей и нисходящей линии, а равно между мачехой и пасынком, отчимом и падчерицей, между тестем и невесткой, тещей и зятем, между родителями и усыновлен-

ными ими детьми. В Афинах же и Спарте браки между сводными братьями и сестрами были разрешены.

Но у некоторых народов (персы, финикийцы, аравитяне, греки во времена Кимона) разрешалось брать в жены и родных сестер, причем интересен тот факт, что у веддасов на Цейлоне разрешалась женитьба на самой младшей, но не на старшей сестре.

Вирхов говорит по этому поводу следующее:

«Если у веддасов не существует ни полигамии, ни полиандрии, то это, вероятно, объясняется незначительной плотностью населения и обособленностью семьи. Может быть, эти же самые причины объяснят нам и другой поразительный обычай, на который указывают множество путешественников, а именно брак с сестрами. При этом дозволенной считается только женитьба на младшей, а не на старшей сестре».

Харшторн даже утверждает, что отцу разрешено брать в жены свою дочь, но, вероятно, это не закреплено законом.

Нокс рассказывает, что у одного кандийского короля даже родился ребенок от брачного сожительства с родной дочерью, и никто из подданных этого короля не считал подобные отношения недозволенными.

Бейли склонен усматривать в женитьбе на сестрах остаток старых обычаев. Он напоминает о том, что еще Виджайо, основатель династии Сихала, произошел от такого брака в Индии, и что сын его Дживахальто, родившийся от брака с цейлонской принцессой Якхо, также взял себе в жены сестру и сделался родоначальником новой династии,

Пулинда. После того такая форма брака наблюдалась и в сингалезских королевских домах.

Нельзя не признать важности подобных сообщений, но вряд ли можно приписывать древним мифам значение исторических фактов. По-видимому, они только говорят о том, что на Цейлоне существовал обычай, наблюдавшийся также в Персии и в Египте; причина такого обычая у королевских семейств та же, что у диких веддасов: недостаток женщин своего круга или женщин вообще. Во всяком случае, не отсутствие целомудрия и не развращенность вызвали такую форму брака у веддасов.

Но у некоторых племен даже еще более тесные узы родства (по нашим понятиям) не служат помехой для брачных союзов. Так, у финикийцев мать могла стать женой своего сына, а отец — мужем своей дочери, а у древних арабов закон предписывал сыну, в виде особой привилегии, жениться на своей овдовевшей матери. У китайцев брак запрещен лицам, носящим одно и то же имя, даже если они не связаны никакими узами родства».¹

* * *

Так какой же он, инцест, бывает?

С нашей — европейской, позитивистской — любовью к систематикам, классификациям, типологиям и прочим делениям/процедурам попробуем построить типологию инцеста, ориентируясь на его *этнологию* и *географию*, *мифологию* и *хронологию*, *технику* и *генетику*.

Итак:

- инцест как эстетский аргумент;
- инцест как насилие, в контексте властных отношений;
- инцест как феномен заместительный, викарный;
- инцест как педофильный феномен;
- инцест как этнокультурный феномен;
- инцест как инициальный феномен;
- инцест как психоаналитический феномен, или же «комплекс».

ЭТНОГЕОГРАФИЯ и хронология инцеста

Как и любой социокультурный феномен, инцест, во всех своих проявлениях, весьма вариативен.

Свидетельства инцеста — мифопоэтические, исторические, матримониально- и пенеологическо-правовые и даже (в основном *post factum*) медицинские, оставлены Древней Месопотамией, Древним Египтом, Древней Америкой, Древней Грецией, Древней Иудеей и другими.

Месопотамия

В Древней Месопотамии инцест формально запрещали богоданные законы.

Тем не менее в мифах Междуречья боги вступали в инцестуозные отношения. Так, от одного из богов забеременели и его дочь, и внука, при этом рассказчик никак не осуждает его поведение. В другом мифе в половые отношения друг с другом вступают богиня и ее сын, после чего сын убивает своего отца и совокупляется с его сестрой.

Кодекс Хаммурапи (1728—1626 до н. э.) объявил вне закона половые отношения между отцом и его дочерью или невесткой, между матерью или приемной матерью и сыном. Нарушение этого закона наказывалось изгнанием, лишением наследства или смертью. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. У божеств был один кодекс поведения, у людей — другой. Насколько это несоответствие моделей поведения действительно затрагивало жизнь месопотамцев, неизвестно. Они соглашались с тем, что у богов есть власть и привилегии (в том числе бессмертие), недоступные человечеству; то, на что имеют право боги, не могут совершать люди. Боги дают законы; простые смертные обязаны их соблюдать.

Древний Египет

В Древнем Египте нормальным считался брак между представителями разных семей, хотя при благополучном стечении обстоятельств он мог заключаться и между братом и сестрой.

В Древнем Египте инцест был реальным способом закрепить собственность за семьей, так как женщина обладала правами наследства. Инцестный брак являлся следствием экономических соображений.

Инцестуозный брак в Древнем Египте был связан со способом перемещения собственности внутри семьи. Несмотря на то что мужчина был хозяином имущества семьи, в том случае, если у него умирала жена, контроль за собственностью, по египетской традиции, переходил к старшей дочери. Чтобы защитить свои интересы и удержать наследство, отец женился на дочери или брат — на сестре. В том случае, если дочь выходила замуж «на сторону», права владения переходили к ее мужу и его семье.

Но если брат и сестра могли стать супругами, то иначе обстояло дело с отношениями между родителями и детьми. Семья напоминала маленький город-государство, в котором каждому была отведена своя роль в зависимости от взаимоотношений с другими ее членами.

Как бы то ни было, брак ковал родственные цепи и распределял роли в обществе; инцест держал любовь на коротком поводке и объединял семью.

Египетские фараоны считали инцест чуть ли не привилегией царской семьи; кровосмесительные браки фараонов приводили к рождению большого количества дочерей. На протяжении долгих периодов египетской истории царская кровь текла в жилах женщин, а не мужчин, и женщина в Египте имела возможность править самостоятельно. Но такое правление

не пользовалось популярностью и обычно приводило правящую династию к несчастьям. Иногда у фараона могли быть от первого брака только дочери, но он мог иметь сына от побочной жены, и право этого сына на наследование трона, законное, хотя и слабое, могло быть усилено его браком с единокровной сестрой, имевшей больше прав на престол.

Очевидно, что браки такого рода приводили опять же к рождению преимущественно дочерей, и вышеописанная ситуация повторялась в следующем поколении, что становилось началом одной из линий кровосмесительных браков, которыми особенно славятся фараоны II тысячелетия до н. э. и времени греко-египетской династии Птолемеев.

Так, царь Птолемей II (308 — 246 до н. э.), женившись, согласно египетской традиции, на своей сестре Арсиное, принял прозвище Филадельф («любящий сестру»).

Хотя сложность и запутанность родственных связей фараонов затрудняет генеалогический анализ, и без того нелегкий в силу временной удаленности, было составлено (С.Д. Дарлингтоном) приблизительное родословное древо XVIII династии (1570—1320 до н. э.). Наиболее интересная часть этой родословной имеет отношение к Аменхотепу IV, который переименовал себя в Эхнатона. Этот «мистический фараон» предпринял впечатляющую, но безуспешную попытку уничтожить политическую, социальную и религиозную власть жрецов бога Амона в Фивах.

По его статуям и портретам историки медицины определили, что он был болен туберкулезом и акромегалией. Его эмоциональная жизнь также не отличалась большим здоровьем. Его первой женой стала его мать Тий, женщина родом из Нубии; у них родилась дочь. Затем Эхнатон женился на двоюродной сестре своей матери, Нефертити, и стал отцом еще троих дочерей. Третья и четвертая жены Эхнатона не были его кровными родственницами, и от каждого из этих браков у него родилось по одному сыну, второй из которых, Тутанхамон, еще в детстве стал фараоном. В пятый, последний раз Эхнатон женился на одной из своих собственных дочерей от Нефертити; от этого брака родилась одна дочь, которая умерла совсем молодой.

Хотя ни один из браков Эхнатона не был предназначен для укрепления его права на престол, оба его сына были вынуждены жениться на своих единокровных сестрах. В первом случае брак оказался бездетным; во втором случае оба ребенка родились мертвыми.

С исторической точки зрения единственным реальным достижением Эхнатона было его покровительство новому и свежему, хотя недолговечному стилю в искусстве и архитектуре. Однако своим бессмертным именем он обязан не только репутации интересного, хотя и эксцентричного фараона, но и тому, что он стал своего рода прототипом Эдипа — центрального персонажа бео-

тийского мифа, великого трагического героя драмы Софокла, ставшего символом особого типа невроза фиксации на отцовской фигуре, который, в свою очередь, явился краеугольным камнем теории классического психоанализа первой трети XX века.

Эхнатон, в отличие от Эдипа, не убивал своего отца; вместо этого он уничтожил все следы его правления. Но в том, что касается тайны, окружавшей детские годы, встречи со сфинксом-оракулом, предсказаний смерти, брака с матерью, свержения с престола и изгнания, наблюдаются отчетливые параллели между образами Эхнатона и Эдипа.

Вряд ли Эхнатон страдал от каких-либо проявлений судьбы или чувства вины, которые могли бы приписать ему соответственно Софокл и Фрейд, однако почти несомненно то, что именно история жизни этого царя, дошедшая до Средиземноморья около 3000 лет назад, прочно вошла в западную литературу и традиции.

Древняя Америка

«Когда у твоей жены был [период менструаций], имел ли ты с ней сношения? А когда вы оба соединялись, происходило ли это с похотью и неподобающим образом? Совершал ли ты другие развратные поступки и испытывал ли ты грязные наслаждения, которые здесь

не были упомянуты.¹ Вспомни обо всем, чтобы сознаться и покаяться».

Вопросы для исповеди², подобно средневековым руководствам для наложения епитимьи, перечисляют максимально возможное количество сексуальных грехов; среди них находятся и касающиеся инцестных совокуплений.

«Ты — замужняя женщина, или вдова, или девственница, или ты потеряла свою девственность?»

Сколько раз?

Желаешь ли ты кого-либо?

Являетесь ли вы родственниками?

В какой степени родства вы состоите?

Согрешил ли ты с женщиной?

Была ли она твоей родственницей?

Совершал ли ты грех с какой-либо женщиной, используя обе ее части?

Целовался ли ты с женщиной?

Была ли она твоей матерью, произведшей тебя на свет?

Повинен ли ты в содомии?

Касался ли ты нижних частей мужчины с удовольствием, желая совершить грех?

Совершил ли ты грех с каким-нибудь животным?

Совершил ли ты грех с женщиной, стоявшей, подобно животному, на четырех конечностях, или ты сам поставил ее так, желая согрешить с ней?

Сколько человек согрешили с тобой?

И был ли среди них твой отец, тот, кто породил тебя?

И был ли среди них твой старший брат?

И был ли среди них твой младший брат?

И согрешила ли ты с другой женщиной так, как будто бы вы были мужчиной и женщиной?»

Великий Инка считался прямым потомком Солнца и заботился о доказательстве своих полномочий. При каждой возможности подчеркивались и акцентировались солнечная символика и чистота крови; последняя, как и в Древнем Египте 3000 лет назад, поддерживалась с помощью инцеста. Великий Инка мог жениться только на представительнице своего рода, восходящего к богу Солнца, то есть на своей сестре.

Естественно, среди обычных людей инцест подлежал жестокому наказанию, так же как и среди ацтеков и многих племенных сообществ Северной Америки.

Древняя Греция

В Греции общественное мнение отвергало инцест, хотя, пожалуй, нигде и никогда не существовало суровых наказаний за него. Запрещались браки между родственниками по восходящей и нисходящей линии, а в более древнюю эпоху под запретом находились также браки между братьями и сестрами; позднее такие браки допускались при условии, что жених и невеста происходят

от разных матерей. Не считая этих ограничений, браки между родственниками не были редкостью, а в консервативных аристократических семьях вплоть до V века не был чем-то неслыханным даже брак между родными братом и сестрой, о чем свидетельствует супружество Кимона и Эльпиники.

Примеру египтян, среди которых подобные браки существовали всегда, подражали жившие в этой стране греки, ценившие этот обычай за то, что семейная собственность не дробится. Чтобы сохранить приданое в семье, было также законодательно закреплено, что дочь-наследница (*ἐπίκληρος*), т. е. девушка, в руки которой переходило все родительское имущество, обязана выйти замуж за ближайшего неженатого родственника.

Как бы там ни было, общественное мнение не одобряло инцест в чистом виде, что отразилось в многочисленных мифологических преданиях, внушающих к нему отвращение, и даже в формировании особой — характерной для Греции — сценической традиции, которую можно было бы назвать «драматургией инцеста».

Наконец, следует отметить, что инцест в сновидениях — даже инцест гомосексуальный — отнюдь не был редким сюжетом, по крайней мере такой вывод можно сделать на основании той обстоятельности, с которой он описывается и истолковывается в античных сонниках.

Древняя Иудея (инцест в Библии)

В Библии упоминания об инцесте и даже целые сюжеты встречаются очень часто.

Тем не менее запреты на инцест существовали; предписания табу инцеста были выражены завуалированно и эвфемистично: «Наготы отца твоего и наготы матери твоей не открывай... Наготы жены отца твоего не открывай... Наготы сестры твоей, дочери отца твоего или дочери матери твоей, родившейся в доме или вне дома, не открывай... Наготы дочери сына твоего или дочери дочери твоей не открывай... Наготы дочери жены отца твоего не открывай... Наготы сестры отца твоего не открывай... Наготы сестры матери твоей не открывай... Наготы брата отца твоего не открывай, и к жене его не приближайся... Наготы невестки твоей не открывай... Наготы жены брата твоего не открывай...» (Лев., 18:7—18). Эти требования постоянно совершенствовались, и в результате в них вошло множество других запретов, вплоть до запрета «открывать наготу» бабки по материнской линии жены брата отца.

Поскольку инициатива всегда принадлежала мужчине, эти законы были адресованы преимущественно ему. Родство с семьей жены считалось существующим не с момента свадьбы, а еще с момента помолвки, и любое нарушение табу на инцест влекло за собой различные наказания — от бичевания до побивания камнями или сожжения.

Трудно сказать, в какой мере отношение евреев к инцесту было связано с архаическими обычаями, до какой степени оно объяснялось влиянием их соседей — ассирийцев и хеттов (которые также осуждали инцест), и не являлось ли оно следствием реакции отторжения на воспоминания об египетском периоде, где инцест был чуть ли не нормой, по крайней мере в правящих династиях.

Возможно даже, что евреи, буквально одержимые стремлением к рождению сыновей и укреплению рода, помнили, что инцестное супружество фараонов приводило к рождению большого количества дочерей.

Тем не менее, как указано выше, инцестуозная тематика довольно широко представлена в библейских текстах.

Авраам и Сарра

Одна из историй касается патриарха Авраама и его жены Сарры.

Этот отрывок является вариацией известной темы — попытки представить жену как сестру. Суть рассказа в том, что красота женщины заставит ее поклонников, если они будут знать, что она замужем, убить мужа, сделав ее, таким образом, вдовой и получив возможность жениться на ней. Чтобы спасти мужа, женщина представляется его сестрой.

Наиболее древняя из вариаций этой темы — рассказ об Исааке и Ревекке в Гераре (Быт., 26:1—33).

Исаак говорил всем, что Ревекка — его сестра, однако царь Авимелех увидел, как Исаак занимается с ней петтингом (цахак), и заметил, что с сестрой так себя обычно не ведут. Исаак признался в своем обмане.

Был голод в земле, сверх прежнего голода, который был во дни Авраама; и пошел Исаак к Авимелеху, царю Филистимскому, в Герар.

Господь явился ему и сказал: не ходи в Египет; живи в земле, о которой Я скажу тебе.

Странствуй по сей земле; и Я буду с тобою, и благословлю тебя: ибо тебе и потомству твоему дам все земли сии, и исполню клятву, которою Я клялся Аврааму, отцу твоему.

Умножу потомство твое, как звезды небесные; и дам потомству твоему все земли сии; благословятся в семени твоём все народы земные.

За то, что Авраам послушался гласа Моего и соблюдал, что Мною заповедано было соблюдать: повеления Мои, уставы Мои и законы Мои.

Исаак поселился в Гераре.

Жители места того спросили о жене его, и он сказал: «это сестра моя»; потому что боялся сказать: «жена моя», чтобы не убили меня, *думал он*, жители места сего за Ревекку, потому что она прекрасна видом.

Но когда уже много времени он там прожил, Авимелех, царь Филистимский, посмотрев в окно, увидел, что Исаак играет с Ревеккою, женою своею.

И призвал Авимелех Исаака, и сказал: вот, это жена твоя; как же ты сказал: «она сестра моя»? Исаак сказал ему: потому что я думал, не умереть бы мне ради ее.

Но Авимелех сказал: что это ты сделал с нами? едва один из народа не совокупился с женою твоею, и ты ввел бы нас в грех.

И дал Авимелех повеление всему народу, сказав: кто прикоснется к сему человеку и к жене его, тот предан будет смерти.

То же самое произошло с Авраамом и Саррой в Египте. В этом рассказе Сарра успела войти в гарем фараона, прежде чем обман был раскрыт (Быт., 12:10—20).

И был голод в той земле. И сошел Авраам в Египет, пожить там; потому что усилился голод в земле той.

Когда же он приближался к Египту, то сказал Сарре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом;

И когда Египтяне увидят тебя, то скажут: «это жена его»; и убьют меня, а тебя оставят в живых.

Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя.

И было, когда пришел Авраам в Египет, Египтяне увидели, что она женщина весьма красивая;

Увидели ее и вельможи фараоновы, и похвалили ее фараону; и взята была она в дом фараонов.

И Аврааму хорошо было ради ее; и был у него мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы, и рабыни, и лошаки и верблюды.

Но Господь поразил тяжкими ударами фараона и дом его за Сарру, жену Авраамову.

И призвал фараон Авраама, и сказал: что ты это сделал со мною? для чего не сказал мне, что она жена твоя?

Для чего ты сказал: «она сестра моя»? и я взял-было ее себе в жену. И теперь вот жена твоя; возьми и пойд.

Третий вариант повествует о том, как Авраам и Сарра были в Гераре, где царем (как в случае с Исааком и Ревеккой) был Авимелех (Быт., 20). Сарра, представившаяся сестрой Авраама, оказалась с ним в постели. События развивались бы естественным в таких случаях образом, если бы не вмешался Бог, спасший Сарру от половой связи с царем. Рассказчик, объясняя поведение Авраама, говорит, что Сарра в действительности была его сводной сестрой. У них был один отец, но разные матери. Никакого осуждения инцестуозного брака или обмана нет.

Лот

Другой сюжет инцестуозного сожителства связан с именем Лота, племянника Авраама. Лот (Быт., 11:27, 2 Петр., 2:7, 8, Лук., 17:28, 29) — сын Харрана, племянник Авраама. За исключением Сарры, Лот был единственным родственником, сопутствовавшим патриарху Аврааму при его переселении в землю Ханаанскую. В течение некоторого времени он жил вместе со

своим дядей, пока между пастухами Авраама и собственными пастухами Лота не возникли разногласия и споры касательно пастбищ, на которых паслись их стада. Чувствуя необходимость разделиться со своим племянником, Авраам первый с благородным бескорыстием предложил ему право выбора местности для жительства: «Не вся ли земля пред тобою, — сказал он, — отделись же от меня. Если ты налево, то я направо, а если ты направо, то я налево» (Быт.,13:9). Лот принял это предложение и выбрал всю окрестность Иорданскую, которая «вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень, как земля Египетская» (Быт.,13:10). «И разделились они друг от друга, — говорит священный бытописатель, — и Лот раскинул свои шатры до Содома» (Быт.,13:12).

Из дальнейшей истории Лота видно, что Лот неоднократно и тесно сближался с жителями Содома, «которые были злы и весьма грешны пред Господом» (Быт.,13:13), посему, когда шесть союзных царей, в том числе Содомский и Гоморрский, выступившие с войною против Кедорлаомера, царя Еламского, были разбиты им и их страна разграблена, Лот со всеми домочадцами и имуществом был взят в плен, и только благодаря мужеству и решимости своего дяди освобожден из него (Быт., 14:12—16). Впрочем, Лот не обратил внимания на нравственное значение этого собы-

тия. Он возвратился в Содом и оставался в этом грешном городе, доколе не обрушился на него грозный суд Божественного гнева.

Перед разрушением небесным огнем нечестивых городов от общей гибели спасся один только Лот с семейством, которых вывели из города по повелению Божьему ангелы. На пути жена его вопреки воле Божьей, оглянувшись назад, обратилась в соляной столп, а сам Лот с дочерьми спасся в близлежащем городе Цоаре (Сигоре), а потом удалился на гору и стал жить с дочерьми в пещере, где от старшей дочери родился ему сын Моав, а от младшей — Аммон.

Итак, действие разворачивается поблизости от городов Содом и Гоморра. Жена Лота, послушавшись Ягве и оглянувшись на своем пути из долины, превратилась в соляной столп. Лот и две его дочери остановились на отдых в пещере. Вот что случилось потом.

«И жил [Лот] в пещере, и с ним две дочери его. И сказала старшая младшей: отец наш стар; и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли.

Итак напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя. И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая, и спала с отцом своим; а он не знал, когда она легла и когда встала.

На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя.

И напоили отца своего вином и в эту ночь; и вошла младшая, и спала с ним; и он не знал, когда она легла и когда встала.

И сделались обе дочери Лотовы беременными от отца своего.

И родила старшая сына, и нарекла ему имя: Моав [«от отца»]. Он отец Моавитян доныне.

И младшая также родила сына, и нарекла ему имя: Бен-Амми [«сын моего народа»]. Он отец Аммонитян доныне (Быт., 19:30—38).

Моав (Числ., 22:1, 33:48, 50) — страна, находившаяся на востоке от Мертвого моря, по обеим сторонам реки Арнон. Жители этой страны назывались моавитянами, по имени Моава, сына Лота от его старшей дочери. Моав был родоначальником моавитян (Быт., 19:30—37).

Моавитяне были идолопоклонниками, поэтому некоторые пророки к ним обращались со своими обличениями (Исаия 15, 16, Иер., 48). Падение Моава точно предсказано пророком Софонией: «Моав будет, как Содом, и сыны Аммона будут, как Гоморра, достоянием крапивы, соляною рывиною, пустынею вовеки» (Соф., 2, 9).

Аммонитяне, или сыны Аммона (Быт., 19:38), были потомками Бен-Амми, сына Лотова, по кровосмешению его со своею младшею дочерью. Он родился вблизи Сура, но потомство его распространилось к северу и занимало гористые страны Галаада, между потоками Арноном и Явоком. Первоначально владения аммонитян граничили к северу с потоком Явок, к западу — с Иорданом, к югу — с Арноном, и вдавались с восточной стороны в Аравию. Аморитяне, при своем царе Сигоне, изгнали аммонитян из плодороднейшей части их владений, лежавшей между двумя реками; но Моисей взял эту землю у аморитян и разделил ее между коленами Рувимовым и Гадовым.

Сыны Аммоновы также предавались идолопоклонству (Суд., 10:6). Главным идолом их был Молох, как полагают, то же божество, что и Ваал. История аммонитян наполнена многими проявлениями гнева Божия, который они многократно навлекали на себя своим нечестием, хотя и были пощажены, по нарочитому повелению Божию, когда Израиль обошел страну их, во время своего похода из Египта (II Пар., 20:10, Втор., 2:19).

Таким образом, в рассказе о Лоте инцест тоже не осуждается. На самом деле, эта легенда, возможно, связана с древним мифом о разрушении Вселенной Богом — своего рода вариацией мифа о Потопе. Старшая дочь жа-

ловалась на то, что на Земле не осталось мужчин, от которых она могла бы родить ребенка. Какова бы ни была первоначальная версия этой истории, теперь она известна нам как фольклорная легенда. И в этом культурологическом контексте ее можно истолковать как объяснение родственной связи между иудеями и их соседями — аммонитянами и моавитянами. Кроме того, легенда могла быть сочинена для того, чтобы уличить соседние народы в инцестуозном происхождении и установить их низжестоящее, по сравнению с безупречными по происхождению иудеями, положение. Если этот отрывок народной легенды представляет собой лишь ниспровержение моавитян или аммонитян — это может служить подтверждением идеи о том, что инцест, даже в экстремальной ситуации — каковой является полная социальная изоляция, — все-таки заслуживает осуждения, пусть даже в самой завуалированной форме.

Рувим

Участница другой народной легенды об инцесте — наложница. Несмотря на то что статус наложниц в иудейской семье отличался от статуса жены, они считались частью рода и иногда даже кое-чем владели. Так или иначе они в такой же степени были защищены от инцеста, как и любой другой член семьи, и половые отноше-

ния с наложницей, принадлежавшей, например, отцу, приравнивались к инцесту.

У Иакова, которого иногда называют Израилем, была наложница Балла. Его сын Рувим соблазнил ее. В сокращенном библейском рассказе не содержится описания реакции Израиля (Иакова). Сказано лишь, что отец «услышал» об этом (Быт., 35:22). Впоследствии Рувим был проклят отцом и утратил дававший ему определенные привилегии статус первенца. Его колено было обречено на слабость, поскольку Рувим «осквернил» ложе своего отца (Быт., 49:4). Похоже, что этот рассказ сложился тогда, когда число потомков Рувима стало уменьшаться; народная легенда объясняет, почему это произошло.

Авессалом

Один библейский рассказ, который скорее всего основан на фактическом материале, касается эпизода из дворцовой истории царя Давида.

Сын Давида, Авессалом, взбунтовался против отца и в итоге вынудил его бежать из Иерусалима. В свое отсутствие Давид поручил десяти наложницам из гарема следить за дворцом (2 Цар., 15:16). Когда Авессалом занял город, он раскинул шатер на крыше дворца, откуда ему был виден весь Иерусалим. Затем он на глазах у изумленной публики стал развлекаться с женщинами

из гарема отца. Это было не просто актом неповиновения; это было свидетельством того, что он занял место отца, стал хозяином дворца и государства.

Давид, смещая царя Саула, сделал то же самое; он овладел женами Саула (2 Цар., 12:8).

По тому же принципу развивались события, когда военачальник Саула, Авенир, хотел отнять царство у сына Саула — Иевосфея. Он овладел наложницей Саула — Рицпой. Когда его призывали к ответу за этот поступок, он отреагировал очень гневно и предал царя (2 Цар., 3:6—21). Позднее, когда Адония попросил у Соломона Ависагу Сунамитянку, последнюю любовницу его отца (царя Давида), это стоило ему жизни, потому что Соломону было прекрасно известно, что его брат претендует на престол.

Таким образом, инцест, совершенный Авессаломом, на самом деле был политическим заявлением, социальным актом, который должен был продемонстрировать его власть.

Когда Давид снова воцарился на своем троне и поселился во дворце, он изолировал всех наложниц и отстранил их от половых отношений с кем бы то ни было, поскольку из-за проступка Авессалома они стали нечистыми (2 Цар., 20:3).

Античная мифология инцеста

Очевидно, что практика кровнородственных соединений — связей и браков (которая в совокупности может быть определена как «мифология инцеста») существовала как до, так и после античности.

Однако следует различать мифы о происхождении мира, или *космогонические*, — где инцестуозно-матримониальные сюжеты, во-первых, присутствуют как правило, во-вторых — морально не проблематизированы, и мифы *героические* — где инцест далеко не всегда связан с браком³ и, кроме того, все чаще

и чаще навлекает на себя божественный гнев, что имеет судьбоносное значение.

Мифологический мотив кровосмешения, инцеста, брачной связи между ближайшими родственниками (братьями и сестрами, родителями и детьми), запретной, согласно универсальным требованиям экзогамии, отмечает особую роль мифического времени как эпохи первотворения, когда в брак вступает первая пара — небо и земля и т. п. в космогонических мифах (греческие Уран и Гея как сын и мать; мать-земля и Йуругу у догонов; восточнославянские космогонические представления, связанные с Купалой — кровосмесительный брак брата и сестры, огня и воды, символизируемый двухцветным цветком иван-да-марья; и т. п.), обозначает первопредков — в антропогонических мифах (китайские Фуси и Нюйва, супруги, брат и сестра; индуистские Брахма и его дочь; древнееврейские Лот и его дочери), или указывает на сверхъестественные отношения божеств (скандинавские ваны — Ньерд и др. — женились на своих сестрах; также инцестные отношения египетских Осириса и Исиды, брата и сестры, и др.; брак греческих богов-олимпийцев Зевса и его сестры Геры; общесемитские Балу и его дочери-жены Пидрай, Талай и Арцай, сестра и возлюбленная — Анат), культурных героев (осетинские Шатана и Урызмаг, брат и сестра по матери).

Инцест, осознаваемый как нарушение нормы, приводит к превращениям-метаморфозам (у папуасов после инцеста брат и сестра Пи и Хана превращаются в небесные тела),

гибели божества (индейское божество Кецалькоатль после инцестного коитуса со своей сестрой удаляется в добровольное изгнание, где вскорости погибает; в наказание за инцест Брахмы с собственным творением — дочерью Савитри Шива отрубает богу одну из голов), к угрозе существованию народа (эпидемия чумы в Фивах в правление Эдипа, женатого на своей матери Иокасте).

В легендах о св. Григории инцест с матерью совершает ребенок от брака брата и сестры: искупление вины — в покаянии и обретении святости.

Особое место в инцестной мифологии занимает египетская эннеада, девятка изначальных богов города Гелиополь — Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет, Нефтида.

В инцестуозных браках, согласно древнеегипетской мифологии, состояли Шу, бог воздуха, и Тефнут, богиня влаги, его сестра-близнец; их дети: Геб — земля и Нут — небо; потомки последних: Исида — богиня плодородия, воды и ветра, мореплавания и пр., и Осирис — бог производительных сил природы, царь загробного мира, Сет — бог «чужих стран», и Нефтида⁴.

Несмотря на то что в рамках античной мифологии разноплановые инцестуозные сюжеты представлены весьма широко, наиболее цельной и насыщенной является судьба рода Пелопидов, потомков Пелоп[с]а, а наиболее известной — в том числе благодаря позднейшим интерпретациям — судьба Лабдакидов, по-

томков рода Лабдака. Нас они интересуют не только с точки зрения морально-судьбоносной проблематизации инцеста, но и, главным образом, в силу того, что именно к ним спустя тысячелетия обращается новая метапсихология — психоанализ.

Таким образом, я обращаюсь прежде всего к греческой «матримониально-инцестуозной» мифологии (такое определение оправдано — ведь есть еще мифы о Кавне и Библиде, Гарпалике и Климене, Кинире и Мирре, Микерине и его дочери, Макарее и Канаке и мн. др.⁵), причем исключительно эпической⁶.

* * *

Пелоп — сын мифического Тантала.

Согласно мифу, Тантал, пригласив олимпийских богов на пир, разрубил на части собственного сына Пелопа и предложил гостям кушанье из его мяса. Боги не прикоснулись к пище. Только Деметра, горящая по своей утерянной дочери Персефоне, в рассеянности съела кусочек мяса, оказавшийся плечом ребенка. Когда боги возродили Пелопа к жизни, они вставили ему искусственное плечо из слоновой кости.

Пелоп добился Гипподамии, дочери царя Эномая из Писы в Элиде, подкупив возницу Эномая Миртила. Соревнования в беге колесниц между Пелопом и Эно-

маем рассматривали как начало соревнований колесниц на Олимпийских играх.

Пелоп был владыкой всего Пелопоннеса, который, собственно, и получил свое имя в его честь (остров Пелопа).

На его роду, особенно на сыновьях Атрее и Фиесте, лежало проклятие Миртила. (Чтобы не отдать Миртилу обещанную награду и избавиться от него как от пособника и свидетеля бесчестной победы, Пелоп сбросил его в море.)

Атрей — мифический микенский царь, сын Пелопа и Гипподамии, внук Тантала, отец Агамемнона и Менелая. Изгнал из страны своего брата Фиеста (Тиеста) за то, что тот соблазнил его жену Аэропу.

Позднее, притворившись готовым к примирению, Атрей пригласил Фиеста вернуться в Микены. Когда тот прибыл, Атрей зарезал сыновей Фиеста и накормил брата их мясом.⁷

Вторая жена Атрея, Пелопия, дочь Фиеста, родила сына Эгисфа, которого зачала не от Атрея, а в греховной связи со своим отцом.

Через несколько лет Атрей приказал Эгисфу убить Фиеста, но Эгисф узнал в Фиесте своего отца. Эгисф убил Атрея, а позднее, все еще сжигаемый жаждой мести, и его сына Агамемнона.

Агамемнон — мифический царь Микен, сын Атрея (поэтому называемый также Атридом) и Аэропы, брат Менелая.

Когда Парис похитил Елену, сестру жены Агамемнона Клитемestры и жену Менелая, Агамемнон встал в начавшейся по этой причине войне против Трои во главе греческого войска. Чтобы флот смог отплыть, ему пришлось принести в жертву свою дочь Ифигению. Во время Троянской войны он вынужден был вернуть свою наложницу Хрисеиду, взамен отнял у Ахилла его любимую пленницу Брисеиду, чем навлек его гнев.

После покорения Трои Агамемнон возвратился домой с плененной царевной Кассандрой и был убит Клитемestрой (согласно другой версии, ее любовником Эгисфом или же обоими) во время трапезы (или купания)⁸.

За убийство отца отомстил его сын Орест.

Менелай — в греческой мифологии младший сын Атрея (поэтому его также называли Атридом), супруг Елены; получил от тестя Тиндарея царский трон в Спарте.

Когда Парис похитил Елену, Менелай вместе с греческим войском, которым командовал его брат Агамемнон, двинулся походом на Трою. Там он отбил у врагов тело Патрокла и вошел в число греческих воинов, укрывавшихся в деревянном коне, а во время взятия Трои убил Деифоба.

Примирившись с Еленой, Менелай отплыл из Трои на родину, но буря забросила его в Египет, и он только через 7 лет вернулся в Спарту.

У Елены от него родилась единственная дочь, Гермiona.

Боги удостоили Менелая бессмертия и поселили на Елисейских полях (в Элизиуме).

Эгисф — в греческой мифологии сын Фиеста и его дочери Пелопии, которая, родив сына, бросила младенца. Атрей принял Эгисфа в свою семью как родного сына, воспитал при своем дворе и поручил убить Фиеста. Однако Эгисф узнал в жертве своего отца и убил Атрея.

После смерти Фиеста сыновья Атрея Агамемнон и Менелай изгнали Эгисфа из Микен.

Во время пребывания Агамемнона под Троей Эгисф вступил в связь с его женой Клитемстрой, вместе с ней вероломно убил вернувшегося Агамемнона.⁹

Эгисф был умерщвлен Орестом, мстившим за смерть отца.

Орест — в греческой мифологии сын Агамемнона и Клитемстры, брат Хрисофемиды, Ифигении и Электры, воспитанный своим дядей Строфием вместе с Пиладом, сыном Строфия.

Призванный к кровной мести велением Аполлонова оракула, Орест на восьмом году после смерти отца неизвестным образом вернулся на родину с Пиладом, открылся Электре и убил свою мать и Эгисфа, потому что ими был убит Агамемнон. За это Эринии наслали на него безумие и преследовали его, но он получил от Аполлона очи-

щение от пролитой крови или совет молить о защите Афины Палладу, обняв ее статую в Афинах. Там он был оправдан Ареопагом.¹⁰

По другой версии, Орест по повелению Аполлона во искупление своей вины привез из Тавриды в Грецию с помощью своей сестры Ифигении статую Артемиды.

Позднее Орест женился на Гермione.¹¹

Электра (Лаодика) — дочь мифического царя Агамемнона и Клитемestры, сестра Ифигении (Ифианассы), Хрисофемиды и Ореста.

Когда Клитемestра и ее любовник Эгисф убили отца Электры, Электра доставила Ореста в безопасное место. Униженная недостойным обращением в родительском доме, она побудила Ореста к мщению убийцам отца.

Позже она якобы становится женой Пилада, преданного друга своего брата.¹²

Лабдак — в греческой мифологии внук Кадма, отец Лаия; фиванский царь, родоначальник Лабдакидов.

Лаий — в греческой мифологии сын Лабдака, фиванский царь, супруг Иокасты.¹³

Когда дельфийский оракул возвестил ему, что сын убьет его и женится на Иокасте, Лаий приказал оставить Эдипа в лесу на склоне горы Киферон. Много лет спустя пал от руки сына, не узнавшего отца.

Иокаста (у Гомера — Эпикаста) — сестра Креонта, жена фиванского царя Лаия, мать Эдипа.

После смерти Лаия Иокаста стала женой собственного сына, не догадываясь об этом. Узнав правду, Иокаста покончила с собой.

Эдип — сын фиванского царя Лаия и Иокасты, отец Антигоны, Исмены, Этеокла и Полиника.

Дельфийский оракул предсказал, что Эдип в будущем станет убийцей своего отца и супругом матери, поэтому он по приказанию отца ребенком был брошен на съедение зверям, с проколотыми ногами (сухожилиями либо стопами)¹⁴.

Найденный пастухами, Эдип был передан бездетному коринфскому царю Полибу, который воспитал его как своего сына. В Фокиде Эдип встретил на перекрестке дорог своего отца Лаия и убил его, не зная, что убил отца.

Он освободил Фивы от Сфинкс, решив ее загадку, стал там царем и, ничего не подозревая, женился на своей матери. Узнав истину, он ослепил себя. Оскорбленный сыновьями, он проклял их и умер в Фивах или, по другой версии, в изгнании, приведенный перед смертью сопровождавшей его Антигоной в аттическую рощу Колон.¹⁵

Антигона — в греческой мифологии дочь Эдипа и Иокасты.

Антигона последовала за старым и слепым отцом в добровольное изгнание и оставалась там до его смерти.

Два ее брата, Этеокл и Полиник, соперничали между собой за правление Фивами. Полиник выступил с Ад-

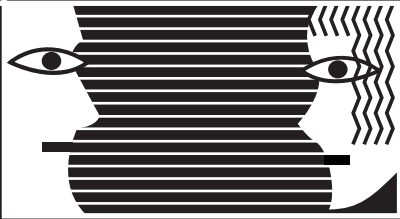
растом в походе Семерых против Фив на своего брата. Оба брата погибли в сражении.

Антигона погребла тело Полиника, несмотря на запрет своего дяди, царя Креонта. За это ее заживо замуровали в каменную пещеру, где она покончила с собой. Ее жених, сын царя Креонта Гемон, не успевший спасти Антигону, также лишил себя жизни.¹⁶

* * *

Имеются сведения, что между двумя этими родами есть и пересечения: по одной из версий мифа, якобы именно Пелоп проклял Лаия и весь его род за то, что тот похитил и соблазнил Хрисиппа, сына Пелопа и нимфы Аксиохи, который вследствие позора наложил на себя руки.¹⁷

Генетика и стигмы

инцеста

Инцест приводит к вырождению. Это аксиома.

Мы уже видели живую студию инцеста — Древний Египет, удивительный мир, с его бесконечными — инцестуозными — династиями, где в силу кровосмесительных браков рождались девочки, и именно женщины зачастую становились фараонами.

Однако те времена давно минули; тогда, очевидно, все было другим. Вернемся поэтому к новому времени и поглядим, что говорили о последстви-

ях инцеста — его действительных, реальных, не психоаналитических, не психосексуальных, последствиях — в XIX веке, у истоков современной науки, какой мы ее знаем сегодня.

«В цивилизованных государствах в последнее время с точки зрения гигиены обратили особое внимание на браки между кровными родственниками, причем в этом случае всегда подразумеваются браки между двоюродными братьями и сестрами. Вряд ли существует какой-либо врач или даже просто внимательный наблюдатель, которому неизвестны были бы подобные браки и случаи рождения от них хилых и болезненных детей; этот же вопрос послужил предметом внимательного изучения для многих исследователей.

Серьезными попытками внести свет в этот важный вопрос мы обязаны особенно Джорджу Дарвину, сыну знаменитого естествоиспытателя.

На основании многочисленных статистических данных он приходит к заключению о невозможности доказательства того, что браки между двоюродными братьями и сестрами имеют дурные последствия для потомства, как этого опасаются. Но он же добавляет, что на собранные им цифровые данные он не может вполне положиться, и очень возможно, что если бы удалось добиться неоспоримых статистических данных, то вместо его отрицательного вывода получился бы положительный. И в самом деле, наряду с этими отрицательными выводами существуют довольно веские взгляды и аргументы опытных практических врачей, особенно часто наблюдавших глухонемоту, идиотизм, слабоумие и другие недостатки у детей, родившихся от брака между кузенами.

Но эти же врачи признают, что болезни потомства вовсе нельзя считать абсолютно необходимым последствием таких браков. Напротив, в целом ряде случаев дети, родившиеся от брака между двоюродными братьями и сестрами, совершенно здоровы и всю свою жизнь не страдают подобными недостатками. Нередко, однако, последние появляются у внуков, и им таким образом приходится расплачиваться за ошибку своих деда и бабушки, совершенную при выборе супруги и супруга.

Из того, что во втором или третьем поколении могут обнаружиться вышеназванные недостатки, еще нельзя прийти к заключению о том, что они являются абсолютно верным и неизбежным последствием брака между кузенами. Если последние отличаются особенно крепким здоровьем и происходят от совершенно здоровых родителей, то их дети могут также быть здоровыми, несмотря на близкое родство своих родителей. Этим все-таки не умаляется факт существования случаев, в которых несомненно были констатированы известные болезни у детей. И если припомнить, что Митчелл, Мантегацца и др. нашли, что в домах умалишенных и лечебницах для идиотов сравнительно большой процент больных приходится на долю лиц, родители которых были кузенами, если припомнить, что... в школе для глухонемых в Галифаксе (Канада) 56 из 110 глухонемых были рождены от брака между кровными родственниками, тогда нельзя не присоединиться к Джорджу Дарвину, который говорит: «Такое единодушное признание дурных последствий от брака между кузенами,

без сомнения, должно иметь большее значение, чем мои чисто отрицательные выводы».

Противоречивые и противоположные мнения различных авторов, один из которых постоянно приводит примеры, говорящие о вредных последствиях подобных браков, а другой старается доказать противоположное, могут, вероятно, быть разрешены следующими положениями. Если вступающие в брак двоюродные брат и сестра отличаются крепким здоровьем, тогда и дети их могут быть совершенно здоровыми, но нельзя быть вполне уверенным в этом; наконец, если дети и будут здоровы, то на внуках все-таки могут проявиться вышеуказанные дегенеративные процессы. Если же при браке между двоюродными братьями и сестрами один из супругов или оба больны, тогда очень вероятно, что те же болезненные явления с еще большей силой проявятся в детях, родившихся от такого брака. Кричтон Браун был совершенно прав, говоря: «Мне всегда казалось, что большая опасность, происходящая от подобных браков, заключается в возрастающей болезненности телосложения, развитию которой они способствуют. Наследственные болезни и худосочие скорее можно встретить одновременно у обоих супругов, если они двоюродные брат и сестра, нежели если между ними нет никакого родства, а между тем эти болезни с удвоенной силой проявляются в детях, если ими страдали и отец, и мать. Но даже у совершенно здоровых родителей, находящихся между собою в кровном родстве, дети могут родиться крайне хилыми».

Кроме вышеприведенных недугов, Мантегацца приводит еще некоторые вредные последствия от брака между кузена-

ми, по его мнению, лучше всего доказанные, а именно те случаи, когда зачатие совершенно не происходит или происходит неправильно, затем выкидыши, уродства, склонность к нервным и золотушным заболеваниям, задержанное умственное развитие, пониженная жизнеспособность, высокая детская смертность, расстройства регул, слабая половая способность и некоторые глазные болезни.¹⁸

* * *

В случае формирования тенденций к постоянному инцестному оплодотворению одни и те же гены передаются всем потомкам пары.

Изменяется окружающая среда, появляются новые болезни, случаются неурожаи, падеж скота, хищники отвоевывают территорию. Не все могут выжить в таком нестабильном мире. Эволюция трудится над смешением кровей, изыскивая особей, которые легко адаптируются к изменениям. Разнообразие — это не только форма жизни, это база эволюции. Чтобы приспособиться к смене ландшафта и множеству опасностей, подстерегающих на каждом шагу, нужно располагать генным разнообразием. Воспроизводство одного и того же на протяжении двадцати поколений, как отмечалось выше, приводит к гомогенности.

В целом в числе последствий близкородственного скрещивания называют:

— повышение однородности наследственной основы (гомозиготность);

— проявление рецессивных («подавленных») генотипов;

— поскольку многие рецессивы обладают вредным эффектом, близкородственное скрещивание (инбридинг) обычно ведет к уменьшению размеров, плодовитости, урожайности и приспособленности;

— повышение фенотипической изменчивости, поскольку сходные гены имеют тенденцию накапливаться у одной и той же особи, которая при этом будет отличаться от других особей.

Результат, который дает инцест, можно наблюдать в мире животных — взять хотя бы семью гепардов. Поскольку гепарды представляли собой большую опасность, на воле их осталось очень мало. Анализ их генного кода показывает, что он имеет множество совпадений. Животные почти неотличимы друг от друга, ничто новое не усвоено потомством. Вирус, способный убить одного гепарда, непременно окажет точно такое же действие на всех других гепардов.

В мире животных гибриды всегда были сильнее, давали больше потомства и жили дольше. Поэтому несомненно, что табуирование инцеста имеет биологические корни, хотя присутствуют и другие причины — пред-

мет рассмотрения социологов, психоаналитиков, антропологов и многих других.

Таким образом, аргументы против инцеста комбинируются как из социальных, так и из генетических соображений-противопоказаний.

* * *

Инцест, а точнее инцестное зачатие, приводит к накоплению *рецессивных аллелей*, — произнесенная, эта сентенция вроде бы не вызывает каких-либо ужасающих ассоциаций, однако уже один только перечень заболеваний (точнее — синдромов), передающихся по *аутосомно-рецессивному типу наследования*, способен вызвать дрожь, — не говоря уже о тех врожденных уродствах, которые встречаются у потомства кровосмесительных браков.

Итак, каковы же последствия инцеста, последствия реальные, то есть известные из клинических наблюдений, — страдающих, тем не менее, некоей эмоционально-напряженной образностью речи, проступающей сквозь латинизированные медико-патологические констатации?

Откажемся от клиничко-генетических описаний — терапевтических эссе, образчиков речи, которые, в силу тщательно скрываемой, но все же прорывающейся поэтики евгенического отчаяния, понятны каждому. Не будем говорить о них. Но будем помнить — сколько их, иных стигм

кровосмешения различных степеней родства: внутренних, невидимых глазу, внешних, но незаметных непосвященным.

Так называемым «региональным диспластическим признакам» отведены целые руководства, и кто знает, в какой мере они обусловлены генетической близостью родителей?

У каждого из нас двое родителей, четверо бабок и дедов, восемь прабабок и прадедов и т. д.; таким образом, если проследовать на n поколений назад, каждый из нас имеет 2^n предков.

Это означает, что за 20 последних поколений у каждого из нас было более 700 000 предков. Если исходить из того, что на каждое столетие приходится по четыре поколения, то на 20 поколений требуется пять столетий.

Если бы все жители США, например, не связанные непосредственным родством (допустим, один на каждые 20 человек), имели совершенно независимые наборы предков, то для этого было бы необходимо, чтобы в XV веке жили 3 триллиона человек, которые были бы их предками.

Однако это число на несколько порядков выше, чем число людей, населяющих весь земной шар в настоящее время.

По всей вероятности, родственные связи между людьми гораздо сильнее, чем это подозревает большинство из нас.

Домашняя техника инцеста

Инцест происходит дома — банальная истина.

В каких семьях он происходит — когда он возможен?

Согласно разработке Д. Финкелора, к факторам, обуславливающим инцестное растление детей, относятся следующие.

Первый, наиболее важный из них, — наличие отчима, что более чем вдвое увеличивает потенциальную вероятность для девочки стать жертвой сексуального насилия.

Второй по значимости фактор — мать, склонная к наказаниям и крайне отрицательно относящаяся ко всему, что касается секса (бранит и наказывает ребенка за то, что тот задает вопросы на сексуальные темы или занимается мастурбацией).

Среди других факторов, определяющих уязвимость детей в отношении инцеста, Финкелор отмечает следующее: мать, которая не получила полного среднего образования; отсутствие добрых отношений с матерью; ребенок не ощущает поддержки отца; ребенок всегда жил отдельно от матери; доход семьи ниже среднего уровня; у ребенка в детстве было только один-два близких друга.

При обследовании 796 студентов колледжей Финкелор обнаружил, что если в прошлом студента не было всех этих факторов риска, то не было и намека, что он мог стать жертвой сексуального растления. Отмечается при этом, что из тех, у кого присутствовали пять или более этих факторов риска, две трети испытали сексуальное насилие.

* * *

В отношении инцеста существует множество заблуждений, которые, по-видимому, обусловлены прорывающимися в повседневность историческими этнокультурными отголосками феномена.

Инцест случается в бедных необразованных семьях.

Инцест не связан с благосостоянием или образовательным уровнем семьи. Инцест в семьях среднего класса или имеющих изрядный достаток совершается тайно, и о нем не становится известно ни в суде, ни в общественных организациях. Существуют достоверные свидетельства, что инцест может происходить и в хорошо обеспеченных семьях.

Инцест обычно совершает отец — сексуальный психопат.

Большая часть исследований показывает, что отцы, совершающие инцест, отнюдь не сверхсексуальны и не фиксируют внимание на детях как на сексуальных объектах.

Заявления детей об инцесте обычно выдуманы.

Это мнение восходит ко временам классического психоанализа и, в частности, к выдвинутой Фрейдом сексуально-травматической гипотезе происхождения неврозов. Фрейд полагал, что заявления о сексуальных действиях с родителями в основном базируются на фантазиях, появившихся вследствие развития «Эдипова комплекса» (позднее — также других инцестуозных комплексов). Тем не менее не исключено, что определенная часть заявлений об инцесте — какими бы шокирующими и неправдоподобными они ни были — является правдой.

Инцест сопровождается насилием.

Инцестное изнасилование — достаточно редкое событие, совершаемое, как правило, в измененном состоянии сознания; подавляющее большинство инцестных контактов осуществляется в рамках соращения (разращения, растления).

* * *

Инцест может совершаться в самых различных формах, и неверно будет рассматривать его технику-технологию однозначно.

Например, некоторые случаи инцеста происходят единожды: они вызывают у каждого из участников такое сильное чувство вины или страха, что их никогда не повторяют. В других случаях отношения длятся долгое время, при этом обе стороны, похоже, заинтересованы в них (физическая сила не применяется). В третьем варианте одна сторона может быть терроризирована, подвергается явному насилию или, наконец, известно много случаев, когда отец насилует нескольких дочерей.

Кроме того, рассматривая ситуацию инцеста, следует принимать во внимание и такие факторы, как возраст ребенка в начале отношений, открытость или скрытность действий, вид сексуальной активности и влияние инцеста на развитие отношений в семье.

Часто инцест начинается как что-то вроде поддразнивания, игры с долгими поцелуями, борьбой, при этом исподтишка трогают половые органы. Со временем эти действия переходят в открыто сексуальные, но без всякого применения физической силы.

«Как правило, дочери дают почувствовать, что счастье отца и матери, их любовь к ней и стабильность всей семьи зависят от ее стоворчивости и молчания. В отличие от других форм сексуального насилия, инцест часто приводит к появлению у дочери очень сложных двояких чувств. Нередко случается, что дочь испытывает некоторое сексуальное удовольствие и ощущение значительности и обладания властью в семье. Часто такие чувства переплетаются с отрицательными ощущениями, как сексуальный дискомфорт, боль и чувство вины» (Готтлиб, 1980)¹⁹.

Иногда инцест начинается резко и неожиданно. Отец может быть пьян, или может сильно поссориться с женой, или решить с помощью секса «наказать» дочь или «научить ее тому, что ей надо знать». Ребенок часто сопротивляется и может получить физические увечья.

Характерно, что большинство мужчин, которые оказались участниками-инициаторами инцеста, — обыкновенные, застенчивые люди, привязанные к своим семьям. Иногда они заявляют о своей выраженной религиозности, хотя в душе склонны презирать обычные табу и не подчиняться им.

Однако среди отцов, совершающих инцест, различия гораздо более заметны, чем сходство. Они могут быть горькими пьяницами или трезвенниками, простыми рабочими или

квалифицированными специалистами, высокообразованными или не окончившими даже школу. Хотя многие отличаются мягкими манерами, внешний вид их может быть совершенно обманчив. Одни являются социопатами, которым во все никакого дела нет до других и которые всему могут дать многословное правдоподобное объяснение, а другие — явные психопаты, страдающие нарушением чувства реальности, но все же многие совершающие инцест преступники не имеют патологии, поддающейся психиатрической кодификации.

Разнообразие типов мужчин, совершающих преступление инцеста, отражается в многообразии их действий.

Чаще всего инцест начинается, когда ребенку от восьми до двенадцати лет, однако известно много случаев, в которых инцест начинался, когда ребенок был еще в пеленках.

В некоторых семьях, где происходит инцест, отец выбирает в качестве своей жертвы только одного ребенка (как правило, старшую дочь), однако обычны случаи, когда жертвами становятся несколько сестер — иногда по очереди, в течение нескольких лет, но иногда и одновременно.

Такое же многообразие отмечается и в смысле частоты инцестных контактов (в диапазоне от ежедневных актов до одного-двух случаев в год), в типах совершаемых сексуальных актов и других характеристиках, таких как наличие элементов садизма в принуждении к сексуальным действиям.

Инцест «отец—сын» значительно менее распространен, чем «отец—дочь» (до 1% общего числа случаев инцеста); соответственно об этом типе инцестных отношений имеется гораздо меньше информации. Однако и по поводу этой фактически игнорируемой формы инцеста можно сделать несколько замечаний.

1. В отличие от ситуации инцестной связи «отец—дочь», при которой чаще всего дочь — единственный ребенок, ставший жертвой инцеста, когда жертвой отца становится его сын, все оказывается гораздо сложнее, потому что почти всегда есть еще один ребенок (сестра или брат), который также становится жертвой.

2. Отцы, насилующие своих сыновей, не обязательно гомосексуальны, это даже нетипично. Во многих случаях эти отцы никогда не имели опыта сексуальных отношений с другими мужчинами.

3. Мальчики, ставшие жертвами своих отцов, обычно несколько более молодые, чем дочери, оказавшиеся в том же положении.

4. Значительная часть отцов, насилующих своих сыновей, в детстве сами были жертвами инцеста.

Жены совершающих инцест мужей часто в детстве тоже оказывались жертвами сексуального насилия; обычно это несамостоятельные, разочарованные женщины, которые, находясь в депрессии, не принимают участия в делах семьи. Мать может даже принуждать дочь выполнять такую роль, чувствуя облегчение от того, что дочь

становится барьером между ней и мужем, или от того, что ей больше не приходится отвечать на сексуальные притязания мужа. Даже после того, как факт существования инцестных отношений обнаружен матерью, более чем в двух третях случаев она не пытается помочь своему ребенку или защитить его.

Однако в большинстве случаев мать не является главной виновницей: она может быть беззащитной перед мужем, не иметь влияния на поведение дочери, бояться физической расправы со стороны мужа или опасаться гибели семьи, если ее муж будет посажен в тюрьму.

Из проведенных исследований стало очевидно, что инцест особенно часто встречается во «вторичных» семьях, образовавшихся после развода или же смерти одного из супругов.

Статистические данные, собранные Д. Рассел, подтверждают это положение. Проинтервьюировав в Сан-Франциско 930 женщин, Рассел нашла, что только одна из сорока была жертвой сексуального насилия со стороны своего биологического отца, тогда как одна из шести, выросших во «вторичных» семьях, оказывалась жертвой отчима.

Объяснить такое различие просто: между некровными родственниками существует меньше табу, касающихся инцеста. Кроме того, во многих вторичных семьях отчим оказывается «брошен» в ежедневный тесный контакт с юной падчерицей. Такая ситуация потенциально содействует возникновению сексуального влечения. При отсутствии должного

внутреннего самоконтроля, который обычно возникает из потребности защищать ребенка, если его воспитывают с раннего детства, у нового отца может оказаться недостаточно сдерживающих факторов, которые препятствовали бы реализации влечения.

Иногда бывает, что мужчины женятся на разведенных женщинах, чтобы получить сексуальный «доступ» к их детям.

Жертва инцеста, девочка или мальчик, подвергаются сильному давлению, которое может стать причиной серьезных внутренних конфликтов. Почти всегда отец угрозами, запугиванием принуждает жертву сохранять тайну. Спектр этих угроз весьма широк — от физической расправы с жертвой или другими членами семьи до обещания порвать с семьей, если инцест будет обнаружен.

В то же время многие отцы, совершающие инцест, по крайней мере от случая к случаю, практикуют какие-либо формы «положительного подкрепления» по отношению к ребенку, который стал их жертвой: дарят подарки, дают деньги или наделяют особыми привилегиями.

Все это в сочетании с виной, которую ребенок обычно чувствует из-за приятных сексуальных ощущений во время акта инцеста, рождает у него чувство соучастия в ситуации, что, очевидно, еще более осложняет ее раскрытие.

Действительно, многие дети — жертвы инцеста — впоследствии заявляют, что страх быть обвиненными в подстрекательстве к запретным действиям — одна из главных причин их длительного молчания.

К несчастью, когда ребенок-жертва наконец набирается достаточно мужества, чтобы рассказать об этом другому взрослому (например, матери), реакция этого взрослого — как правило, недоверие («О, это не может быть правдой! Перестань придумывать, у тебя больное воображение»).

Существует мало информации об инцесте «брат—сестра».

В зарегистрированных случаях участвуют обычно старший брат (в возрасте около двадцати лет) и значительно более юная сестра, однако в других случаях это могут быть брат и сестра, более близкие по возрасту. Хотя обычно доминирующим партнером является брат, наблюдаются и противоположные соотношения.

Несмотря на то что в большинстве случаев инцеста «брат—сестра» отмечается обоюдное согласие, иногда одна сторона обвиняет другую в принуждении к сексуальным действиям.

Инцест «мать—сын» встречается редко. Отношения обычно сводятся к генитальным ласкам без сноше-

ния, если ребенок мал, однако с мальчиками старше десяти лет наиболее типичен именно коитус.

В одном обзоре 203 случаев инцеста в традиционной полной семье (т. е. мать, отец и дети — других родственников нет) описаны только два случая сексуальных отношений «мать—сын».

Как пишет Мейселман (1978), в большинстве зарегистрированных случаев, когда сын был инициатором инцеста с матерью, он страдал шизофренией или другими психическими заболеваниями.

В случаях инцеста, когда инициатором выступала мать, она также оказывалась психически больной.

Очевидно, наиболее редка такая форма инцеста, как «мать—дочь»; тем не менее и подобные случаи были описаны.

Примечания

¹ Цит. по: (Ploss G.) Плосс Г. Женщина в естествоведении и народоведении (Антропологическое исследование): Пер. с 5-го нем. изд., доп. и перераб. М. Бартельсом/Под ред. А. Г. Фейнберга. — Сыктывкар; Киров: ПЕРЯ-МАА; ГИПП «Вятка», 1995. — Кн. 1. — С. 582—585.

² Предназначались для использования среди племени тараскан на западе Мексики в 1697 году. (Цит. по: (Tannahill R.) Тэннэ-

хилл Р. Секс в истории: Пер. с англ. А.И. Блейз.— М.: Крон-Пресс, 1995.— С. 276—277.)

³Надлежит помнить, что понятие инцеста — позднейшее, как указывалось выше, равно как и то, что под инцестом понимались весьма различные степени родства: брак Атрея и его племянницы Пелопии, дочери его брата Фиеста, рассматривается как должное, тогда как рождение Эгисфа от Пелопии и Фиеста расценивается как греховное, произошедшее в результате кровосмешения, однако не влечет последствий ни для Фиеста, ни для Пелопии; в то же время судьба Эдипа, женившегося, пусть по неведению, на своей матери Иокасте ужасна.

⁴Самостоятельная роль у Нефтиды отсутствует; она — искусственно введенная (в качестве пары для Сета) богиня.

⁵Есть основания полагать, что большинство этих сюжетов были представлены на античной сцене.

⁶Если же мы обратимся, например, к «Теогонии» Гесиода, инцестуозный материал будет более чем объемный, — однако вне какой-либо моральной проблематизации.

⁷Трагедия Сенеки «Фиест».

⁸Смерть Агамемнона, центрального образа «Илиады» Гомера, нашла поэтическое воплощение в многочисленных трагедиях (Эсхил, Сенека и др.).

⁹Греческие трагики и Сенека изображали Эгисфа трусливым и жестоким обольстителем.

¹⁰Миф об Оресте послужил материалом трем великим греческим трагикам: («Орестея» Эсхила, «Электра» Софокла, «Орест», «Электра», «Ифигения в Тавриде» Еврипида).

¹¹Гермиона, являлась двоюродной сестрой Ореста, однако такая степень родства, разумеется, не была [мифологически] проблематизирована.

¹² Перед тем она якобы была насильно (Эгисфом) отдана в жены некоему микенскому пахарю, который, однако, ее не коснулся.

¹³ Обычно это не принимается во внимание, однако и Лаий, и Иокаста возводили свои родословные к Кадму, то есть состояли в родстве, пусть и отдаленном.

¹⁴ Воспалившиеся и опухшие [суставы] ног или же стопы и да-ли якобы повод спасителям ребенка назвать его «Эдипом»; имя произведено от глагола οἰδάω — «вспухать» и существительного ποῦς — «нога», т. о. Οἰδίπους — «с опухшими ногами».

¹⁵ Миф об Эдипе в античной литературе разрабатывали десятки афинских трагиков; до нас дошли трагедии Софокла («Эдип-царь», «Эдип в Колоне») и Сенеки Младшего («Эдип»).

Эта тема вновь появляется в литературе Возрождения, во французском классицизме, а затем и в литературе нового и новейшего времени. Центральное место образ Эдипа занимает в [классическом] психоанализе.

¹⁶ Миф об Антигоне нашел яркое художественное воплощение в одноименной трагедии Софокла, а также в несохранившейся трагедии Еврипида с тем же названием.

¹⁷ Имеются указания, что именно Лаий — и именно в этом случае — впервые в Греции «ввел» любовь к мальчикам.

¹⁸ Цит. по: (Ploss G.) Плосс Г. Женщина в естествоведении и народоведении... — Кн. 1. — С. 585—587.

¹⁹ Цит. по: (Masters W.H., Johnson V.E., Kolodny R.C.) Мастерс У., Джонсон В., Колодны Р. Мастерс и Джонсон о любви и сексе: Пер. с англ. Н.М. Пивоваренок, Т.П. Романовой, Е.А. Яблочниной/Под ред. Е.З. Лозинского. — С.-Пб.: СП «Ретур», 1991. — Ч. 2. — С. 133.

6. Тематика и контексты аттической трагедии

**7. Эдип как трагический персонаж:
старый сюжет
но новая — аналитическая! — техника**

**8. Коннотация одного женского образа:
Лаодика-Электра**

9. Патография Софокла: почему Эдип?

10. Тогда же, другие: драматургия инцеста

Тематика и контексты аттической трагедии

A stylized graphic of a face, possibly a mask, composed of horizontal black and white stripes. Two large, stylized eyes are visible on the face. To the left of the face, there are several wavy vertical lines. The entire graphic is set against a black background.

Тематика аттической трагедии и ее контексты¹ интересуют нас постольку, поскольку они позволяют понять общее поле сценических представлений, в которых разворачивается сценическая же история Эдипа (в несколько меньшей степени — Электры), послужившая впоследствии для номинации важнейших концептов психоанализа, заповнившего пространство психоического, т. е. ориентированного на социо- и интрапсихические феномены и структуры, дискурса.

Также стоит обратиться и к техническому, если позволено так сказать, воплощению трагедии, ее институционально-декорационному оформлению — а именно к театру как таковому, так как именно психоанализ придавал, особенно в пору своего становления, исключительное значение декоративному антуражу.

* * *

Аттическая драма в ее ответвлениях — *трагедия*, *комедия* и *драма сатиров* — развилась в рамках культа бога Диониса как одна из составных частей его празднеств.

Наличие обрядовых игр мимического характера установлено почти у всех народов земного шара; они подчас представляют собой сложное массовое действо, развернутую обрядовую драму.

Характерной чертой обрядовой драмы является ряжение, надевание маски какого-либо бога, демона или зверя. Этот обычай также коренится в архаическом мировоззрении: считают, что человек, надевающий маску, получает свойства того существа, которое изображает маска. Особенно широкое распространение имели звериные маски, а также маски духов и мертвецов («предков»). На основе таких масок позже вырастают различные примитивные формы театра, как, например, кукольный театр (театр марионеток) или театр теней (силуэтов).

Мимические игры с ряженым играют большую роль в земледельческих культах и входят в состав празднеств плодородия, обычно приуроченных к какому-либо поворотному пункту года — к зимнему солнцестоянию, с которого начинается рост дня, к наступлению весны, ко времени жатвы. При переходе от одного годового цикла к другому разыгрывают «смерть» старого и «рождение» нового, победу «молодого» над «старым», «светлого» над «темным», изображают «смерть» и «воскресение» демона плодородия; скорбь сменяется разгулом и ликованием.

Характерные черты этих празднеств — обжорство, сексуальная невоздержанность, употребление инвективной и обсценной лексики как фантастические средства обеспечения урожая, животного плодородия, сытого года.

Многие черты этих древних празднеств сохранились в обрядности, например, русской масленицы или западноевропейского карнавала. Древними обычаями являются и «карнавальная вольность», установление особого карнавального порядка, временно заменяющего нормальный социальный порядок, и свобода насмешки над отдельными лицами или профессиями, изображаемыми в мимических сценках.

Многочисленные указания античных авторов свидетельствуют о распространенности обрядов карнавального типа в Греции. Они примыкали к культам сельских

божеств. Образцом греческого культового действия может служить священная игра во время мистерий (таинств, доступных лишь посвященным), справлявшихся в Элевсине, близ Афин.

Изображались похищение Коры подземным богом Плутоном, блуждания ее матери Деметры в поисках исчезнувшей дочери, возвращение Коры на землю; изображалось также бракосочетание Зевса и Деметры. За смертью следовала жизнь, за плачем — ликование. Игра повторялась из года в год в застывших, неизменных формах.

Очень богат мимическими элементами также культ Диониса. Дионис (Вакх) — бог творческих сил природы. Его воплощениями считались растения — деревья, виноградная лоза или животные — бык, конь или козел; символом Диониса был фаллос (греч. *φαλλός*), орган плодородия.

Наиболее архаичные формы культа Диониса долгое время сохранялись во Фракии: поклонники бога, чаще всего женщины, совершали коллективные ночные радения при свете факелов, под звуки флейт и тимпанов; одетые в звериные шкуры, иногда с рогами на голове, они изображали свиту Диониса. В возбужденной пляске они доводили себя до иступления, разрывали на части животное, воплощавшее бога, и пожирали его в сыром виде, «приобщаясь» таким образом к божеству.

В этом состоянии «богоодержимости» мужчины становились «вакхами», женщины — «вакханками» или «менадами» (исступленными).

Растерзав своего бога, они затем пестовали его, как вновь родившегося и лежащего в колыбели младенца, потрясая при этом корзинкой с находящимся в ней фаллом.

На территории Греции широкое распространение религии Диониса относится к VII—VI векам до н. э.; тогда «страсти» Диониса получили нравственное осмысление: вокруг растерзанного и оживающего бога разворачивалась проблематика борьбы добрых и злых сил, невинного страдания и конечного торжества справедливости.

Архаичные формы дионисийского культа были значительно смягчены. Дионис был введен в систему «олимпийских» богов как сын Зевса и фиванки Семелы, и в гражданском культе греческих общин за ним была закреплена функция бога плодородия, в частности бога вина и опьянения, а также владыки душ умерших.

Кульť Диониса легко впитывал в себя как различные обряды карнавального типа, так и поминальные ритуалы в честь «предков» или местных героев. Многогранность образа Диониса нашла отражение в установлении ряда празднеств.

Греческий драматический фольклор не исчерпывался, разумеется, формами обрядовой игры; рядом с ней

существовали и зачатки бытовых драматических представлений.

Трагедия и комедия в своем развитом виде сделали важнейшим инструментом постановки проблем, волновавших афинскую демократию; что касается «драмы сатиров» (лесных демонов, спутников Диониса), то она не играла самостоятельной роли и являлась лишь своеобразным «привеском» к представлению трагедии.

* * *

На празднике «Великих Дионисий», учрежденном афинским тираном Писистратом, выступали, помимо лирических хоров с обязательным в культе Диониса *дифирамбом*², также *трагические хоры*.

Первым трагическим поэтом Афин античная трагедия называет Феспида и указывает на 554 г. до н. э. как на дату первой постановки трагедии во время Великих Дионисий.

Эта ранняя аттическая трагедия конца VI и начала V веков еще не была драмой в полном смысле слова. Она являлась одним из ответвлений хоровой лирики, но отличалась существенными особенностями.

Во-первых, кроме хора, выступал актер, который делал сообщения хору, обменивался репликами с хором или с его предводителем (корифеем); в то время как хор не покидал места действия, актер уходил, возвращался,

делал новые сообщения хору о происходящем за сценой и при надобности мог менять обличье, исполняя в свои различные приходы роли разных лиц; в отличие от вокальных партий хора, этот актер, введенный, согласно античной традиции, Феспидом, не пел, а декламировал хореические или ямбические стихи.

Во-вторых, хор принимал участие в игре, изображая группу лиц, находящихся в сюжетной связи с теми, кого представлял актер.

Количественно партии актера были еще очень незначительны; он, тем не менее, был носителем динамики игры, так как в зависимости от его сообщений менялись лирические настроения хора.

Сюжеты заимствовались из мифа, но в отдельных случаях трагедии сочинялись и на современные темы.

Произведения первых трагиков не сохранились, и характер разработки сюжетов в ранней трагедии неизвестен; однако уже у Фриниха, а может быть еще и до него, основным содержанием трагедии служило изображение какого-либо «страдания».

Начиная с последних лет VI века за постановкой трагедии следовала драма сатиров — комическая пьеса на мифологический сюжет, в которой хор состоял из сатиров (первым творцом сатирических драм для афинского театра традиция называет Пратина из Флиунта в северо-восточном Пелопоннесе).

Интерес к проблемам «страдания» и его связи с путями человеческого поведения был порожден религиозными и этическими брожениями VI века, отражавшими становление античного общества и государства, новые связи между людьми, новую фазу в отношениях социума и индивида.

Демократическая религия Диониса играла немаловажную роль в той борьбе, которую складывающийся класс города вел, опираясь на иные слои, против аристократии и ее идеологии; тираны (например, Писистрат в Афинах или Клизфен в Сикионе) выдвигали религию Диониса в противовес местным аристократическим культам.

В орбиту новых проблем не могли не попасть и мифы о героях, принадлежавшие к основным устоям жизни полиса и представлявшие собой одну из важнейших составляющих культурного богатства греческого народа.

При таком переосмыслении греческих мифов на первый план стали выдвигаться уже эпические «подвиги», и не аристократическая «доблесть», а страдания, «страсти»; этим путем можно было сделать миф выразителем нового мироощущения и извлечь из него материал для актуальных в VI веке проблем «справедливости», «греха» и «воздаяния».

Возникшая в ответ на эти запросы трагедия восприняла наиболее близкий к привычным формам хоровой лирики тип изображения «страстей», часто встречающийся и в архаических обрядах: «страсти» не происходят на глазах у зрителя, о них сообщается через посредство «вестника», а справляющая обрядовое действие община реагирует на эти сообщения песней и пляской. Благодаря появлению актера, «вестника», делающего сообщения хору и отвечающего на его вопросы, в хоровую лирику вошел динамический элемент, переход настроения от радости к печали и обратно — от плача к ликованию.

Важные сведения о литературном генезисе аттической трагедии сообщает Аристотель.

В 4-й главе «Поэтики» рассказывается, что трагедия «подверглась многим изменениям», прежде чем приняла свою окончательную форму. На более ранней ступени она имела «сатировский» характер, отличалась несложностью сюжета, шутивым стилем и обилием плясового элемента; серьезным произведением она стала лишь впоследствии. О «сатировском» характере трагедии Аристотель говорит в несколько неопределенных выражениях, но мысль, по-видимому, та, что трагедия некогда имела форму драмы сатиров.

Истоками трагедии Аристотель считает импровизации «зачинателей дифирамба».

Сообщения Аристотеля ценны уже потому, что принадлежат осведомленному автору, в распоряжении которого был огромный, не дошедший до нас материал. Они подтверждаются также и показаниями других источников.

Есть сведения, что в дифирамбах Ариона выступали хоры ряженных, по имени которых отдельные дифирамбы получали то или иное название, и что в этих дифирамбах, кроме музыкальных частей, имелись и декламационные партии сатиров.

Формальные особенности ранней трагедии не представляли, таким образом, абсолютного нововведения и были подготовлены развитием дифирамба, т. е. того жанра хоровой лирики, который непосредственно связан с религией Диониса.

Другим подтверждением указаний Аристотеля является и само название жанра: *трагедия* (τραγῳδία). В буквальном переводе оно означает «песнь козла» (τράγος — «козел», ὥδή — «песнь»).

В отношении значения термина «трагедия» еще в античности возникали споры; создавались различные фантастические толкования вроде того, что козел будто бы служил наградой для победившего в состязании хора.

В свете сообщений Аристотеля о былом «сатировском» характере трагедии происхождение термина может быть легко объяснено.

Дело в том, что в некоторых областях Греции, главным образом в Пелопоннесе, демоны плодородия, в том числе и сатиры, представлялись козлообразными.

Иначе обстояло дело в аттическом фольклоре, где пелопоннесским козлам соответствовали конеобразные фигуры (силены); однако и в Афинах театральная маска сатира содержала, наряду с лошадиными (грива, хвост), также и козлиные (бородка, козья шкура) черты, и у аттических драматургов сатиры нередко именуются «козлами».

Козлообразные фигуры воплощали сладострастие, их песни и пляски следует представлять себе грубыми и непристойными. На это намекает и Аристотель, когда говорит о шутовском стиле и плясовом характере трагедии на ее «сатировской» стадии.

«Трагические» хоры были связаны и вне культа Диониса с мифологическими фигурами «страстного» типа.

Так, в городе Сикионе (северный Пелопоннес) «трагические хоры» прославляли «страсти» местного героя Адраста; в начале VI века сикионский тиран Клисфен уничтожил культ Адраста и, по свидетельству Геродота, «отдал хоры Дионису».

Поэтому в «трагических хорах» должен был занимать значительное место элемент *заплачки*, который широко использовался в позднейшей трагедии. Заплачка с характерным для нее чередованием причитаний отдельных лиц и хорового плача явилась, вероятно, формальным образцом для частых в трагедии сцен совместного плача актера и хора.

Неясности, связанные с процессом становления трагедии, побудили некоторых исследователей искать для нее иные истоки, чем те, о которых говорится у Аристотеля.

В качестве таких предположительных истоков называли заплачки, культ героев, элевсинские мистерии, обрядовые поединки и т. д. Однако каждое из этих предположений вызывает свои специфические трудности, и трагедия как совершенно новый по своему идейному содержанию жанр не может быть и с формальной стороны без остатка сведена к каким-либо «источникам» в прошлом, в том числе к дифирамбу.

С другой стороны, не все сообщения Аристотеля могут быть отвергнуты. Возможно, что связь трагедии с дифирамбом Аристотель устанавливает лишь в порядке гипотезы, но такие данные, как шуточный стиль ранней трагедии, ее многочисленные изменения, позднее — ее превращение в серьезную пьесу, не могут рассматриваться как гипотезы и должны быть основаны на фактах, известных автору (позднейшая трагедия не давала основания для таких гипотез; гипотезы представляли бы картину более прямолинейного развития).

То обстоятельство, что драматический элемент трагедии на наших глазах растет за счет лирического и что ранняя трагедия имела лишь одного актера, делает чрезвычайно маловероятной всякую попытку «вывести» трагедию из какого-либо обрядового действия; из лирических жанров наиболее близким к трагедии остается все тот же дифирамб, так что Аристотель, вероятно, прав и в этом, если только учитывать, что подобного рода «выведение» есть не более чем указание жанра-предшественника в отношении некоторой части формальных особенностей.

Однако если аттическая трагедия и развилась на основе фольклорной игры пелопоннесских «козлов» и дифирамба арионовского типа, все же решающим моментом для возникновения ее было перерастание «страстей» в нравственную проблему. Сохраняя в формальном отношении многочисленные следы своего происхождения, трагедия по содержанию и идейному характеру была новым жанром, ставившим вопросы человеческого поведения на примере судьбы мифологических героев (по выражению Аристотеля, трагедия «стала серьезной»).

Такой же трансформации подвергся и дифирамб, потерявший характер бурной дионисийской песни и превратившийся в балладу на героический сюжет; примером могут служить дифирамбы Вакхилида.

И в том и в другом случае детали процесса и его отдельные этапы остаются неясными. По-видимому, песни

«козлиных хоров» впервые стали получать литературную обработку в начале VI века в северном Пелопоннесе (Коринф, Сикион); на рубеже VI и V веков, когда в Афинах установился демократический строй, породивший всю дальнейшую проблематику трагедии, она была уже произведением о страданиях героев греческого мифа, и хор рядился не в маски «козлов» или сатиров, а в маски лиц, сюжетно связанных с этими героями.

Трансформация трагедии происходила не без противодействия сторонников традиционной игры; раздавались жалобы, что на празднестве Диониса исполняются произведения, «не имеющие никакого отношения к Дионису»; новая форма, однако, возобладала. Хор старинного типа и соответственный шуточный характер игры были сохранены (или, быть может, восстановлены через некоторое время) в особой пьесе, которая ставилась вслед за трагедиями и получила название *сатиrowsкой драмы*. Эта веселая пьеса с неизменно благополучным исходом соответствовала последнему акту обрядового действия, ликование о воскресшем боге.

Рост социального значения отдельной личности в жизни полиса и возросший интерес к ее художественному изображению приводят к тому, что в дальнейшем развитии трагедии роль хора уменьшается, увеличивается значение актера, равно как и число таковых; однако не-

изменной остается самая двусоставность, наличие хоро-вых партий и партий актера.

Двусоставность отражается даже на диалектной окраске языка трагедии: в то время как трагический хор в известной мере тяготел к дорийскому диалекту хоровой лирики, актер произносил свои партии по-аттически, с некоторой примесью ионийского диалекта, являвшегося до этого времени языком всей декламационной греческой поэзии (эпос, ямб).

Двусоставностью аттической трагедии определяется и ее внешняя структура.

Если трагедия, как это было обычно впоследствии, начиналась с партий актеров, то эта первая часть, до прихода хора, составляла *пролог*. Затем следовал *пáрод*, прибытие хора; хор вступал с двух сторон в маршевом ритме и исполнял песню. В дальнейшем происходило чередование *эписодиев* (привхождений, т. е. новых появлений актеров), актерских *сцен* и *ста́симов* (стоячих песен), хоровых партий, исполнявшихся обычно, когда актеры удалялись. За последним стасимом шел *эксо́д* (выход), заключительная часть, в конце которой и актеры и хор покидали место игры.

В эпизодиях и эксоде возможен диалог актера с корифеем (предводителем) хора, а также *коммус* («уда-

ры» — обычно в грудь — как выражение скорби), совместная лирическая партия актера и хора. Эта последняя форма особенно свойственна традиционному плачу трагедии.

Партии хора по своей структуре строфичны. *Строфе* соответствует *антистрофа*; за ними могут следовать новые строфы и антистрофы иной структуры; *эподы* (укороченные добавочные стихи) встречаются сравнительно редко.

Антрактов в современном смысле слова в аттической трагедии не было. Игра шла непрерывно, и хор почти никогда не покидал места игры во время действия. В этих условиях перемена места действия в середине пьесы или растягивание его на долгий срок резко нарушали сценическую иллюзию.

Ранняя трагедия не отличалась в этом отношении большой требовательностью и обращалась довольно свободно как со временем, так и с местом, используя разные части площадки, на которой происходила игра, как разные места действия; впоследствии стало обычным, хотя и не безусловно обязательным, что действие трагедии происходит на одном месте и не превышает своей длительностью одного дня.

Эти особенности построения развитой греческой трагедии со временем стали называть *единством места* и *единством времени*.

Более или менее постоянными составными частями аттической трагедии являются «страдание», сообщение вестника, плач хора. Катастрофический конец для нее несколько не обязателен; многие трагедии имели примирительный исход. Культовый характер игры, вообще говоря, требовал благополучного, радостного конца, но, поскольку этот конец был обеспечен — для игры в целом — заключительной драмой сатиров, поэт мог избрать тот финал, который находил нужным.

* * *

Театральное представление в эпоху расцвета греческого общества входило в качестве составной части в культ Диониса и происходило исключительно во время посвященных ему празднеств.

В Афинах V века до н. э. в честь Диониса справлялся ряд праздников, но драмы ставились только во время *Великих Дионисий* (примерно в марте — апреле) и *Ленеев* (в январе — феврале).

Великие Дионисии — праздник начала весны, знаменовавший вместе с тем открытие навигации после зимних ветров; на этот праздник являлись представители общин, входивших в состав афинского морского союза, для внесения подати в союзную кассу. Великие Дионисии справлялись поэтому с большой пышностью и продолжались шесть дней. В первый день происходи-

ла торжественная процессия перенесения статуи Диониса из одного храма в другой, и бог мыслился присутствующим на поэтических состязаниях, которые занимали остальную часть празднества; второй и третий день были уделены для дифирамбов лирических хоров; последние три дня — для драматических игр.

Трагедии ставились с 534 г. до н. э., т. е. с момента учреждения праздника; около 488—486 гг. до н. э. к ним присоединились комедии.

Ленеи, праздник более древний, были обогащены драматическими состязаниями позже; около 448 г. до н. э. там начали ставиться комедии и году в 433 г. до н. э. — трагедии. Все игры имели характер массовых зрелищ и были рассчитаны на большое число зрителей. К состязаниям в V в. до н. э. допускались, за редкими исключениями, только новые пьесы; впоследствии новым пьесам предшествовала пьеса из старого репертуара, которая, однако, в состязании не участвовала. Произведения афинских драматургов были, таким образом, предназначены для однократной постановки, и это способствовало насыщенности драм актуальным и даже злободневным содержанием.

Порядок, установленный около 501—500 гг. до н. э. для Великих Дионисий, предусматривал в трагическом состязании трех авторов, из которых каждый представлял три трагедии и драму сатиров. На комедийных состязаниях от поэтов требовалось по одной пьесе. Поэт

не только сочинял текст, но и музыкальную и балетную части драмы, он уже был режиссером, балетмейстером и зачастую, особенно в более раннее время, актером. Допущение поэта к состязанию зависело от архонта (регента), заведовавшего празднеством; он же осуществлял и идеологический контроль над пьесами.

Расходы по постановке драм каждого поэта государство возлагало на какого-нибудь состоятельного гражданина, который назначался *хорегом* (руководителем хора). Хорег набирал хор (12, а впоследствии 15 человек — для трагедии, 24 человека — для комедии), оплачивал труд участников хора, аренду помещения, в котором хор готовился, репетиции, костюмы и т. д. Пышность постановки зависела от щедрости хорега. Затраты хорегов бывали очень значительны, и победы в состязании присуждались совокупно хорегу и режиссеру-поэту.

С увеличением числа актеров и разделением актера и поэта третьим, самостоятельным участником состязания стал главный актер («протагонист»), который подбирал себе помощников: одного для вторых («девторгониста»), другого для третьих ролей («тритагониста»). Назначение хорегу его поэта и поэту его главного актера происходило по жребию в народном собрании под председательством архонта.

В IV в. до н. э., когда хор потерял свое значение в драме и центр тяжести перешел на актерскую игру, этот поряд-

док был признан неудобным, так как он ставил успех хорега и поэта в чрезмерную зависимость от игры доставшегося им актера, а успех актера — от качества пьесы и постановки. Тогда было установлено, чтобы каждый протагонист выступал у каждого поэта в одной из его трагедий.

Жюри состояло из 10 человек (по одному представителю от каждого афинского округа). Они выбирались в начале состязания по жребию из заранее составленного списка. Окончательное решение выносилось на основании подачи голоса пятью членами жюри, выделенными из его состава также по жребию. На празднике Диониса допускались одни только «победы»: судьи устанавливали первого, второго и третьего «победителей» как среди поэтов и их хорегов, так и отдельно среди протагонистов. Реальными победителями являлись только хорег, поэт и протагонист, которые были признаны первыми; они увенчивались плющом тут же в театре. Третья победа фактически была равносильна поражению. Однако все три поэта и протагониста получали призы, которые являлись вместе с тем их гонораром.

Решение жюри хранилось в государственном архиве. В середине IV века Аристотель опубликовал эти архивные материалы. После появления его труда стали заноситься на камень сводные реестры побед на каждом празднестве и списки победителей (до нас дошел ряд фрагментов этих надписей).

Заботу о помещении для зрителей и исполнителей, сначала об устройстве временных деревянных сооружений, а впоследствии о содержании и ремонте постоянного театра, афинское государство поручало частным предпринимателям, сдавая помещение на откуп. Поэтому вход в театр был платным. Однако, для того чтобы обеспечить всем гражданам, независимо от их материального положения, возможность посещать театр, демократия со времен Перикла предоставляла каждому заинтересованному гражданину субсидию в размере платы за вход на один день, а в IV веке и на все три дня театральных представлений.

Одно из важнейших отличий греческого театра в том, что игра происходила под открытым небом, при свете дня. Отсутствие крыши и использование естественного освещения связаны были, между прочим, и с огромными размерами греческих театров, значительно превышающими самые большие современные театры.

При редкости театральных представлений античные театральные помещения должны были строиться в расчете на количество справляющих праздник граждан. Афинский театр, согласно подсчетам археологов, вмещал 17 000 зрителей, театр города Мегалополя в Аркадии — 44 000 человек.

В Афинах представления сначала происходили на одной из городских площадей, для зрителей воздвигались временные

деревянные помосты; когда они однажды во время игры рухнули, для театральных целей был приспособлен южный скалистый склон Акрополя, к которому стали прикреплять деревянные сиденья. Каменный театр был окончательно достроен лишь в IV в. до н. э. В настоящее время археологами обследованы остатки большого числа греческих театров разных эпох, в том числе и афинский театр Диониса, для постановки в котором были в свое время предназначены почти все драмы классического греческого репертуара. В связи с хоровым происхождением аттической драмы одной из основных частей театра является оркестра («площадка для пляски»), на которой выступали и драматические, и лирические хоры. Древнейшая оркестра афинского театра представляла собой круглый утрамбованный плац, диаметром 24 м с двумя боковыми входами; через них проходили зрители, а затем вступал хор. Посреди оркестры находился алтарь Диониса. С введением актера, выступавшего в разных ролях, понадобилось помещение для переодевания. Помещение это, так называемая сцена («сцена», т. е. палатка), было временным и сначала находилось вне поля зрения публики; вскоре его стали сооружать позади оркестры и художественно оформлять как декоративный фон для представления. Сцена изображала теперь фасад здания, чаще всего дворца или храма, перед стенами которого разворачивается действие (в греческой драме действие никогда не происходит внутри дома). Перед ней воздвигалась колоннада (проскений), между колоннами ставились раскрашенные доски, служившие как бы условными декорациями: на них изображалось что-либо, напоминавшее обстановку пьесы. Впос-

ледствии сцени и проскений стали постоянными каменными постройками (с боковыми пристройками — параскениями).

При таком устройстве театра остается неясным один весьма существенный для театрального дела вопрос: где играли актеры?

Точные сведения об этом имеются лишь для поздней античности: актеры выступали тогда на эстраде, высоко поднимавшейся над орхестрой, и были таким образом отделены от хора.

Для драмы классической эпохи подобное устройство невозможно: в это время хор принимал непосредственное участие в действии, и актерам по ходу пьесы часто приходилось с хором взаимодействовать. Резонно поэтому предположить, что актеры в V веке играли на орхестре перед проскением, на одном уровне с хором или на очень незначительном возвышении; в отдельных случаях можно было использовать для игры актеров крышу проскения, и драматург имел возможность строить пьесу так, чтобы одни действующие лица находились на более высоком уровне, чем другие.

Высокая эстрада как постоянное место игры актеров появилась значительно позже, вероятно, уже в эллинистическую эпоху, когда хор потерял свое значение в драме.

Третьей составной частью театра, кроме орхестры и сцены, являлись *места для зрителей*. Они располагались уступами, окаймляя орхестру в форме подковы, и были разделены проходами, радиальными и концентрическими. В V веке это были деревянные скамейки, которые впоследствии заменили каменными сиденьями.

Механических приспособлений в театре V века было немного. Когда нужно было показать зрителю то, что происходило внутри дома, из дверей сцены выкатывалась платформа на деревянных колесах (эккиклема) вместе с помещавшимися на ней актерами или куклами, а затем, когда потребности в ней больше не было, увозилась обратно. Для поднятия действующих лиц (например, богов) в воздух служила так называемая «махина», нечто вроде подъемного крана.

Участники игры выступали в масках. Греческий театр классического периода полностью сохранил это наследие обрядовой драмы, хотя магического значения оно уже больше не имело. Маска отвечала установке греческого искусства на подачу обобщенных образов, не обыденных, а героических, возвышающихся над бытовым уровнем, или гротескно-комических.

Система масок была очень подробно разработана. Они покрывали не только лицо, но и голову актера. Морщинами лба, окраской бровей, формой и цветом волос маска характеризовала пол, возраст, общественное положение, нравственные качества и душевное состо-

ание изображаемого лица. При резком изменении душевного состояния актер надевал различные маски. В иных случаях маска могла быть приспособлена и к изображению более индивидуальных черт, воспроизводя особенности привычного облика мифологического героя или имитируя портретное сходство с высмеиваемыми в комедии современниками.

Благодаря маске актер легко мог выступать на протяжении одной пьесы в нескольких ролях. Маска делала лицо неподвижным и устраняла из античного актерского искусства мимику, которая, впрочем, все равно не воспринималась бы большинством зрителей при размерах греческого театра и отсутствии оптических инструментов. Неподвижность лица компенсировалась богатством и выразительностью телодвижений и, главное, декламационным искусством актера. В представлении греков мифические герои были выше ростом, чем обыкновенные люди, и шире в плечах. Поэтому трагические актеры носили котурны (высокие закрытые сапоги из мягкой кожи с высокими подошвами), высокий головной убор, с которого спускались длинные кудри, и подкладывали под одежду подушки. Они выступали в торжественной длинной одежде, старинном облачении царей, которое в жизни продолжали носить только жрецы; цвет одеяний различался и имел строго определенное значение. Женские роли исполнялись мужчинами.

Актеры рассматривались как лица, обслуживающие культ, и пользовались привилегиями; например, они освобождались от уплаты налогов. Ремесло актера было доступно поэтому только свободным. Начиная с IV века, когда в Греции появилось много театров и число профессиональных актеров возросло, они стали образовывать особые объединения «дионисовых мастеров».

Коринф покинув, мнимый сын царя, Эдип,
Чужой, повсюду бранью осыпаемый,
Отправился к оракулу Пифийскому
Искать ответ, кого родным почестъ
отцом.

Несчастный, на дороге узкой встретился
Он с Лаием; отца в нем не признав, убил.
Загадку злую Сфинкс дала — решил ее³.
На ложе матери в неведение взошел.
Объяты Фивы мором и бесплодием.
В Дельфийское святилище отправленный,
Затем, чтобы узнать, как прекратить
беду,

Креонт услышал вешнее пророчество:
Нельзя без мести Лаия оставить смерть.

Узнав в себе, страдальце, виноватого,
Эдип и ослепил себя, глаза пронзив.
Покрытая позором, мать повесилась.⁴

Миф об Эдипе, подаваемый в контекстах рока, невольного преступления и прочих — совсем не новая тема для античного театра; в плане нашего расследования важно понять, как сквозь вполне традиционные драматические интерпретации линий мифологического сюжета проступает мотив инцестуозного брака.

Напротив, новизной отличается введенная Софоклом техника, позднее названная *аналитической*.

Наше рассмотрение Эдипа как трагического персонажа, особенно в интерпретации Софокла, преследует также — а может быть и прежде всего — цель подготовить почву для решения двух задач:

— установить отношения преемственности, аналогии между техническими нововведениями Софокла и позднейшей методикой психоанализа Э. Фрейда;

— найти причины обращения Фрейда именно к Эдипу Софокла, — обращения, которое дало старому мифу поистине второе рождение.

Положенный в основу трагедии, миф об Эдипе известен уже из гомеровских поэм, где он, однако, не получает столь мрачного завершения: хотя Эдип по неведению и женился на собственной матери (эпос называет ее Эпикастой), боги вскоре раскрыли тайну нечестивого брака. Эпикаста, не вынеся страшного разоблачения, повесилась, а Эдип остался царствовать в Фивах, не помышляя о самоослеплении («Одиссея»). В «Илиаде» сообщается о надгробных играх по павшему Эдипу, — вероятно, он погиб, защищая свою землю и свои стада от врагов.

Дальнейшее развитие мифологический сюжет получил в не дошедшей до нас киклической поэме «Эдиподия» (VII—VI вв. до н. э.), о которой мы знаем очень немного, но один момент в ней очень важен: четверо детей Эдипа (Этеокл, Полиник, Антигона, Исмена) родились от брака не с Эпикастой, а с некоей Евриганеей, взятой Эдипом в жены после смерти Эпикасты; таким образом, в «Эдиподии» над детьми не тяготело проклятие рожденья от incestуозного брака.⁵

Миф об Эдипе в свое время послужил материалом и для фиванской тетралогии Эсхила, построенной на родовом проклятии рода Лабдакидов.

Первая фиванская тетралогия Эсхила «Эдиподия» (467 г. до н. э.) включала трагедии «Лайй», «Эдип», «Семеро против Фив» и сатировскую драму «Сфинкс».

В трагедии «Лаий», по-видимому, изображался отъезд фиванского царя Лаия в свою последнюю дорогу и затем — рассказ вестника о гибели его на распутье от руки незнакомого встречного.

Однако есть мнение (Г. Лихт), что в сюжете фигурировала любовь Лаия к прекрасному юноше Хрисиппу, сыну Пелопа, — чье проклятье составило подоплеку дальнейшей трагической судьбы Лабакидов. (Как отмечалось выше, согласно многим греческим преданиям, Лаий считался изобретателем любви к юношам.)

Здесь следует избежать ошибки: проклятие Пелопа было вызвано не тем, что Лаий полюбил юношу и сошелся с ним, т. е. не «противоестественной природой» его страсти, но только и исключительно тем, что Лаий похищает юношу вопреки воле отца и воле самого мальчика, т. е. примененным насилием.

Таким образом, мы вправе говорить о том, что отдельной темой этой трагедии Эсхила было проклятие, на которое был обречен нарушивший общепринятую норму Лаий, похитивший мальчика, хотя он мог просить об этом прекрасном даре свободно и открыто.

Поскольку первые две части — «Лаий» и «Эдип», а также драма «Сфинкс» не сохранились, только по третьей части — трагедии «Семеро против Фив» — можно установить, что в версии Эсхила Аполлон предостерегал Лаия от рождения сына, так как это приведет к гибели фиванского царства.

Посеял дед,
Внуки жнут.
Корень вражды —
Давний грех:
Поныне
Он в поколение третьем жив.
Вещий Локсий Лаию,
Пифийский бог,
Из глубин святилища
Трижды рек,
Что Лаий Кадмов град спасет,
Коль бездетным в гроб сойдет.
Послушал Лаий ближних и друзей:
И гибель родил он свою —
Сына,
Отцеубийцу Эдипа.
В ниву сын святую,
В его вскормившие бразды
Сев посеял кровавый!
Увы, на сыновнее ложе
Мать приводит Ата.⁶

Существует мнение, что именно Эсхил был первым автором, который, отступив от эпической версии, разработал мотив incestуозного брака, сделав Этеокла и Полиника, Антигону и Исмену детьми Эдипа от собственной матери.

Важно отметить, что в пророчествах совершенно отсутствует предостережение, которое могло бы быть адресовано супруге Лаия, — опасаться соединения с сыном, который может родиться, да и у Софокла предсказание о женитьбе на матери получает только Эдип; Иокаста о предстоящем ей позорном союзе ничего не знает.

Отсюда следует вывод, что первоначальным содержанием мифа об Эдипе была встреча не знающих друг друга отца и сына, кончающаяся гибелью первого, — в греческой мифологии известны и другие примеры этого мотива (смерть Одиссея от не узнавшего им собственного сына Телегона; гибель критского царя Катрея от руки сына)⁷, иногда это пара «дед — внук» (смерть аргосского царя Акрисия от нечаянного удара его внука Персея; гибель Алея, царя Теги, от его внука Телефа и пр.).

Брак же Эдипа с Иокастой являлся естественным следствием спасения Фив: освободив город от Сфинкс, Эдип вполне закономерно получает в награду трон и руку овдовевшей царицы; именно такого рода версия и существовала на этот счет в древности.

Содержание древнего пророчества, данного некогда Лаию в Дельфах, сохранилось только в более поздних источниках — «Палатинской антологии»⁸ и в средневековых рукописях Софокла и Еврипида.

Предсказание, данное Лаию Фиванскому, было таким:

Ла[и]й Лабдакид, о счастливом рожденье детей ты
мечтаешь.
Дам тебе милого сына. Однако судьбы повеленьем
Гибель ты примешь от рук его. Знак этот подал
Зевс Громовержец, проклятьям ужасным Пелопа
внявший, —
Так отомстить тот поклялся за кражу любимого сына⁹.

Софокл, по своему обыкновению, отказался от идеи наследственной вины; его интерес сосредоточен на личной судьбе Эдипа.

В той редакции, которую миф получил у Софокла, фиванский царь Лайй, уstraшенный предсказанием, сулившим ему смерть от руки сына, приказал проколоть ноги новорожденному сыну и бросить его на горе Киферон.

Мальчика усыновил коринфский царь Полиб и назвал Эдипом (по-гречески, как указывалось выше, «Эдип» означает «с опухшими ногами»).

О своем происхождении Эдип ничего не знал, но, когда один коринфянин назвал его мнимым сыном Полиба, Эдип обратился за разъяснением к дельфийскому оракулу. Оракул не дал прямого ответа, но сообщил, что Эдипу суждено убить отца и жениться на матери.

Для того чтобы не совершить эти преступления, Эдип решил не возвращаться в Коринф и направился в Фивы. По дороге у него вышла ссора с повстречавшимся ему неизвестным стариком, которого он убил; старик этот и был Лайй.

Затем Эдип освободил Фивы от притеснявшего их крылатого чудовища Сфинкс и в награду получил от граждан фиванский престол, свободный после смерти Лаия, женился на вдове Лаия Иокасте — т. е. на собственной матери, имел от нее детей и в течение многих лет спокойно правил Фивами.

Таким образом, у Софокла те меры, которые Эдип предпринимает для того, чтобы избежать предсказанной ему судьбы, в действительности приводят лишь к осуществлению этой судьбы.

Это противоречие между субъективным замыслом человеческих слов и действий и их объективным смыслом пронизывает всю трагедию Софокла.

Ее непосредственной темой служат не невольные преступления героя, а его последующее саморазоблачение. Художественное действие трагедии в значительной мере основано на том, что истина, лишь постепенно раскрывающаяся перед самим Эдипом, уже заранее известна греческому зрителю, знакомому с мифом.

Открывается трагедия торжественной процессией. Фиванские юноши и старцы молят Эдипа, прославленного победой над Сфинкс, вторично спасти город — избавить его от свирепствующей моровой язвы. Мудрый царь, оказывается, уже сам послал своего шурина Креонта в Дельфы с вопросом к оракулу, и возвращающийся Креонт передает ответ: причиной язвы является «скверна» — пребыва-

ние в Фивах убийцы Лаия. Убийца этот никому не известен; из свиты Лаия остался в живых только один человек, который в свое время и возвестил гражданам, что царь и прочие его слуги были убиты отрядом разбойников. Эдип энергично берется за розыски неведомого убийцы и предает его торжественному проклятию.

Эдип

Властитель-брат мой, Менекеев сын!
Какую весть принес ты нам от бога?

Креонт

Счастливую; ведь и невзгоду счастьем
Мы признаем, когда исход хорош.

Эдип

Что ж молвит бог? Ответ туманный твой
Ни бодрости, ни страха не внушает.

Креонт

Готов пред всеми говорить — а также
И, в дом войдя, наедине с тобой.

Эдип

Скажи при всех: мне их несчастье душу
Сильней терзает, чем своя печаль.

Креонт

Что бог мне молвил, то и я скажу.
Владыка Феб велит нам в ясной речи

Заразу града, вскормленную соком
Земли фиванской, истребить, не дав
Ей разрастись неисцелимой язвой.

Э д и п

Как истребить? И в чем зараза эта?

К р е о н т

Изгнанием, иль кровью кровь смывая, —
Ту кровь, что град обуревают наш.

Э д и п

Какую кровь? О ком радуется бог?

К р е о н т

Предшественник твоей державы славной,
Эдип-властитель, Лаием был зван.

Э д и п

Слышал о нем, но видеть не пришлось.

К р е о н т

Убитый пал он; ныне же к ответу
Бог ясно требует его убийц.

Э д и п

А где они? Кто нам найти поможет
Тот тусклый след старинного греха?

Креонт

Здесь, молвит бог. Кто ищет, тот находит;
А кто искать ленив, тот не найдет.

Эдип

Где ж пал ваш Лайй? У себя ль в дворце?
Иль средь полей родных? Иль на чужбине?

Креонт

Как говорили, бога спросить
Пустился он — и не вернулся боле.

Эдип

А вестники? А спутники его?
Ужель никто улик вам не доставил?

Креонт

Погибли все, один лишь спасся; в страхе
Он все забыл. Одно лишь мог сказать...

Эдип

Что ж мог сказать он? Много даст одно нам;
Надежды край схвати — и ты спасен.

Креонт

Разбойники — так молвил он — сразили
Паломника несметных силой рук.

Э д и п

Не посягнул бы на царя разбойник,
Когда б не злата здешнего соблазн!

К р е о н т

Такая мысль была, но в нашем горе
Никто не встал отмстителем царя.

Э д и п

Коль пал ваш царь, то горе не помеха
Его убийц сейчас же разыскать.

К р е о н т

Сфинкс песнею лукавой отвлекла
Наш ум от смутных бед к насущным бедам.

Э д и п

Мой долг отныне — обнаружить все.
Достойно Феб — и ты, Креонт, достойно
Заботу о погибшем воскресили.
Союзником вам честным буду я,
Готовым мстить за землю и за бога.
Ведь не о дальних людях я пекусь,
А сам себя от язвы ограждаю:
Тот враг, что Лаия убил, и мне
Той самой смертью, мнится, угрожает;
Обоим нам явлю я помощь ныне.
Теперь оставьте, дети, алтари,

С собою взяв молитвенные ветви;
Сюда же граждан Кадма созовите:
Я все готов исполнить, что смогу,
А бог победу нам пошлет — иль гибель.¹⁰

Расследование, предпринятое Эдипом, поначалу идет по ложному пути, и на этот ложный путь его направляет открыто высказанная истина.

Эдип обращается к прорицателю Тиресию с просьбой открыть убийцу; Тиресий сперва хочет пощадить царя, но, раздраженный упреками и подозрениями Эдипа, гневно бросает ему обвинение.

Э д и п

Привет тебе, Тиресий, — ты, чей взор
Объемлет все, что скрыто и открыто
Для знания на небе и земле!
Ты видишь, хоть и с темными очами,
Страду лихую города больного;
Единственный его спаситель — ты.
Узнай, коли не знаешь, от гонцов:
Феб на вопрос наш дал такой ответ,
Чтоб мы, разведав Лаия убийц,
Изгнанием их иль казнью истребили —
Тогда лишь стихнет ярая болезнь.
Тебе понятен рокот вещей птицы,

Знакомы все гадания пути;
Спаси ж себя, и город, и меня,
Сними с нас гнев души непримиренной!
Ведь ты — оплот наш; помогать же ближним
По мере сил — нет радостней труда.

Тиресий

О знанье, знанье! Тяжкая обуза,
Когда во вред ты знающим дано!
Я ль не изведал той науки вдоволь?
А ведь забыл же — и сюда пришел!

Эдип

Что это? Как уныла речь твоя!

Тиресий

Вели уйти мне; так снесем мы легче,
Я — свое знанье, и свой жребий — ты.

Эдип

Ни гражданин так рассуждать не должен,
Ни сын; ты ж вскормлен этою землей!

Тиресий

Не к месту, мне сдается, речь твоя.
Так вот, чтоб мне не испытать того же...

(Собирается уйти.)

Эдип

О, ради бога! Знаешь — и уходишь?
Мы все — просители у ног твоих!

Тиресий

И все безумны. Нет, я не открою
Своей беды, чтоб не сказать — твоей.

Эдип

Что это? Знаешь — и молчишь? Ты хочешь
Меня предать — и погубить страну?

Тиресий

Хочу щадить обоих нас. К чему
Настаивать? Уста мои безмолвны.

Эдип

Ужель, старик бесчестный, — ведь и камень
Способен в ярость ты привести! — ответ свой
Ты утаишь, на просьбы не склонясь?

Тиресий

Мое упорство ты хулишь. Но ближе
К тебе твое: его ты не приметил?

Эдип

Как речь твоя для города позорна!
Возможно ли без гнева ей внимать?

Ти р е с и й

Что сбудется, то сбудется и так.

Э д и п

К чему ж молчать? Что будет, то скажи!

Ти р е с и й

Я все сказал, и самый дикий гнев твой
Не вырвет слова из души моей.

Э д и п

Да, все скажу я, резко, напрямик,
Что видит ум мой при зарнице гнева.
Ты это дело выносил во тьме,
Ты и исполнил — только рук своих
Не обагрил. А если б зрячим был ты,
Убийцей полным я б назвал тебя!

Ти р е с и й

Меня винишь ты? Я ж тебе велю —
Во исполнение твоего приказа
От нас, от граждан отлучить себя:
Земли родной лихая скверна — ты!

Э д и п

Напрасно мнишь ты, клеветник бесчестный,
Избегнуть кары за слова твои!

Ти р е с и й

Меня спасет живая правды сила.

Э д и п

Уж не гаданью ль ею ты обязан?

Ти р е с и й

Тебе; ты сам раскрыть ее велел.

Э д и п

Скажи еще раз, чтоб понятно было!

Ти р е с и й

Ужель не понял? Иль пытать решил?

Э д и п

Не ясно понял; повтори еще раз!

Ти р е с и й

Изволь: убийца Лаия — ты сам!

Э д и п

Сугубой лжи — сугубое возмездье!

Ти р е с и й

Велишь наполнить возмущенья меру?

Э д и п

Что хочешь молви: речь твоя — лишь дым.

Тиресий

В общенье гнусном с кровию родной
Живешь ты, сам грехов своих не чуя!

Эдип

Уйти от кары поношением мнишь ты?

Тиресий

Да, если сила истине дана.

Эдип

Есть в правде сила, есть, но не в тебе —
В тебе ж угас и взор, и слух, и разум.

Тиресий

Ах, бедный, бедный! Тот упрек безумный —
Его от всех услышишь скоро ты.

Эдип

Сплошная ночь тебя взрастила; гнев твой
Не страшен света радостным сынам.

Тиресий

Не мне тебя повергнуть суждено:
Сам Аполлон тебе готовит гибель.¹⁰

Эдип, разумеется, приходит в негодование; он полагает, что Креонт задумал с помощью Тиресия стать царем

Фив и добыл подложный оракул. Креонт спокойно отводит обвинение, но вера в прорицателя подорвана.

Иокаста пытается подорвать веру и в самые оракулы. С целью успокоить Эдипа она рассказывает о несбывшемся, по ее мнению, оракуле, данном Лаию, но именно этот рассказ вселяет тревогу в сердце Эдипа. Вся обстановка смерти Лаия напоминает его бывшее приключение на пути из Дельф; не сходится только одно: Лаий, по словам очевидца, был убит не одним человеком, а целой группой.

Эдип посылает за этим свидетелем. Сцена с Иокастой знаменует перелом в развитии действия.

Иокаста

Скажи и мне, во имя всех богов:
Зачем ты гневом воспылал таким?

Эдип

Скажу: ты мне почтенней, чем они.
Креонт злоумышляет на меня.

Иокаста

Скажи яснее: в чем его вражда?

Эдип

Назвал меня он Лаия убийцей!

Иокаста

Со слов других? По собственной догадке?

Эдип

Свои уста хранит он от хулы,
А подослал гадателя-злодея!

Иокаста

О, если так — освободи от страха
Свой ум, Эдип, и от меня узнай,
Что нет для смертных ведовской науки.
Тому я довод ясный укажу.
Однажды Лаий — не скажу: от Феба,
Но в Дельфах от гадателей его
Ужасное вещанье получил,
Что смерть он примет от десницы сына,
Рожденного в законе им и мной.
Но Лаий — говорят нам — у распутья,
Где две дороги с третьею сошлись,
Разбойниками был убит чужими!
А мой младенец? От его рожденья
Едва зарделся третий луч зари, —
И он его, сковав суставы ножек,
Рукой раба в пустыне бросил гор!
Да! Не заставил Аполлон малютку
Отцеубийством руки обагрить;
Напрасен страх был, Лаию внушенный,

Что от родного сына он падет;
Так оправдались вещи гаданья!
О них не думай! Если бог захочет —
Он сам сорвет с грядущего покров!

Эдип

Что слышу я, жена моя? Во мне
Смутился дух мой, и в волненье разум.

Иокаста

Какой тревогой встрепнулся ты?

Эдип

Сказала ты, что пал он у распутья,
Где две дороги с третьею сошлись?

Иокаста

Так молвили, да и поныне молвят.

Эдип

Где ж эта местность? Где погиб твой муж?

Иокаста

Земля Фокидой кличется, а местность —
Где путь двоится в Дельфы и в Давлиду.

Эдип

А сколько времени прошло с тех пор?

Иокаста

Дошла до нас та новость незадолго
Пред тем, как ты объявлен был царем.

Эдип

О Зевс! Что сделать ты со мной задумал!

Иокаста

Эдип мой, друг мой! Что с тобой? Скажи!

Эдип

Постой, постой!.. Каков был видом Лаий?
Каких был лет в то время он? Ответь!

Иокаста

Могуч; глава едва засеребрилась;
А видом был он — на тебя похож.

Эдип

О смерть! Ужель я, сам не сознавая,
Себя проклятью страшному обрек?

Иокаста

Что ты сказал? Твое лицо мне страшно.

Эдип

Боюсь, боюсь — был свыше меры зрячим
Пророк... Но нет! Еще одно скажи.

Иокаста

Сказать готова, хоть и страшно мне.

Эдип

С немногими пошел он, иль с отрядом
Телохранителей, как вождь и царь?

Иокаста

Всех было пять; один из них — глашатай.
В повозке Лаий восседал один.

Эдип

Ах, ясно все... так ясно! — От кого же
Узнали вы про смерть его, жена?

Иокаста

Один лишь раб от смерти ускользнул.

Эдип

А где живет он ныне? Во дворце?

Иокаста

О нет. Когда вернулся он, увидел
Тебя царем, а Лаия убитым, —
К моей руке припав, он умолил
Услать его из города подальше
На пастбища окраинные стад.
Я снизошла к мольбе его; и, право,
Не будь рабом он, получил бы больше.

Э д и п

Нельзя ль скорей его обратно вызывать?

И о к а с т а

Конечно, можно. Но на что тебе он?

Э д и п

Боюсь, жена, — причин я слишком много
Тебе назвал желанья моего!

И о к а с т а

Да он придет! Но все ж и я достойна
Твою кручину разделить, Эдип.

Э д и п

Достойна; и кому еще доверить
Я мог бы страх встревоженной души?
Кто ближе мне в судьбы моей невзгодах?
Мне был отцом Полиб, коринфский царь,
А матерью — дориянка Меропа.
На родине вельможей первым слыл я.
До случая, который был достоин
Сомнения, но гнева не достоин.
На пиршестве, напившись до потери
Рассудка, гость какой-то в пьяном рвенье
«Поддельным сыном моего отца»
Меня назвал. Вскипел я гневом; все же
Себя сдержал я в эту ночь. С зарей же

Пошел к отцу и матери, чтоб правду
От них узнать. Они с негодованьем
Обидчика отвергли. Я был рад,
Но все ж сверлило оскорбленье душу:
Я чувствовал, как дальше все и дальше
Оно ползло. — И вот иду я в Дельфы,
Не говоря родителям ни слова.
Здесь Феб ответа ясного меня
Не удостоил; но в словах вещанья
Нашел я столько ужасов и бед —
Что с матерью преступное общенье
Мне предстоит, что с ней детей рожу я
На отвращенье смертным племенам
И что я кровь пролью отца родного, —
Что я решил — отныне край коринфский
Любить с звездой небесной наравне
И бег туда направить, где б не мог я
Стать жертвою пророческих угроз.
И вот дошел я до тех мест, в которых —
Как молвишь ты — погиб покойный царь.
Тебе, жена, всю правду я открою.
Когда уж близок был к распутию я,
Навстречу мне повозка едет, вижу:
Пред ней бежит глашатай, а в повозке
Сам господин, — как ты мне описала.
И тот и этот силою меня
Пытаются согнать с своей дороги.
Толкнул меня погонщик — я в сердцах

Его ударил. То увидя, старец,
Мгновенье улучив, когда с повозкой
Я поравнялся — в голову меня
Двойным стрекалом поразил. Однако
Он поплатился более: с размаху
Я посохом его ударил в лоб.
Упал он навзничь, прямо на дорогу;
За ним и прочих перебить пришлось.
Но если между Лаием погибшим
И тем проезжим есть какая связь —
О, кто несчастнее меня на свете,
Кто боле взыскан гневом божества?
Нет мне у вас ни крова, ни привета,
Вы гнать меня повинны все, повсюду,
И граждане, и пришлые. И сам я
Проклятье это на себя изрек!
И одр погибшего я оскверняю
Прикосновеньем той руки, что насмерть
Его сразила!.. Я ли не злодей?
Я ль не порочней всех во всей вселенной?
Бежать я должен — и в несчастном бегстве
Не должен взором на своих почить,
Не должен родины своей коснуться,
Не то — грех с матерью, отца убийство,
Родителя и пестуна — Полиба!
О сколь жесток — простится слово правды —
Ко мне был бог, что так меня сгубил!
Нет, нет, не дай, о чистое светило,

Моим очам увидеть этот день!
Пошли мне смерть, но не клейми при жизни
Меня таким несчастья пятном!

Корифей

И мы в тревоге; все ж, пока свидетель
Не выслушан — надежды не теряй!

Эдип

Своей надежде дал я срок недолгий —
Пока придет с окраины пастух.

Иокаста

Что может дать отрадного тебе он?

Эдип

Пусть в показаньях он с тобой сойдется —
Тогда свободен от нечестья я.

Иокаста

В каком же слове видишь ты опору?

Эдип

Он показал — так от тебя я слышал, —
Что от разбойников погиб твой муж, —
От многих, значит. Коль и ныне то же
Покажет он, — убил его не я:
Один прохожий ведь не равен многим.
А если путник одинокий будет

Показан им — тогда уж нет сомнений:
Убийства грех нависнет надо мной.

И о к а с т а

О, если так, то будь уверен: слово
Он произнес, как я передала.
Его обратно взять не может он:
Все слышали его, не я одна!
Но если б даже от тогдашней речи
Отрекся он — вещаний он и этим
Не оправдает. Феб царю судил
От сына моего погибнуть; что же,
Убил его малютка бедный? Нет!
Он сам погибель до того отведал.
Теперь не верю я гаданьям божьим:
Они с дороги не собьют меня.

Э д и п

Ты судишь здраво; все ж за очевидцем
Пошли гонцов — прошу тебя, пошли!

И о к а с т а

Пошлю не медля. Но войдем в хоромы;
Тебе во всем я рада услужить.

Однако катастрофе Софокл обычно предпосылает еще некоторую задержку («ретардацию»), на мгновение сулящую более благополучный исход.

Вестник из Коринфа сообщает о смерти царя Полиба; коринфяне приглашают Эдипа стать его преемником. Эдип торжествует: предсказание об отцеубийстве не исполнилось (хотя он и размышляет о том, не явился ли косвенно его уход причиной смерти Полиба). Тем не менее его смущает вторая половина оракула, грозящая женитьбой на матери. Вестник, желая рассеять его опасения, открывает Эдипу, что он не сын Полиба и его жены; вестник много лет тому назад получил на Кифероне от одного из пастухов Лаия и передал Полибу младенца с проколотыми ногами — это и был Эдип.

Э д и п

Таить не стану. Феб мне предсказал,
Что с матерью сойтись в любви преступной
Мне суждено и кровь отца пролить.
Вот почему уж с давних пор Коринфа
Я не видал. Был счастлив я; но все же —
Отраден блеск родительских очей!

В е с т н и к

Так этот страх прогнал тебя из дома?

Э д и п

Отца убить я не желал, старик.

Вестник

О государь! К тебе с добром пришел я;
Дозволь навеки страх рассеять твой!

Эдип

Тебе б я был навеки благодарен.

Вестник

А я как раз затем пришел, чтоб вызвать
Тебя домой — и дар твой заслужить.

Эдип

Я не вернусь, пока жива Мeroпа!

Вестник

Дитя! ты сам не знаешь, что творишь.

Эдип

О ради бога! Научи меня.

Вестник

Ты из-за них в изгнание пребываешь?

Эдип

Чтоб не исполнилось вещанье Феба!

Вестник

Чтоб от родивших скверны не принять?

Эдип

Да, старче, да; ее страшусь я вечно.

Вестник

Так знай же: страх твой пуст был и напрасен.

Эдип

Как пуст? мои ж родители они!

Вестник

Нет общей крови у тебя с Полибом.

Эдип

Что ты сказал? Отец мой — не Полиб?

Вестник

Ничуть не более, чем я, поверь мне!

Эдип

Ты бредишь! Он отец мой, ты — ничто.

Вестник

Ты не был сыном ни ему, ни мне.

Эдип

Но как же? Сыном он ведь звал меня!

Вестник

А получил — из этих самых рук.

Эдип

Из рук чужих? И так любил? Так нежно?

Вестник

Так что ж? Своих им не дал бог детей.

Эдип

А ты... купил меня? Иль подобрал?

Вестник

Нашел тебя... в долине Киферона.

Эдип

А что ж тебя в ту местность завело?

Вестник

Был горных стад надсмотрщиком тогда я.

Эдип

Ты пастухом был? Батраком скитался?

Вестник

Я был твоим спасителем, мой сын.

Эдип

В какой беде простер ко мне ты руки?

Вестник

О ней суставы знают ног твоих.

Эдип

Не вспоминай об этом древнем горе!

Вестник

Я развязал израненные ноги.

Эдип

Да, был в пеленках искалечен я!

Вестник

И именем ты той беде обязан.

[Перед Эдипом встает вопрос, чей же он в действительности сын; расследование продолжается.]

Эдип

Кто это сделал? Мать? Отец? Ответь же!

Вестник

Почем мне знать? Ты давшего спроси!

Эдип

Что? Давшего? Не сам меня нашел ты?

Вестник

Да нет же; взял у пастуха другого.

Эдип

Откуда был он? Отвечай, коль знаешь!

Вестник

Ему был, мнится, Лайй господином.

Эдип

Покойный царь фиванского народа?

Вестник

Он самый; был его он пастухом.

Эдип

А где он? Жив? Могу его увидеть?

Вестник

Об этом лучше вам, фиванцам, знать.

Эдип (к хору)

Кому-нибудь средь вас пастух тот ведом?
Быть может, видел кто его иль здесь,
Иль в деревнях? Скажите все, прошу вас;
Настало время тайну обличить.

Корифей

Я полагаю, это — тот пастух
Окраинный, которого и раньше
Хотел ты видеть. Впрочем, лучше всех
О нем царица Иокаста знает.

Эдип

Жена, скажи: не тот ли это самый,
Кому велели мы прийти сюда?

Иокаста

Как? Что? Кого назвал он? Не заботься,
Забудь скорее все его слова!

Эдип

Тому не быть, чтоб я, с такой уликой,
Раскрыть свое рождение упустил!

[Иокаста, для которой все стало ясным, с горестным восклицанием покидает сцену, однако это не останавливает Эдипа.]

Иокаста

Коль жизнь тебе мила, оставь расспросы.
Молю богами, — я и так страдаю.

Эдип

Не бойся; пусть предстану пред тобой
Тройным рабом, — не станешь ты рабыней.

Иокаста

Эдип, молю, послушайся меня!

Эдип

Послушаться? Не обнаружить рода?

Иокаста

Но я забочусь о твоём же благе!

Эдип

Вот это благо уж давно мне в тягость!

Иокаста

О, век бы не узнать тебе, кто ты!

Эдип

(телохранителям)

Вы, пастуха скорей ведите!

(Иокасте)

Ты же

Любуйся вволю знатностью своей!

Иокаста

О горе, горе! О злосчастный — это
Тебе последний мой привет; прости!

(Уходит во дворец.)

Корифей

Смотри, Эдип, в каком ужасном горе
Твоя жена умчалась! Я боюсь,
Ее молчанье бурей разрешится.

Эдип

Пусть разрешается чем хочет! Я же
Свой корень — как ни скромн он — хочу

Увидеть. Страх ее и мне понятен:
В ее гордыне женской стыдно ей,
Что я могу безродным оказаться.
Я — сын Судьбы! от матери своей —
Она добра ко мне была — позора
Я не приму. А родичи мои —
Их Месяцами вы зовете, — малым
Меня найдя, поставили великим.
Таким я стал; иным мне не бывать;
Итак, мой род — долой с тебя завесу!

Эдип все продолжает свое расследование.

Свидетель убийства Лаия оказывается тем самым пастухом, который некогда отдал коринфянину младенца Эдипа, сжалившись над новорожденным. Выясняется также, что сообщение об отряде разбойников, напавшем на Лаия, было ложным.

Эдип узнает, что он сын Лаия, убийца отца и муж матери.

В песни, полной глубокого участия к бывшему избавителю Фив, хор подводит итог судьбе Эдипа, размышляя о непрочности человеческого счастья и о суде всевидящего времени.

В заключительной части трагедии, после сообщения вестника о самоубийстве Иокасты и самоослеплении

Эдипа, еще раз появляется Эдип, проклинает свою несчастную жизнь, требует для себя изгнания, прощается с дочерьми.

Однако Креонт, в руки которого временно переходит власть, задерживает Эдипа, ожидая указания оракула; дальнейшая судьба Эдипа остается для зрителя неясной.

По ходу трагедии было бы последовательнее, если бы Эдип немедленно удался в изгнание, но Софокл, вероятно, не хотел разойтись с мифологической традицией, согласно которой Эдип после своего ослепления оставался в Фивах.

* * *

Трагедия «Царь Эдип»¹² во все времена признавалась (наряду с «Антигоной») шедевром драматургического мастерства Софокла¹³.

В своем последнем произведении «Эдип в Колоне» Софокл попытался смягчить ту мрачную картину людской судьбы, которая была нарисована в «Царе Эдипе».

В «Царе Эдипе» человек, знаменитый мудростью и подвигами, пользовавшийся всеобщим уважением, оказывался ужасным злодеем помимо своей воли, источником «скверны» для сограждан.

«Эдип в Колоне» изображает обратное: слепой изгнанник, имя которого приводит в содрогание всех встречающихся с ним, умирает чудесной смертью избранника богов и становится источником благодати для той страны, где он находит себе последний приют.

Вопрос о виновности героя, который в «Царе Эдипе» не ставился в прямой форме, получает здесь четко сформулированный отрицательный ответ.

Сюжет основан на предании о смерти Эдипа в предместье Афин, Колоне, т. е. на родине Софокла. В связи с этим восхваляются человеколюбие и справедливость афинского полиса и его мифологического представителя, царя Тесея, оказавшего гостеприимство скитальцу.

Вернувшись к сюжету Эдипа, Софокл выводит на сцену героев своих прежних фиванских трагедий. Снова дан яркий образ Антигоны; на этот раз она представлена как любящая дочь, верная спутница слепого отца. Рядом с ней менее яркая, но так же преданная отцу Исмена, суховатый и склонный к насильственным действиям Креонт.

По силе лирических частей трагедия девяностолетнего поэта не уступает его прежним произведениям; интересны прекрасный гимн в честь Колона и размышления хора о тяготах старости.

* * *

Для нас наиболее важно то, что в «Царе Эдипе» всестороннее раскрытие находит проблема знания — деятельность главного героя проходит под знаком неустанного стремления к истине, как бы она ни оказалась безжалостна, и все поведение Эдипа проникнуто нескончаемым ее поиском.

Глаголы со значением «искать», «исследовать», «узнавать» и т. п. составляют один из разветвленных лейтмотивов этой трагедии; в целом ряде случаев они сосредоточиваются в компактные лексические гнезда, цель которых в афинской драме — внедрить в сознание зрителя идеи, владеющие драматургом и для него особенно важные.

К чему приводят эти неуклонные усилия Эдипа овладеть знанием — известно: к его саморазоблачению, вследствие которого фиванский царь опознает в себе убийцу собственного отца и мужа собственной матери.

Поскольку таким образом Эдип узнает о невольном свершении пророчества, полученного им некогда в Дельфах, из этого нередко делают вывод, что главной целью Софокла было доказать незыблемость божественных прорицаний и бессилие человека перед лицом безжалостного рока.

К этому добавляются усиленные поиски вины Эдипа: его обвиняют то в легкомысленном отношении к полученному

прорицанию, то в несправедливых обвинениях по адресу Тиресия и Креонта, которых Эдип подозревает в заговоре против себя.

Между тем ни построение действия в трагедии, ни самый ее текст не дают основания для подобных обвинений.

Прежде всего, действие «Царя Эдипа» относится ко времени, отделенному от убийства Лаия и женитьбы Эдипа на Иокасте добрыми двумя десятками лет: когда юноша Эдип получил в Дельфах злое пророчество (787—799 гг. до н. э.), он позабыл все сомнения относительно своего происхождения и твердо решил не возвращаться в Коринф, где были живы Полиб и Мeroпа, которых он считал своими родителями.

Бредя куда глаза глядят, Эдип встретил заносчивого чужеземца на колеснице, и между ними разгорелась дорожная ссора. На нападение незнакомца разгневанный Эдип ответил яростным ударом дорожного посоха, отчего его соперник свалился замертво.

Продолжая свой путь, Эдип дошел до Фив, разгадал загадку злодейки Сфинкс и в награду получил опустевший незадолго до этого царский престол и руку овдовевшей царицы. Какие основания были у него подозревать в убитом своего отца и в его вдове — свою мать?

В дорожной ссоре Эдип поступал в соответствии с элементарной логикой самообороны, защищаясь от надменного встречного, а в Фивах — в соответствии с правилами богатырской сказки, которые предписывают освободителю царства от чудовища жениться на спасенной царевне или царице.

Таким образом, если бы Софокл хотел показать тщетность человеческих усилий в борьбе с роком, он должен был

сделать содержанием своей трагедии события из ранней молодости Эдипа, когда тот по неведению исполнил все то, чего хотел избежать. Софокл, однако, поступил иначе, и поэтому в его трагедии никакой роли не играет рок, и никто не стремится вступать с ним в борьбу, поскольку все предреченное давно свершилось.

Содержание «Царя Эдипа» составляют вовсе не события двадцатилетней давности, а, по верному замечанию Шиллера, непрерывный «трагический анализ», производимый самим Эдипом, причем речь идет вовсе не о том, убил ли Эдип незнакомца, и даже не о том, кем был этот незнакомец (на этот вопрос любой зритель мог дать ответ еще до начала трагедии и уж во всяком случае, сравнив рассказ Иокасты с воспоминаниями Эдипа), а о том, кто же, в конце концов, сам Эдип, чей он сын, муж, отец?

Именно в процессе расследования — незаметно для зрителя — смещаются цели фиванского царя. Сначала он ищет причину моровой язвы, посетившей его страну. Потом — убийцу прежнего царя, и здесь-то у Эдипа возникает подозрение в причастности к этому делу Креонта как самого близкого к царскому трону человека, единственного, кому могла быть выгодна смерть Лаия; как мы знаем, подозрения Эдипа оказываются напрасными, но надо признать, что он руководствуется при этом вполне разумной логикой борьбы за власть. Нако-

нец, с той же настойчивостью и непреклонностью Эдип расследует свое происхождение, и на этом пути ему приходится неоднократно преодолевать сопротивление людей, раньше него — в силу своего участия в давно забытых событиях — понимающих, к чему приведет начатое им дознание.

Если даже оставить в стороне зловещие намеки Тиресия, которым Эдип не придает никакого значения, так как его смертельно оскорбляет совершенно необоснованное, по его мнению, обвинение в убийстве Лаия, все же Эдипу по меньшей мере дважды представляется возможность прекратить свой розыск: сначала его умоляет об этом Иокаста, потом старается уйти от ответа на губительные вопросы старый пастух.

И не было бы ничего проще, чем послушаться совета любящей и любимой жены, до того не раз старавшейся внести покой в смятенную душу Эдипа, если бы герой Софокла не был человеком, «каким он должен быть», т. е. не шел бы до конца к однажды намеченной цели, невзирая на все опасности, угрожающие его благополучию и самому существованию.

В этом смысле правы сторонники той теории, которая в судьбе Эдипа видит присущую познанию трагическую двусмысленность: проникая в глубины жизни, оно разрушает ее непосредственную данность, губит спокойную простоту «наличного бытия».

В древнегреческом театре эту мысль примерно за пол-века до постановки «Царя Эдипа» выразил один из героев Эсхила: «Лучше быть несведущим, чем мудрым».

Однако в те, далекие от софокловского Эдипа, времена человеческое знание, если оно совпадало с нормами мировой справедливости, вело смертного по единственно возможному, и потому правильному, пути преклонения перед божественными нравственными заповедями.

На рубеже последней четверти V века, после вторжения в умственную жизнь афинян софистики и риторики, «простота наличного бытия» утратила в их глазах свою однозначную привлекательность. Для раскрытия заложенных в жизни противоречий требовались героические усилия интеллекта, даже если человек сознавал, что он может вызвать против себя силу, одолеть которую он не способен.

Нет ли, впрочем, кощунства в утверждении, что Эдип, убивший родного отца и женившийся на собственной матери, остается в глазах Софокла идеальным, нормативным героем? Отнюдь нет — именно потому, что Софокл в этой трагедии рисует не закоренелого злодея, хладнокровно расправляющегося с отцом и насилующего мать; такой персонаж никогда не смог бы стать объектом художественного исследования в подлинной трагедии. Софокл же изображает человека, по неведению совершившего страшные преступления и не только не уклоняющегося от своего публичного разоблачения, но и раньше всех творящего суд над самим собой.

На чьей стороне находятся симпатии Софокла в этом столкновении неизбежно неполного, частичного,

ограниченного человеческого знания с всеобъемлющим, всеохватывающим божественным всеведением, олицетворяющим в глазах поэта разумность мира?

Настоящая трагедия не позволяет подобной постановки вопроса — иначе она превратится в плоскую притчу о пользе смирения. «Царь Эдип» потому и является на протяжении столетий образцом трагедии, что в непримиримый конфликт оказываются вовлеченными могучие силы, одинаково правые в своих притязаниях.

Общественная нравственность не могла бы смириться с безнаказанностью вольного или невольного отцеубийцы, взошедшего на ложе собственной матери, и мир «вышел бы из своей колеи», если бы такое преступление осталось неразоблаченным, — в этом отношении правда находится на стороне дельфийского оракула, давшего своим приказом изгнать из фиванской земли убийцу Лаия первый толчок «трагическому анализу», который разворачивается в «Царе Эдипе». И зрители Софокла, считавшие олимпийских богов прямыми покровителями афинской демократии, не могли осуждать Аполлона за его совет, приведший к саморазоблачению Эдипа.

Вместе с тем афинская демократия не многого стоила бы, если бы она сама не сознавала, что вырастила новый тип человека — не бессловесного раба под игом деспота-варвара, а самостоятельного в своем решении и поведении индивидуума, способного и готового принять на себя всю меру ответственности за свои поступки.

Героическая, стилистически-морально выдержанная индивидуальность и разумный, но непознанный универсум — эти две силы пришли в столкновение в софокловской трагедии, и вследствие могущества обоих противников борьба между ними не могла не принять грандиозных масштабов. И если победа остается в конечном счете за вечным и неуничтожимым миропорядком — пусть даже в его основе лежит всеобщее правило экзогамии или даже непосредственно недопущение инцеста, — не меньшее значение имеет раскрытие возможностей человеческой личности, обнаруживающей их в целенаправленном и бескомпромиссном деянии.

Напротив, не возникает необходимости в доказательстве правоты Аполлона в «Эдипе в Колоне». Достаточно слепому скитальцу Эдипу открыть Тесею пророчество, во исполнение которого его могила в священной роще Евменид будет служить вечным залогом благоденствия для Афин, как Тесей принимает сторону изгнанника, защищает его от Креонта и благочестиво провожает к месту последнего упокоения.

Конечно, и в этой трагедии есть вершинные точки, в которых прорывается все еще бушующий темперамент Эдипа (его спор с Креонтом или ответ Полинику), но назначение этих сцен — оправдать изгнанника, а не поставить его сновидцем лицом к лицу с его мрачным прошлым.

Насколько бескомпромиссно царь Эдип в более ранней трагедии признавал себя виновным в невольных преступле-

ниях и даже в своей исконной «нечестивости», настолько же решительно Эдип, пришедший в Колон, эту ответственность с себя снимает.

Он выступает теперь не как «совершивший», а как «пострадавший», «перенесший» много напрасных бед, и его оправдательный монолог перед Креонтом содержит полную программу освобождения от нравственной ответственности.

Аттическая трагедия, поднявшая огромный пласт общественного сознания, охватившая глобальные противоречия мироздания и не один раз задумывавшаяся над сложным положением человека в этом мире, завершает свой исторический путь иллюзорным примирением героя с непознанными силами, в борьбе с которыми он прежде утверждал свою подлинную сущность.

* * *

Следует теперь коснуться тех новшеств Софокла, которые позволили говорить о его драматической технике как об *аналитической*.

Софокл завершил начатое Эсхилом дело превращения трагедии из лирической кантаты в драму.

Трагедии Софокла отличаются четкостью драматической композиции. Они обычно начинаются с экспозиционных сцен, в которых разъясняется исходное положение и вырабатывается некий план поведения героев.

В процессе выполнения этого плана, наталкивающегося на различные препятствия, драматическое действие то нарастает, то замедляется, пока не достигает переломного момента, вслед за которым, после небольшого замедления, наступает катастрофа, стремительно приводящая к окончательной развязке. В закономерном ходе событий, строго мотивированном и вытекающем из характера действующих лиц, Софокл усматривает скрытое действие божественных сил, управляющих миром.

Центр тяжести трагедии у Софокла окончательно смещается на изображение людей, их решений, поступков, борьбы.

Отказавшись от грандиозных, но элементарных фигур Эсхила, Софокл создает более сложные и тем самым более дифференцированные образы. Театр Софокла, взятый в целом, отличается богатством персонажей; в пределах одной трагедии драматург стремится показать целый ряд фигур.

Уже античная критика отмечала в качестве одного из основных достоинств Софокла искусство характеристики. Несравненны в своей простоте и монументальности образы Эдипа и Электры, Антигоны и Филоклеты и др. По выразительности и разнообразию персонажей театр Софокла приближается к гомеровскому эпосу.

В то время как Эсхил старался обнаружить в человеческом поведении действие высших сил и человеческая жизнь у него зачастую являлась лишь ареной столкновения богов, герои Софокла по большей части действуют вполне самостоятельно и сами определяют свое поведение по отношению к другим людям. Богов Софокл редко выводит на сцену, «наследственное проклятие» не играет уже той роли, которая приписывалась ему у Эсхила. Действие высших сил проявляется в естественном ходе вещей, который и содержит в себе осуждение или оправдание избранной линии поведения.

Самым надежным руководством в этом выборе является, по убеждению Софокла, покорность велениям богов, следование традиционным нормам этики полиса, но поэт ощущает уже их недостаточность. Источником ложного выбора у него оказывается не только сознательное нарушение этих норм, но и неведение, ограниченность человеческого знания. Отсюда ошибки, заблуждения, самообман, небрежность и оправданность страдания; но именно в страдании обнаруживаются лучшие качества человека.

Проблемы, волнующие Софокла, связаны больше с судьбой индивида, нежели с судьбой рода. Это изменение идеологических установок привело Софокла к отказу от принципа сюжетно связанной трилогии, господствовавшего у Эсхила. Выступая с тремя трагедиями

(трилогическая композиция), он делает каждую из них самостоятельным художественным целым, заключающим в себе всю свою проблематику.¹⁴

В связи с общей тенденцией Софокла к отходу от величавости эсхилловской трагедии изменился в сторону большей простоты также язык трагедии. Сам поэт говорил, что ему пришлось сперва отказаться от «пышности Эсхила», а затем от «искусственности его собственной манеры», пока он не пришел к «третьему, наилучшему виду стиля, наиболее соответствующего характерам героев».

Этот стиль у Софокла дифференцирован: хоровые партии отличаются гораздо большей возвышенностью, чем диалог, служебные фигуры выражаются проще, чем главные герои.

В целом, однако, язык трагедий продолжает сохранять у Софокла свой «возвышенный» характер, и поэт даже в поздних произведениях не вполне преодолел ту «искусственность», которая, по собственному его признанию, характеризовала его раннее творчество.

Другое значительное драматическое новшество Софокла — допущение третьего актера. Сцены с одновременным участием трех актеров позволяли разнообразить действие введением второстепенных лиц и не только противопоставлять непосредственных противников, но и показывать различные линии поведения в одном и том же конфликте.¹⁵

Хор играет у Софокла только подсобную роль. Его песни являются как бы лирическим сопровождением действия драмы, в которой он сам уже не принимает значительного участия. Хор Софокла часто называют «идеализированным зрителем», однако, по сравнению с «нормативными» героями, хор — представитель среднего, обыденного человеческого уровня; в отдельных случаях, однако, Софокл пользуется хором и для того, чтобы вложить в его уста свои собственные мысли.

Численный состав хора Софокл увеличил, доведя его до пятнадцати хороводов вместо прежних двенадцати.

Софокл вводит ряд модификаций мифологического сюжета об Эдипе.

Так, совмещение в трагедии Софокла в одном персонаже — старом пастухе — свидетеля убийства Лаия и домочадца, передавшего ребенка из рук в руки коринфскому пастуху, который, в свою очередь, приходит вестником в Фивы, — нововведение поэта, позволившее ему построить трагическое узнавание Эдипа.

По традиционной же версии, слуги Лаия бросили ребенка в диком ущелье, и только случайно его нашли пастухи Полиба или какой-то путник; никто из них, естественно, не мог знать, откуда родом бессловесное дитя.

Есть также вариант, по которому младенец был брошен в ковчегце в море и прибит к берегу в чужой земле, — здесь вообще исключаются любые посредники между подбросившим ребенка и принявшим его.

Наконец, Софокл, согласно некоторым античным свидетельствам, ввел в употребление ряд механических приспособлений, декорации, а также котурны, которые стали использоваться на сцене актерами при исполнении трагических ролей: они увеличивали рост актера, придавали величественность его фигуре.

Софокла считают завершителем формирования аттической трагедии: все составные элементы трагедии у него дифференцированы и приведены в состояние равновесия. В мировую литературу он вошел не только как создатель ряда монументальных образов, но и как мастер строжайшей драматической архитектоники.

* * *

Подытожим сказанное о драматургической технике и нововведениях Софокла; сфокусируем внимание на тех моментах, которые послужили основанием для констатации преемственности между психоанализом и аналитической драмой:

— яркая иллюстрация «трагического анализа» как особой техники;

— центральные моменты ретроспективного познания;

— специфическая аранжировка этого процесса, в частности знаковость и противление очевидной истине;

— третий актер;

— уменьшение роли хора;

— декорации;

— ряд приспособлений, в частности котурны;

— строжайшая драматическая архитектоника и пр.

Коннотация одного женского образа — Лаодика-Электра

Также, как и в случае с Эдипом, Электра интересует нас прежде всего как эпоним, — эпоним, давший имя другому — аналогичному, обратному, «женскому» психическому комплексу, возникшему, по-видимому, именно в силу этих своих свойств противоположности и благодаря психоанализу почти столь же известному, как и первый.

Литераторы неоднократно обращались к образу Электры, от античности («Хозефоры» Эсхила, «Электра» Софокла, Еврипида) до современности («Электра» Гофмансталя, «Мухи» Сартра и др.).

Что же это за персонаж? Какова его индивидуальная мифология и трагедия? Такая же ли это линия развития и усложнения инцестуозной трагедии, как [культур]психоанализ Юнга по отношению к классическому методу Фрейда?

Иными словами:

— почему *Электра*?

— почему именно ее имя стало в психоанализе *нарицательным*, наряду с именем *Эдипа*?¹⁶

Ведь, как мы уже могли видеть, в поле психоаналитического нозотворчества попали десятки античных эпонимов, невольно давших имена для обозначения *психических комплексов*.

Следует также отметить, что если *Эдип* — во всяком случае, в обработке Эсхила и Софокла — в некотором роде единственный *такой* персонаж (если касаться именно дошедших до нас фрагментов аттической трагедии)¹⁷, то в той же античной мифологии мы встречаем, помимо *Электры*, целый ряд женских имен, которые, в силу неясных (хотя, по-видимому, довольно тривиальных) причин, не были задействованы в практике инцестуозной номинации.

Наконец, драматическая обработка репродуктивно-инцестуозных мотивов и сюжетов с участием женских персонажей так же была очень распространена.

Однако мера неопределенности проблемы обусловлена тем простым обстоятельством, что *Электра не является — невольным ли, преступным ли — персонажем кровосмесительной интриги*, — ни в рамках мифологии, ни в рамках трагедии.

Сейчас же я, как и ранее, лишь подготавливаю почву для ответа на эти вопросы.

* * *

Прежде всего, Электра не имеет никакого отношения к ситуации инцестуозного брака или сожителства; она — всего лишь мстительница за отца, в разных вариациях — инициатор либо участница.

Свое место в мифе о трагических событиях в доме микенского царя Агамемнона Электра занимает далеко не сразу.

Так, «Илиада» знает трех дочерей Агамемнона — Хризофемису, Лаодику и Ифианассу; Электры же среди них нет.

«Три у меня расцветают в дому благосозданном дщери: Хризофемиса, Лаодика, юная Ифианасса», — говорит Агамемнон в «Илиаде».¹⁸

В «Одиссее» находим упоминание об убийстве Агамемнона, совершенном Эгисфом не без согласия Клитеместры, и о погребальном пире, который устроил

Эгисфу и матери Орест. Почему вместе с убитым Эгисфом пришлось хоронить и Клитеместру, из «Одиссеи» не ясно, хотя о самом акте мести, исполненном Орестом, автор поэмы отзывается однозначно положительно. В любом случае, в «Одиссее» даже не упоминается никто из сестер Ореста.

Впервые имя Электры появилось, по-видимому, у лирического поэта Ксанфа (VII в. до н. э.), который отождествлял ее с гомеровской Лаодикой, — так-де звали девушку от рождения, но поскольку она долго не выходила замуж, то ее прозвали Электрой. В духе древнегреческих этимологий Ксанф образовывал это имя (в его дорийской форме «Алектра») от отрицательного префикса α- и слова λῆκτρον — «супружеское ложе»; таким образом, Электра обозначает «безбрачная».

Важно, что именно Ксанфа считал своим предшественником знаменитый сицилийский поэт Стесихор, который в первой половине VI века создал лирическую поэму в двух частях «Орестея». Хотя до нас дошли лишь скудные отрывки, известно, что в творчестве Стесихора произошла существенная перестановка акцентов: на первое место в качестве убийцы Агамемнона выдвинулась Клитеместра, и Стесихор ввел мотив приснившегося ей грозного сна, который побудил царицу отправить на могилу убитого умиловительные дары.

Для этого ей надо было прибегнуть к помощи одной из дочерей, и едва ли мы ошибемся, признав в этой дочери Электру.

Вероятно, не обошлось и без ее встречи с Орестом, и какое-то участие Электра должна была принять в последней встрече Ореста с матерью.

К такому выводу приводят памятники изобразительного искусства первой половины V века, свидетельствующие о широком распространении мифа, — вероятно, под влиянием Стесихора. Так, на одной из краснофигурных аттических ваз, где рядом с персонажами, участвующими в изображенной там сцене, подписаны их имена, мы видим убитого и свалившегося с трона Эгисфа, слева от него — Электру, а справа — Ореста с мечом и позади него — Клитеместру с занесенной над сыном секирой. Электра, протянув руку к брату, призывает его оглянуться, дабы уклониться от угрожающего ему удара.

Так мы оказываемся в непосредственной близости к эсхиловским «Хоэфорам», где Клитеместра, узнав о смерти Эгисфа, требует, чтобы ей подали секиру, но ее готовность к вооруженному сопротивлению пресекает Орест, явившийся с обнаженным мечом из ворот дворца.

«Хоэфоры» Эсхила, средняя часть его трилогии «Орестея» (458 г. до н. э.), — прямая предшественница обеих «Электр» — Софокла и Еврипида, — написанных примерно четыре десятилетия спустя.

Авторитет великих трагиков, приложивших свой талант к обработке мифа о мести за убийство Агамемно-

на, был настолько велик, а «Электра» Софокла была к тому же так популярна в последующие века, что больше никто из афинских драматургов не рисковал вступать с ними в соревнование.

Но если Еврипид во многом переиначил миф, то Софокл, в общем, придерживался сюжетных линий, начертанных Эсхилом. Сравнивая обе трагедии, мы также увидим и то новое, что внес в трактовку образов Софокл.

Во-первых, Софокл существенно развил момент интриги: планы Ореста остаются неизвестны Электре, и известие о его мнимой смерти, равно как и вид погребальной урны, повергает ее в неподдельное отчаяние.

Во-вторых, Софокл сводит Электру лицом к лицу с матерью, и дочь высказывает ей (в несравненно более развернутой форме) все, что мог бы сказать ей Орест: двадцать с небольшим стихов из эсхиловских «Хоэфор» превращаются у Софокла в большую бурную сцену объяснения Электры с Клитемстрой.

К л и т е м е с т р а

Опять гуляешь ты на воле, вижу.
Что делать! Нет Эгисфа: он один
Тебя обуздывал, чтоб хоть на людях
Ты не позорила семьи родной.
Но нет его, а на меня вниманья
Не обращаешь ты... А все ж ты много
И перед многими коришь меня,

Что царствую надменно, что бесстыдно
Тебя и горе поношу твое.
Надменность мне чужда, тебя ж браню я,
Отведав много бранных слов твоих.
Всегда отец тебе предлогом ссоры,
Что от меня он принял смерть свою.
Да, от меня! Не стану запыраться:
Моей рукой его сразила Правда.
И будь разумна ты, — ты помошь ей
Сочла бы долгом принести. Ведь он,
Тот твой отец, о ком ты вечно плачешь,
Всех эллинов бездушьем превзошел:
Он в дар богам сестру твою зарезал¹⁹.
Счастливый муж! Ему ее рожденье
Не стоило болезни и трудов,
Как мне, что в муках родила ее.
Так молви же, за что, кого он ради
Ее заклал? Аргивян, скажешь ты?
Откуда ж право их на дочь мою?
Иль Менелаю-брату угождая,
Ему он в жертву кровь мою принес?
По праву ж взыскан он своею кровью!
Скажи сама: ведь двух детей отцом
Был Менелай! Не им ли надлежало
Скорее пасть, коль их отец и мать
Губительной войны причиной стали?
Иль так уж жаждал царь теней Аид
Моих, а не его детей отвеждать?
Иль твой отец преступный не умел
Любить моих детей и всю любовь он

Лишь к детям Менелая сохранил?
Отцу ль под стать такое безрассудство!
Так мысляю я, — пускай с тобою розно,
Зато согласно с дочерью убитой.
Вот почему я не скорблю о деле
Руки моей. Тебе ж совет: сама
Разумней будь, коль мать корить ты хочешь!

Электра

Теперь не скажешь ты, что мною вызван
Твоих речей неласковых поток.
А впрочем, если ты согласна, правду
Сказать готова я — и за отца
И о сестре покойной заодно.

Клитемистра

Согласна, говори. Когда б и раньше
Со мной ты так почтительна была,
Без горечи могла б тебя я слушать.

Электра

Вот речь моя. Отца убила ты —
Сама сказала. Мыслимо ль признание
Ужаснее — по правде ль ты убила
Его иль нет? Но докажу тебе,
Что правды не было в твоём деянье,
Что ты злодея подчинилась ласке —
Того же, с кем и ныне ты живешь!
Спроси ловцов богиню Артемиду,

За что на нас прогневалась она
И ветров рать в Авлиде задержала.
Иль лучше я тебе скажу: ее
Ведь не потребуешь к ответу. Слушай!
Отец мой — так сказали мне, — гуляя
В лесу богини, шумом ног своих
Спугнул пятнистого оленя; метким
Его он выстрелом убил — и слово
На радостях кичливое сказал.
За это гневом вспылала дева;
Ахейцев ждать заставила она,
Пока отец, в возмездие за зверя,
Свое дитя ей в дар не принесет.
Вот повод гибели ее; и в Трою,
И вспять домой был прегражден им путь.
Тогда отец под гнетом принужденья
И после долгой, тягостной борьбы
Заклал ее — не Менелая ради.
Но пусть права ты; пусть его хотел он
Возвысить. Что же? Неужели смерть
Он от тебя за это заслужил?
Где ты закон такой нашла? Смотри же!
Являя смертным приговор такой,
Пример расплаты за вину ты явишь.
Как будем друг за друга убивать мы —
Тебе по праву первой пасть придется.
Но нет, предлог тот вымышлен тобой.
Не то — скажи, какой отплаты ради
Погрызла в сраме ты таком? Зачем

Ты с кровопийцей-мужем делишь ложе,
С которым раньше ты отца сгубила?
Зачем детей ему рождаешь²⁰, — тех же,
Что в ложе чести рождены тобой,
Чужими считаешь? Как за это
Тебя одобрить? Иль и тут ты скажешь,
Что мстишь за дочь? Постыдное признание!
Позор, хотя б и дочери в угоду.
Врага-злодея мужем называть!
Да что! И слова не даешь сказать ты;
Всегда упрек я слышу, что на мать
Я клевету. Меж тем я госпожой
Скорей, не матерью тебя считаю.
Живу я, как раба; терплю обиды
И от тебя и от него, что другом
Твоим явился. Сын же твой, Орест,
С трудом руки твоей избегший, — в горе
Среди чужих изгнанником живет.
И за него корить меня ты любишь,
Что мстителем тебе его ращу.
Да я сама, коли б могла, отмстила!
Вот речь моя. Зови меня пред всеми
Дурной, бесстыдной, злоречивой, — пусть!
Когда такой воистину я стала, —
Что ж! матери я не срамлю своей.

К о р и ф е й

Она вся дышит гневом, вижу я;
Но с ней ли правда — нет о том заботы.

Клитемистра

Достойна же заботы дочь такая,
Что мать свою так злобно оскорбить
Отважилась — она, младая дева!
Вы сами видите, на все она
Способна, нет в стыде для ней преграды.

Электра

Неправда. Стыдно мне, до боли стыдно.
Судья — не ты. Сама я понимаю,
Что не девичье дело я творю.
Но где исход? Твои наветы злые,
Твои поступки к этому меня
Принудили. В среде порочной зреют
Сами собой порочные дела.

Клитемистра

Речей немало, дерзкая, внушают
Тебе поступки и слова мои!

Электра

Ты им виною. Ты дела дурные
Творишь — они ж в слова облечься жаждут.

Клитемистра

Да знает же святая Артемида:
Тебе припомнит спесь твою Эгисф!

Электра

Вот и угрозы! Ты ж сама велела
Мне говорить, а слушать не умеешь!

Клитемистра

Велела, да. Но все ж — хоть помолиться
Ты разрешишь в благоговенье мне?

Электра

Изволь, молись. И вообще довольна
Ты будешь мной: отныне я молчу.

В-третьих, не Электра, а Хрисофемида отправляется к могиле отца и находит там признаки возвращения Ореста, — радость, которую могла бы испытать Электра, у Софокла ей недоступна.

В-четвертых, одержавший победу Орест у Софокла нисколько не сомневается, как и сам автор, в справедливости совершенной мести, в то время как у Эсхила матереубийство становится новым звеном в цепи преступлений-отмщений, опутавших дом Атридов.

Уход Ореста в дом вместе с обреченным на смерть Эгисфом носит совершенно прозаический характер, лишний раз подчеркивая, что не Орест, а страдающая и ликующая Электра, от пролога и до финала почти непрерывно находящаяся на глазах у зрителей, является у Софокла главным героем.

* * *

Итак, остается повторить еще раз, что Электра не повинна, даже невольно, в инцестуозном сожительстве, супружестве или деторождении (в отличие, кстати, от матери того же Эгисфа Пелопии).

Да и вообще — за одно лишь убийство отца отмстила Электра? Не примешалась ли к ее мотивам изрядная толика эгоизма? — Ей, несомненно, было на что обижаться, за что ненавидеть Эгисфа и Клитеместру; это, кажется, хорошо заметили позднейшие интерпретаторы.

И еще: что сразу же бросается в глаза при чтении «Электры» — а именно «Электры» Еврипида, — это сентенции, причем вложенные в уста Клитеместре: *«Обычно, что дочери привязаны к отцу, а сыновья к носившей их нежнее»*²¹.

Эти ее слова впоследствии буквально повторит психоанализ — собственно, в них изложена суть позднейшего учения о «комплексах» — *Эдипа и Электры*.

ПатогRAFия

Софокла:

почему?

ЭДИП?

ПатогRAFия, или, точнее, *патобиография*, представляет собой научно-литературный метод, позволяющий выявить, какими болезнями страдал тот или иной выдающийся человек; это жизнеописание выдающихся людей с точки зрения психопатологии и медицинской психологии. Была введена П. Мебиусом (1853—1907) и подхвачена З. Фрейдом.

Сегодня трудно судить, насколько можно говорить о Софокле с точки зрения его патогRAFии; абсолютно очевид-

но лишь то, что любые суждения будут искаженными: истинные констатации невозможны.

Рассмотрим поэтому, — и притом без каких-либо комментариев, античное жизнеописание Софокла.

1. Софокл был родом из Афин, сын Софилла, не плотника и не медника, как говорит Аристоксен, и не ножовщика по роду занятий, как говорит Истр; но случилось отцу приобретать рабов-медников или плотников. Трудно поверить, чтобы родившийся от такого отца Софокл удостоился должности стратега, наряду с Периклом и Фукидидом, первыми гражданами государства. Да и комики его не пощадили, они и самого Перикла покусывали. Не вызывает сомнения сообщение Истра, будто Софокл — уроженец Флиунта, а не Афин. Во всяком случае, даже если он и происходил из Флиунта, то ни у кого, кроме Истра, нельзя найти подтверждения этого. Итак, Софокл родился в Афинах, в доме Колона, славный и жизнью своей, и поэзией, получил прекрасное воспитание, рос в достатке, отличился и в управлении государством, и в посольствах.

2. Говорят, что он родился в семьдесят первую Олимпиаду, на втором ее году, при афинском архонте Филиппе. Он был на семь лет моложе Эсхила и на двадцать четыре года старше Еврипида.

3. В детстве он усердно занимался и в палестре, и мусическими искусствами, и, как говорит Истр, был увенчан и в том, и в другом. Музыке учился у Лампра и после морского сраже-

ния при Саламине, когда афиняне праздновали победу, Софокл, нагой, умащенный маслами, с лирой в руках, возглавлял хор, исполнявший эпиникий.

4. Трагедии он учился у Эсхила. Многие Софокл ввел в состязания впервые: он первым прекратил участие в постановке поэта в качестве актера и сделал это из-за слабости собственного голоса (раньше он выступал и как актер), число хоровгов изменил: вместо двенадцати их стало пятнадцать; Софокл ввел также и третьего актера.

5. Говорят, что, взяв кифару, он пел под нее однажды в «Фамире» и поэтому в Расписной Стое изображен с кифарой.

6. Сатир же рассказывает, что он придумал посох с изогнутым верхом; и Истр говорит, что он изобрел белые ботинки, которые надевают актеры и хоровгы; Софокл писал драмы согласно их природе; он руководил фиасом из посвященных людей.

7. Одним словом, столь велика была прелесть его нрава, что все и всюду его любили.

8. Он одержал двадцать побед и, как говорит Каристий, часто занимал второе место, третье же — никогда.

9. В возрасте шестидесяти пяти лет афиняне выбрали его стратегом за семь лет до Пелопоннесской войны, в походе против анеев.

10. Настолько он был предан Афинам, что, хотя многие цари за ним посылали, он не захотел покинуть родину.

11. Софокл имел жреческий сан в культе Галона (этот герой был воспитан Хироном вместе с Асклепием), о чем свидетельствует изображение, которое соорудил после смерти Софокла его сын Иофонт.

12. Никто другой, кроме Софокла, не был таким любимцем богов, — как говорит Иероним, рассказывая о золотом венке. Золотой венок был похищен из Акрополя, и вот Геракл явился Софоклу во сне и велел искать венок в незаселенном доме по правую руку от входа, — там, дескать, он спрятан. Софокл указал народу на этот дом и получил в награду один талант; об этом было объявлено всем. Получив талант, Софокл воздвиг памятник Гераклу-Возвестителю.

13. Многие рассказывают о той тяжбе, которая возникла у Софокла с его сыном Иофонтом. От Никостраты у Софокла был сын Иофонт, от сикионянки Феориды — Аристон, и его сына, тоже Софокла по имени, дед очень любил. Однажды... вывел в драме Иофонта, завидующего отцу и перед фратрией предъявившего ему обвинение в том, что от старости он лишился разума; но члены фратрии осудили Иофонта. По этому поводу Сатир рассказывает, будто Софокл заявил: «Если я Софокл, то не безумен; если же безумен, то я не Софокл», и, сказав так, прочитал вслух «Эдипа».

14. Истр и Неанф рассказывают, что скончался он следующим образом: актер Каллипид шел из Опунта во время праздников Кувшинов после сбора винограда и послал гроздь винограда Софоклу. Софокл же, взяв в рот незрелую ягоду, задохнулся и скончался, будучи уже глубоким стариком. А Сатир рассказывает, что во время чтения вслух «Антигоны»

Софокл наткнулся в конце на длинную фразу, не отмеченную посередине знаком для остановки, перенапряг голос и вместе с голосом испустил дух. Другие же передают, что после исполнения драмы, провозглашенный победителем, он скончался от радости.

15. Среди отчих могил вдоль Декелейской дороги он был положен в могилу на расстоянии одиннадцати стадиев от городской стены; одни говорят, что в память о нем поставили Сирену, другие, что Обольстительницу, сделанную из меди. Когда спартанцы укрепляли это место в войне против афинян, Дионис, представ во сне перед Лисандром, приказал предать тело этого мужа земле; когда же Лисандр пренебрег повелением, Дионис предстал перед ним во второй раз, приказывая то же самое; тогда Лисандр, выпытав у перебежчиков, кто был умерший, и поняв, что это — Софокл, послал глашатая с приказом похоронить его.

16. Лобон, говорят, начертал на его могиле следующее:

В этой могиле, в священной обители прячу останки
Трагика, взявшего верх в славном искусстве своем.

17. Истр сообщает, что афиняне приняли решение вследствие доблести Софокла ежегодно совершать в его честь жертвоприношения.

18. Как говорит Аристофан, Софоклу принадлежит сто тридцать драм, из них семнадцать поддельных.

19. Он соревновался и с Эсхилом, и с Еврипидом, и Хэрилом, и Аристием, и со многими другими и с сыном Иофонтом.

20. Все вещи Софокл называл по-гомеровски. Ведь он пересказывает мифы по следам Поэта, во многих из своих драм перелагает «Одиссею» и объясняет имена в соответствии с Гомером — в том числе имя Одиссея:

Впрямь Одиссей я, соименный гневу:
Немало злых я в жизни прогневил.

Он изображает и расцвечивает нравы, искусно пользуется замыслами, воспроизводя гомеровскую прелесть. Вследствие чего и сказал какой-то иониец, что один Софокл оказался учеником Гомера. Ведь не только он, но и многие другие подражали кому-нибудь из предшественников или современников, однако один Софокл сумел собрать мед с каждого цветка; за это его и называли «Пчелой». Он собирал все вместе: надлежащее время, сладость речи, силу, яркость.

21. Он умел соразмерить благоприятный момент и события так, что маленьким полустихием или даже одним словом создавал характер действующего лица. Ведь изобразить характер или страсть — это высшее в поэтическом искусстве.

22. Аристофан говорит, что Софокл наполнил медом соты, в другом же месте, что уста у Софокла смазаны медом.

23. Аристоксен сообщает, что первым из афинских поэтов Софокл воспользовался для своих песен фригийским ладом и примешал его к дифирамбическому складу²².

Таково жизнеописание Софокла, составленное в первом веке и обросшее — уже в античности — новыми подробностями, подчас анекдотическими.

* * *

В биографии Софокла нет, при самом пристальном рассмотрении, ничего, что привлекало бы внимание с позиций психопатологии. Следует, однако, оговориться, что психоанализ, поднаторевший в искусстве патографии, в случае отсутствия прямых свидетельств — как, впрочем, и при их наличии, — устремляется к творчеству, анализируя его, выявляя незаметные неискнутому взгляду конструкты, якобы удостоверяющие некие психогенетические особенности автора.

Однако здесь бы подобное исследование также потерпело бы фиаско.

Эдип — рядовой, и довольно древний, сюжет, традиционный персонаж, и даже его инцестно-матримониально-репродуктивная коннотация, как указывалось выше, была привнесена отнюдь не Софоклом, а его предшественником, Эсхилом.

Таким образом, нам не удастся обнаружить ничего, что натолкнуло бы нас на ответ, почему Софокл избрал именно такую тему для развертывания своего *трагического анализа*, ведь гипотетически проблема узнавания могла быть выстроена им (а может быть, так оно и бы-

ло — ведь большинство произведений утеряны) на каком-либо другом мифологическом сюжете — Телегона, Персея, того же Эгисфа и пр., и пр.

Единственное, в чем видится — в плане психологической характеристики — отличие Софокла, это в тяге к выписыванию *нормативных образов*²³, что, впрочем, вполне укладывается в стилистику его жизни; он, как известно, был почитаем как *heros dexion* — «муж правый».

Дважды поведал ты нам об Эдипе; о гневе Электры;
Как пир Атрея навек прочь Гелиоса прогнал;
Много еще о тяжелых страданиях царей рассказавших
Книг написал ты, Софокл. Вакха достойны они.
Драмы твои доказали, что фиаса ты предводитель,
Будто из уст твоих речь льется героев самих.²⁴

Тогда же

инцеста

драматургия

другие

Не считая драм Эсхила и Еврипида, трагедии на тему судьбы царя Эдипа создали более десятка афинских трагиков, но от этих произведений до наших дней ничего не сохранилось.

В Древнем Риме к образу Эдипа обращались Юлий Цезарь (его трагедия не сохранилась) и Сенека Младший — единственный, кроме Софокла, автор, чья трагедия об Эдипе дошла до нас.

При более внимательном взгляде на аттическую трагедию (и тем более на античную мифологию — ведь в соответствующем разделе мы коснулись «мифоло-

гии инцеста», которая касается только Лабдакидов и Пелопидов, и то не полностью, а лишь в той мере, в какой — через греческую трагедию — она была затем осмыслена психоанализом) — можно увидеть целый ее пласт, так или иначе касающийся проблемы кровосмешения; массу инцестуозных сюжетов, пронизывающих каждый из циклов.

Это — *драматургия инцеста*²⁵.

* * *

Итак, инцестуозные — или же близкие к ним матримонially-близкородственные — мотивы и, особенно, различного рода прологи и эпилоги к инцестным отношениям мы встречаем у всех трагиков.

Так, у Эсхила, кроме упоминавшейся уже фиванской тетралогии «Эдиподия» («Лаий», «Эдип», «Семеро против Фив», «Сфинкс»), это — с некоторой натяжкой — тетралогия о Данаидах («Просительницы», «Египтяне», «Данаиды», «Амимона»)²⁶.

К теме Данаид обращался и Софокл — в трагедии «Инах»; содержание ее составляло начало истории Ио, прародителя сыновей Египта и дочерей Даная.

Если Эсхилом драматургия инцеста начинается, то заканчивается она, по преимуществу, Софоклом — хотя Еврипид иногда еще пишет о ее персонажах в духе предшественников.

С середины V в. до н. э. мифология все больше превращается в поле необязательных для глубокой веры преданий, сюжетных схем, повседневных деталей. Они все еще окружают человека, но уже лишены для него той глубокой осмысленности, какую сохраняли еще для Эсхила и Софокла.

С Еврипида же начинается процесс секуляризации мифа, который становится набором ситуаций и персонажей, живущих в мире случайностей.

Однако в «Финикиянках», — поставленных вместе с трагедиями «Эномай»²⁷ и «Хрисипп»²⁸ («Электру» и «Ореста» мы вновь-таки оставляем в стороне), мы находим целые сцены с участием Эдипа, а также Иокасты, причем в уста последней вложено повествование о судьбе рода.

Иокаста

О Гелиос, среди небесных звезд
Просекший путь для кобылиц летучих
И золотом горящей колесницы!
Печальные, недобрые лучи
Агенориду Кадму посылал ты
В тот день, когда на эту землю он
Вступил, берега покинув Финикии...
Киприды дочь, Гармонию, взял
Здесь в жены он, и сына Полидора
Он с ней родил. Был внуком их Лабдак

И правнуком покойный муж мой Лаий,
Мне ж был отцом могучий Менекей,
И мать одна носила нас с Креонтом.
Иокастою отец меня нарек
И Лабдакиду в жены отдал Ла[и]ю...
Сначала был бесплоден наш союз,—
Но вот молить о сыне Аполлона
В дельфийский храм отправился мой муж,—
И так вещал оракул: «Царь фиванский,
Наперекор богам, ты не желай
Жене детей,— родивши с нею сына,
Убийцу, Лаий, родишь ты своего —
И весь за ним твой царский род погибнет».
Увы! Зажжен вином, в веселый час
Забылся муж...
Родился сын. И вот, богам послушный,
Стопы ему пронзив железом острым,
Раба его велит снести отец
На дальние утесы Киферона,
В те Герою почтенные луга...
Табунщики там отыскиали сына,
И, во дворец Полибов отнесен,
Царицею был принят мой ребенок...
Она, к груди ребенка приложив,
Державного супруга убедила,
Что этот мной рожденный в муках сын
Произошел на свет от их союза.
Но годы шли. Уж золотой пушок

Вдоль щек пошел Эдиповых, и мужем
Он сделался. Тут, догадался ль сам
Иль от людей проведал, что приемыш,
Но только вдруг он в Дельфы заспешил:
Пусть бог отца и мать ему откроет...
В те злые дни и мой покойный Ла[и]й
К оракулу поехал: захотелось
Царю узнать от Феба, жив ли сын,
Им брошенный. Отец и сын столкнулись
В Фокиде, на распутии, — и сыну
Надменный так возница закричал:
«Посторонись, прохожий! Дай дорогу —
Царю проехать негде». Но Эдип
По-прежнему шел гордо и ни слова
Не отвечал вознице... Тот коней
Не стал удерживать. И кровью обливает
Идущему ступни железный шаг.
О... повторять ли мне, что было дальше?..
Припоминать, как сын убил отца,
Как, завладев запряжкой, Полибу
Ее отвез, кормильцу своему?..
Настали следом тяжкие невзгоды:
Бог весть отколь на Фивы налетев,
Коварная душила граждан дева...
Вдовою я была, и брат Креонт
В награду ложе царское назначил
Отгадчику мудреных девьих слов...
Их отгадать... увы, пришлось Эдипу...

И вот, прияв фиванский трон и власть,
На матери женился сын несчастный;
Не зная сам, с незнающей делил
Он ложе брачное. Да, от Эдипа
Двух сыновей имею — Этеокла
И Полиника славного, и двух
Я дочерей с ним прижила — меньшую
Исменою нарек ее отец,
А старшую зову я Антигоной.
Когда в жене своей Эдип узнал
Родную мать, он, ужасом сознания
И муками истерзанный, казнил
Свои глаза, и золотые пряжки
Вмиг кровью глаз потухших облились...
А сыновья, едва их подбородки
Пух юности заносчивой покрыл,
Отца в затвор отправили, — забвеньем
Они беду надеялись покрыть...
Он жив еще и здесь.

Самого же Эдипа Еврипид наделяет следующими словами:

Э д и п

О тяжкий рок, рождением несчастным
Отметил ты Эдипа! Аполлон,
Когда еще я не глядел на солнце,

Отцу убийцу в сыне возвестил.
Едва на свет явился я, как Лайй,
Родной отец, велел меня убить,
Врага себе провидя в бессловесном...
И те уста, которые искали
Грудь матери, он отдает зверям...
Меня спасли... О, лучше б гору эту
Тогда жерло подземное пожрало!
Я стал отцеубийцею, я мать
Детей своих праматерию сделал,
Чтоб сыновей иль братьев, наградив
Проклятием, полученным от Лая,
Навек услать в бездонный адский мрак.
Я не безумец... Этот взор померкший
И сыновья убитые мои —
Да разве ж мог устроить это смертный?
Подумаешь о будущем... Слепца
Кто ж поведет?.. Иль мертвая воскреснет
И посох бедному изгнаннику подаст?
Иль сыновья цветущие?.. О, дети!

Мотивы инцеста Еврипид выводит на сцене в несохранившейся трагедии «Эол», содержание которой известно по рассказу Сострата. Царь Эол имел семерых сыновей и пятерых дочерей, один из которых — Макарей — был влюблен в свою сестру Канаку и находился в кровосмесительной связи с ней. Когда об этом прослы-

шал отец, он повелел отдать их ребенка на съедение волкам и принудил к самоубийству Канаку; Макарей также покончил с собой.

Якобы когда во время представления прозвучал стих «Ничто приятное нас не позорит и не пятнает», в театре поднялся ропот, так как зрители негодовали на эту фривольную и возмутительную выходку; успокоить их удалось лишь Антисфену, который переделал стих таким образом: «Позорное останется позорным, приятно оно нам иль неприятно».

До нас дошел также «Эдип» Сенеки Младшего, — однако сценическое изображение этого старого образа преследует совсем иные цели, нежели раньше; по-видимому, сказалось влияние так называемого «нового декламационного стиля».

Трагедия, избранная областью поэтической деятельности Сенеки, изображает сильные аффекты, пафос мук и смерти. Подобно большинству своих современников, Сенека любит яркие краски, и ему лучше всего удаются именно картины пороков, страстей, патологических состояний.

Пьесы Сенеки (известны девять его трагедий) — единственные полностью сохранившиеся памятники римской трагедии, да и вообще всей античной после Еврипида.

Особенности, отличающие их от аттических трагедий V в. до н. э., не должны рассматриваться как нововведения, принадлежащие исключительно Сенеке или его времени; в них отложилась вся позднейшая история трагедии в греческой и римской литературе. Уже послееврипидовская трагедия IV в. до н. э. получила уклон в сторону патетики и риторики (и стала иногда составлять не для сцены, а преимущественно или даже только для чтения; с I в. до н. э. этот вид трагедии проникает в Рим).

«Эдип» — драма для чтения.

Трагедии Сенеки написаны в декламационном стиле, и момент патетической декламации преобладает в них как над драматическим действием, так и над разработкой характеров.

Внешние формы старой греческой трагедии остались неизменными — монологи и диалоги в обычных для трагедии стиховых формах чередуются с лирическими партиями хора, в диалоге одновременно участвует не более трех действующих лиц, партии хора делят трагедию — по установившемуся в эллинистическое время обычаю — на пять актов. Остались и старые мифологические сюжеты, разрабатывавшиеся классиками греческой трагедии, — Сенека вновь составляет, в числе прочих, «Эдипа».

Монотонность героев Сенеки дополняется — или же компенсируется — их рассудочной сознательностью.

Они не столько переживают, сколько рассказывают о переживаниях, соотносят и классифицируют их.

При всей своей отвлеченности, этот декламационный *самоанализ* явился достижением позднеантичной литературы. При [одно]линейности драматического действия и однотонности статических характеров трагедия фиксируется на отдельных патетических сценах. В каждой пьесе легко обнаружить несколько сцен высокого пафоса; прочее служит лишь для связи, для сохранения традиционной формы трагедии. В этих связующих частях автор нередко допускает несогласованность действия.

С точки зрения композиции трагедия Сенеки обнаруживает тенденцию к распаду. В большинстве случаев действие сводится к основным моментам, к отдельным ситуациям. Число сцен значительно меньше, чем в аттической трагедии, меньше здесь и действующих лиц.

В центральных партиях большое место занимают патетические монологи (или длинные речи) и описания «ужасов».

Магический обряд, вызывание мертвых, описания преисподней, бури, убийства — ни одна трагедия не обходится без какого-либо из этих элементов, предназначенных потрясти привычного ко всевозможным «ужасам» римского читателя времен Империи.

Х о р

Ты погибло, славное Кадма племя,
С царством всем; твои опустели села,
Злополучный город, родные Фивы.
Смерть теперь, о Вакх, похищает воина.
Кто дерзал с тобой доходить до Инда,
И в полях зари, в колыбели мира
Водружал святыи твои знамена.
Видел он счастливых арабов в рощах
Киннамона; видел коварных парфов,
В ложном бегстве мечущих злые стрелы.
Он вступал на Красного моря берег,
Где восходит, первым лучом сияя,
Феб и жгучим пламенем опаляет

Индусов черных.

Мы, потомки непобедимых, гибнем,
Под ударом валимся злого Рока;
Вновь и вновь справляем триумфы Смерти;
Длинный ряд стремится к теням загробным,
И отряд печальный, шаги замедлив,
Не находит больше холмов могильных,
И семи ворот не довольно толпам.
Груда тел растет, и друг друга давят
Гробы гробами.

Прежде всех болезней на овец напала:
Плохо щиплет сочные травы агнец.
Поднял руку жрец, поразить готовясь
Шею жертвы раной глубокой: слабый

Бык, блеснув золочеными рогами,
Пал мгновенно наземь, зияет в шее
Рассеченной рана большая; крови
Не видать на остром железе. Черный
Гной противный льется один из раны.
Звонконогий конь на ходу слабеет
И, ногой передней споткнувшись, наземь
Всадника валит.

На лугах валяется скот забытый,
Бык хиреет в стаде осиротелом,
В уменьшенном стаде пастух слабеет,
Умирая сам среди телят зачахших.
Не бояться хищных волков олени,
Замолкает гневного льва рыканье,
Прежней нет свирепости у медведей,
У змеи пещерной не стало яда,
Ссохлось жало, жалобно умирает.
Леса, потерявши кудрявый убор,
Не бросают на горы прохладную тень,
Не зелены нивы от тучной земли,
Не гнется полная Вакхом лоза
Под гнетом ветвей.

Все в мире почуяло нашу беду,
Разбивши Эреба глухого затвор,
Несется толпа преисподних сестер
Со светочем адским. Смешал Флегетон
С волнами Сидонскими Стикса волну.
Высоко летая, жадную пасть

Оскалила Смерть, все крылья развив.
И бодрый, и свежий под бременем лет,
Старик-перевозчик с широкой ладьей
Едва успевает усталой рукой
Налегать на весло. И ему не в мочь
Везти все новые толпы теней.
Но мало того. Идет молва,
Что пес порвал железную цепь
И бродит в наших местах. Земля
Ревет и стонет. По рощам ночным
Блуждают громадные призраки. Лес
Кадмейский, свой снег отряхая, дрожал
И дважды Диркею мutilа кровь.

В молчанье ночном
Уж были не раз Амфионовы псы.
О новый, ужасный смерти вид,
Ужасней чем смерть! По членам больным
Разливается слабость, краснеет лицо.
По коже всей легкие пятна пестрят,
Покрывается потом вся голова,
И жаркий огонь пожирает ее;
Сжигает он тела всю крепость в конце,
Надувает ланиты от крови; зрачки
Неподвижно стоят, и проклятый огонь
Снедает все члены; в ушах звенит;
Из ноздрей струится черная кровь,
Разорвавшая жилы. Повсюду внутри
Клокотанье слышно. Несчастный бежит

И сжимает холодные камни в руках.
А кто без призора, чей дом опустел,
Устремляется к свежим ключам: от воды
Разгорается жажда сильней и сильней.
Валяются люди, припав к алтарям,
И молят о смерти: лишь это одно
Оставили боги. Ко храмам спешат
Уже без надежды на милость небес,
Но чтоб смертью насытить ярость богов.

«Эдип», который только в заключительных сценах давал материал для патетики в характерном для автора стиле, снабжен даже двумя магическими сценами и детальными описаниями чумы. Характерно, что в эти описания часто вводится фон мрачной природы.

Однако сцены «ужасов» уже выходят за пределы описаний и рассказов вестника; убийства и самоубийства выносятся на сцену: Иокаста кончает свою жизнь в присутствии уже слепого Эдипа.

Вестник

Когда узнал свор тонне судеб
И страшное свое происхождение,
Эдип направил быстрые шаги
В свой ненавистный дом, подобно льву
Пустынь Ливийских, что грозит челом
И гривой золотою потрясает.

Лицо черно от ярости, глаза
Остановились, ропот и стеланье
Из груди вырываются, холодный
Струится пот. Со дна его души
Клокочет горе вспененным потоком.
Жестокий к самому себе, готовит
Не знаю что, ужасное, как вся
Его судьба. «Что медлю с наказаньем? —
Взывает он. — Пусть кто-нибудь разит
Злодея грудь огнем, железом, камнем!
Какая птица хищная иль тигр
Мои изложет внутренности. Ты,
Гора грехов, проклятый Киферон,
Твоих зверей и разъяренных псов
Из леса вышли на меня! Зови
Агаву самое! Страшна ли смерть?
Она невинных от судьбы спасает».
Сказавши так, хватает рукоять
И извлекает меч. «Как! Неужель
За злодеянья страшные твои
Заплатишь ты короткой карой? Разом
Искупишь все? Умрешь за смерть отца.
А матери где удовлетворенье,
Тобой рожденным детям и отчизне,
Разрушенной злодействами твоими?
Всего не возместишь простою смертью:
Свои законы вечные Природа
В Эдипе опрокинула одним,

Так пусть же восстановится она
Моими истязаньями. Я буду
То снова жить, то снова умирать,
Всегда рождаться вновь для новых казней.
Своим умом воспользуйся, несчастный:
Что сразу невозможно, то дается
Страданьем долгим. Медленную смерть
Я изберу. Блуждать ты долго будешь,
Не погребен, но из среды живущих
Изъят навек. Умрешь не чрез убийство.
Ты медлишь, о душа? Внезапный дождь
Тягчит лицо и щеки моют слезы.
Довольно ль плакать? Легкую ли влагу
Точить глазам моим? Нет, пусть они,
Исторгнуты из впадин, потекут
Во след слезам! Пусть тотчас же глаза
Исторгнутся! Ну, прочь, развратные!»
Сказал и свирепеет. Пышет жаром
Лицо грозящее; глаза едва
Еще удерживаются в орбитах.
Свирепо, яростно его лицо.
Он застонал и кинулся руками
К своим глазам. Они ему навстречу
Как будто сами выпрыгнуть желают,
И вырвав с корнем из орбит глаза,
Он яростно царапает ногтями
Во впадинах пустых, окровавленных, —
Вместилищах погасшего луча.

Ярится он вотще и свыше меры:
Так он боится света! Подымает
Свою главу, орбитами пустыми
Небесные равнины обозрев,
Вкушает ночь. Свисающие с глаз
Кровавые он клочья обрывает
И — победитель — вопиет к богам:
«О пощадите родину мою!
Я поступил по правде и понес
Заслуженную кару. Эта ночь
Достойна брака с матерью моей».
Ужасный дождь струится по лицу,
И кровь точат разорванные жилы.

Х о р

Мы все под Судьбой, уступайте Судьбе.
Не можем тревожным борением мы
Ничего изменить на станке роковом.
Что, смертные, терпим, что делаем мы,
Приходит к нам свыше. Лахеса блюдет
Решенья недвижимые прялки своей,
И их никакая не сдвинет рука.
Все шествует определенным путем,
И первый наш день предрешает конец.
И даже сам бог не изменит того,
Что стремится, подвластно сплетенью причин.
О нет, не изменит смертных мольба
Порядка вещей. А многим вредит

И страх перед Судьбой: убегая Судьбы,
Мы часто ее ускоряем удар.
Но скрипнули двери; без проводника
Свершает свой путь и близится к нам
Света лишенный.

Э д и п

Прекрасно, совершилось: заплатил
Я долг отцу. Как радостен мне сумрак!
Кто из богов окутал черной тучей
Мою главу, простив мои грехи?
Я убежал от дня, моих злодейств
Сообщника. Теперь, отцеубийца,
Твои невинны руки. Вот каким
Отныне быть Эдипу подобает.

Х о р

Но вот несется быстрыми стопами
Безумная Иокаста. Таковой
Неистойвой и ярою была
Агава — мать Кадмейская, — когда
Срывала с сына голову. И хочет
Заговорить с несчастным, и боится.
Но горю уступает стыд. Она
Уста раскрыла.

И о к а с т а

Как тебя назвать?

Сынок? Ты сомневаешься? О, да,
Ты — сын мне! Разве сыном быть позор?
Ответь же мне! Куда ты отвращаешь
Глаза пустые?

Э д и п

Кто мешает мне
Вкушать мой мрак? То голос материнский!
Пропал мой труд. Нам больше вместе быть
Нечестие. Пусть встанут между нами
Громадные моря, чужие земли!
Должны мы жить под разными звездами
Под разным солнцем.

И о к а с т а

Здесь виной Судьба:
Никто не отвечает за Судьбу.

Э д и п

О мать, молчи и пощади мой слух!
Остатком изувеченного тела
Тебя я заклинаю и залогом
Любви преступной нашей, всем святым
И нечестивым всем, что нас связует.

И о к а с т а

Душа, зачем коснеешь? Почему,
Сообщница злодейств, от наказания

Ты убегаешь? Все права Природы
Поруганы, развратница, тобой.
Умри и испусти твой грешный дух.
Нет, никогда! Хотя б отец богов
Меня сразил сверкающим Перуном,
Я равным наказаньем не воздам
За грех ужасный матери преступной.
Угодна смерть, и надо отыскать
Дорогу к смерти. Ну же, одолжи
Мне руку, сын: коль ты отцеубийца,
Свое закончи дело. Извлеки
Тот меч, которым мой супруг убит.
Что, именем неправильным его
Я назвала? Он — свекор мне. Не знаю,
Вонзить ли в грудь оружие иль в горло?
Не можешь выбрать рану! Эту, эту
Утробу порazi, в которой ты
И сына возростила, и супруга.

Х о р

Кончается, рука прижата к ране,
И хлещет кровь, выталкивая меч.

Э д и п

Пророчеств бог и истины блюститель,
Тебя зову. Отца лишь одного
Судил мне Рок. Отцеубийцей дважды

Явился я, и мать мою убил:
От моего греха она погибла.
О, лживый Феб, я превзошел мой Рок.
Иди вперед дрожащими стопами,
В слепой ночи разыскивая путь
Неверною рукой, скользя над бездной.
Иди, беги скорей... остановись!
Не наступи на мать! А вы, мои
Сограждане полуживые, чья
Чуть дышит грудь, истощена болезнью,
Воспряньте отягченной головой:
Я ухожу в изгнанье; без меня,
Как прежде, просветлеют небеса,
И те, чей дух готов покинуть грудь,
Вдохнут, как прежде, воздух животворный.
Идите, помощь окажите тем,
Кто безнадежен. Я умчу с собой
Все беды смертоносные. Судьба
Жестокая, ужасный Страх, Болезни,
Зараза, черная Чума и Горе,
Со мной, со мной идите! Любо мне
Поводырей таких иметь в пути.

Это — уже не драматургия инцеста, но лишь потакание вкусам зрителей, жаждущих зрелищ (*circenses*).

Примечания

¹ В этой главе использованы материалы из книги: Тронский И.М. История античной литературы. 4-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1983. — 464 с.

² *Дифирамб* (греч. διθύραμβος) — древнегреческая хоровая песнь, связанная с культом Диониса (название произошло от призыва «Thriambe Dithyrambe», т. е. «торжествующий — Θρίαμβος — Вакх»).

³ Загадка Сфинкс звучала так: *«Может ступать по земле четырьмя ли, двумя ли ногами, может тремя; и никто из созданий живых не меняет облик сильней, будь то твари земные, морские иль птицы. Ног чем больше он в ход запускает, на них опираясь, скорость тем меньше его, что приводит в движение члены»*.

Эдип дал следующий ответ: *«Слушай, хочешь иль нет, грознокрылая Муза умерших, голоса нашего звук; есть на загадку ответ. Ты человека задумала, он по земле так ступает. Вот он явился на свет — нужно четыре ноги. Старцу без посоха — третьей ноги — обойтись невозможно: старости тяжкой ярмо голову клонит ему»*.

⁴ Позднеантичное стихотворное предисловие к «Царю Эдипу» (пер. В.Н. Чемберджи), ошибочно приписываемое Аристофану Византийскому.

⁵ Еще в V в. до н. э. акрагантский правитель Ферон без каких-либо оговорок возводил свою родословную к Полинику.

⁶ Цит. по: Эсхил. Трагедии: Пер. с гр. Вяч. Иванова/Подг. изд. Н.И. Балашова, Дим. Вяч. Иванова, М.Л. Гаспарова и др.; Отв. ред. Н.И. Балашов. — М.: Наука, 1989. — С. 74—75.

Ата — [греческая] богиня, олицетворение мгновенного безумия, затуманивающего рассудок и приносящего человеку не-

счастье; это также и само несчастье, вызванное помутнением рассудка.

⁷ Исход узнавания разлученных детей и родителей не всегда трагичен — это касается, например, истории Креусы и ее сына Иона, Эгея и его сына Тесея, Приама и его сына Париса-Александра, Тиро и ее детей-близнецов Пелия и Нелия, и др.

⁸ «Палатинская антология» — вариант составленной около 900 г. (Константин Кефала) антологии, расширенный многочисленными дополнениями.

⁹ Напомню, что якобы Лайй похитил и обесчестил (иногда говорят — соблазнил) сына Пелопа Хрисиппа, отчего тот покончил с собой.

¹⁰ Цит. по: Софокл. Драмы: Пер. с гр. Ф.Ф. Зелинского/Подг. изд. М.Л. Гаспарова, В.Н. Ярхо; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. — М.: Наука, 1990. — С. 8—10.

¹¹ Там же. — С. 14—17.

¹² Название «Царь Эдип» было дано трагедии, по-видимому, в более позднее время, чтобы отличить ее от другого софоклового «Эдипа», действие которого происходит в Колоне. Первоначально трагедия называлась скорее всего просто «Эдип», как одноименные произведения Эсхила и Еврипида и других.

¹³ О времени постановки «Царя Эдипа» точных сведений нет. Существует, однако, предположение, что описание моровой язвы в начале трагедии навеяно страшной эпидемией, которая имела место в Афинах в первые годы Пелопоннесской войны: в изображении катастрофы, постигшей Эдипа, усматривают намек на произошедшее в эти же годы падение Перикла. Если это верно, трагедию можно датировать примерно 429—425 гг.

¹⁴ Следует отметить, что окружение «Эдипа» Софокла — т. е. что следовало перед или же за ним — неизвестно. В связи с этим принято говорить об отнесении трагедий к тому или иному «мифологическому циклу»: так, к фиванскому циклу восходят «Царь Эдип»,

«Эдип в Колоне», «Антигона», — разумеется, вне хронологии их написания.

¹⁵ Когда-то в трагедии действовал один только хор; актера ввел, как указывалось выше, Феспид, второго — Эсхил. В своем дальнейшем развитии аттическая трагедия уже не выходила за рамки трех актеров, так что форма, приданная ей Софоклом, явилась в этом отношении окончательной.

¹⁶ Этот вопрос, на первый взгляд, несравненно более сложен, нежели с Эдипом; однако выясняется, что мотивы здесь довольно прозрачны.

¹⁷ Если смотреть более широко, то легко отыскать этнокультурные аналоги, предшественников и даже прототипов(!) образа Эдипа.

¹⁸ Гомер. Илиада: Пер. с греч. Н.И. Гнедича/Подг. изд. А.И. Зайцева; Отв. ред. Я.М. Боровский. — Л.: Наука. Ленингр. отд., 1990. — С. 120.

¹⁹ Речь идет о мифологическом сюжете принесения Агамемноном Ифигении в жертву в качестве искупления за убитую Агамемноном священную лань Артемиды.

²⁰ Традиции известны дочь Эгисфа и Клитеместры Эригона и сын Алет.

²¹ Цит. по: Еврипид. Трагедии: Пер. с греч. И. Анненского / Подг. изд. М.Л. Гаспарова, В.Н. Ярхо; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. — М.: Ладомир; Наука, 1999. — Т. 2. — С. 54.

²² Это жизнеописание Софокла принадлежит к популярному во II—I вв. до н. э. жанру биографий великих поэтов прошлого, восходящему к историку литературы Сатиру (II в. до н. э.), который принадлежал к школе перипатетиков. См.: Софокл. Драммы. — С. 237—238.

²³ Поэт сам считал свои образы в известном смысле «нормативными», идеальными. По свидетельству Аристотеля («Поэти-

ка»), Софокл говорил, что он создает людей такими, «какими они должны быть».

²⁴ Эпиграмма Статилия Флакка из «Палатинской антологии».

²⁵ Инцестные отношения, причем самые серьезные, в парах «сын—мать», попали и в комедию; так, Аристофан в пьесе «Осы» упоминает некоего Кардопиона, который состоял в кровосмесительной связи со своей матерью. Комедия «Женщины в народном собрании» содержит сцену, где упоминается Эдип: «Бессмыслица! Тебе же не ровесник он./Ну как с такою старой ночевать юнцу?/Ты в матери годишься, не в любовницы./Ведь если будете закону следовать,/Эдипами всю землю переполните».

²⁶ Поскольку, как указывалось выше, Электра — наряду с Орестом, Антигоной, Федрой, Клитемestрой и прочими — получила инцестуозное клеймо лишь в рамках [позднейшего] психоанализа, «Орестея» («Агамемнон», «Хоэфоры», «Эвмениды», «Протей») Эсхила не может быть отнесена к драматургии инцеста.

²⁷ Эномаю, отцу Гипподамии, была предсказана смерть от руки будущего зятя. Так и случилось, когда один из претендентов на руку Гипподамии, а именно Пелоп, победил его обманным путем, подкупив возницу Эномая Миртила. Проклятие Миртила стало родовой стигмой Пелопидов.

²⁸ Очевидно, Еврипид придерживался широко распространенного мнения, что Лайй был первым, кто «ввел» в Греции любовь к юношам. Не исключено, что у Еврипида Лайй сопротивлялся своей страсти, особенно если принять во внимание убежденность древних греков в том, что любовь — род недуга; она расстраивает безмятежность духа, а потому с ней следует бороться оружием разума.

**11. Происхождение и контексты
психоанализа**

**12. Психоанализ и аналитическая драма:
отношения наследования**

**13. Патография Фрейда:
почему «Царь Эдип» Софокла?**

**14. Откровение и покаяние психоанализа:
«Эдипов комплекс» и «комплекс кастрации»**

**15. «Комплекс Электры». Юнг.
Аналитическая апология инцеста**

16. Тогда же, другие: полифония инцестов

Психоанализ

Признает

инцеста

трагедию

Происхождение и контексты психоанализа

История психотерапии — эволюция психического лечения — знает массу неактивных, не-биологических его методов, весьма далеких от заслуживших дурную славу лоботомий, электрических и коразоловых шоков, инсулиновых и атропиновых ком; методов, удерживающихся между Сциллой психирургии и Харибдой психофармакологии. Одним из таких методов — лишь одним из многих — является психоанализ.

Взглянем коротко на периодизацию истории психотерапии как отдельной науки-дисциплины (периодизацию «дис-

циплинарной истории» психотерапии), — в ней отчетливо видна психоаналитическая линия.

Первый период — *протодисциплинарный* (вторая половина XVIII — первая половина XIX века): появляются первые протодисциплинарные формы психотерапии (магнетизация, в том числе групповая, механо[психо]терапия первой половины XIX века и пр.).

Второй период — *методистского пуризма* (вторая половина XIX века): возникают, а точнее, оформляются, различные методы психотерапии (гипнотизация, **катартически-психоаналитический метод Брейера и Фрейда** и др.).

Третий период — *институционализации практик* (первая треть XX века): происходит развитие различных практик психотерапии (**психоанализ**, гипносуггестия, рациональная психотерапия и пр.) и их институционализация.

Четвертый период — *доктринальный* (вторая треть XX века): формируются идеологически нагруженные, конфронтирующие психотерапевтические доктрины: физиологически ориентированной психотерапии-гипнологии и **психоанализа**.

Пятый период — *диссолютивный* (последняя треть XX века): он связан с появлением и/или интенсивным развитием ряда методов психотерапии «new wave» (эриксоновский гипноз и нейролингвистическое программиро-

вание, гештальт-терапия и **трансактный анализ**, **психодинамическая психотерапия** и **групповой анализ**, когнитивно-поведенческие методы и экзистенциальная психотерапия) и одновременно тенденций к интегративной, а также эклектической психотерапии.¹

Шестой период — *аутодисциплинарно-идентификационный* (с начала XXI века): на фоне развития существующих методов впервые возникают тенденции к формированию интрадисциплинарной модели психотерапии и производным неоклассическим методам (симультанно-мнестическая психотерапия, или психометодология).

Эти периоды разграничены условными — но вполне заметными — историческими вехами.

Так, первый и второй периоды становления психотерапии разграничены, во-первых, процессом трансформации магнетизма в гипнотизацию: метод лечения прикосновением магнитами заменяется магнетическими пассажами, а затем — приемом фасцинации — пристальным смотрением на блестящий предмет с последующим засыпанием.

Психотерапия из увлечения превращается в занятие.

Второй и третий периоды разделены оформлением различных методов психотерапии (в первую очередь психоанализа) как самостоятельных — уже собственно психотерапевтических — практик.

Психотерапия из занятия превращается в деятельность.

Демаркация же между третьим и четвертым периодами дисциплинарной истории психотерапии определена появле-

нием конфронтаций, напряженности и формированием идеологической нагруженности основных психотерапевтических систем, в первую очередь психологически ориентированного психоанализа и физиологически ориентированной гипнологии; третья крупная система — поведенческая терапия — находится как бы в стороне, не вступая в конфронтацию, так как не достигает уровня мировоззренческой (в рамках медицины, естественно) системы.²

Психотерапия становится из деятельности профессией.

Четвертый и пятый периоды истории психотерапии разграничены широким распространением частных методик психотерапии, а порой даже всего лишь психотехник, подаваемых как новые методы, появление которых якобы связано со взрывным развитием междисциплинарных областей знания и отдельных наук о мозге и психике, а также появлением кибернетических систем. В силу относительности различий между этими техниками и методиками они постоянно сливаются, из них образуются различные комбинации и смешанные варианты; большинство их ориентированы психоаналитически.

Психотерапия из профессии превращается в специальность.

Пятый и шестой периоды истории психотерапии различаются появлением первых аутодисциплинарно-идентификационных тенденций в психотерапии, свидетельствующих о понимании психотерапии как самостоятельной дисциплины, со своей генеалогией, понятийно-терминологическим аппаратом, клиникой и собственным массивным терапевтическим арсеналом.

Психотерапия превращается из специальности в дисциплину.

Заметно, сколь большую роль в становлении и современном состоянии психотерапии играет психоанализ.

Постараемся ответить на два важных для нас вопроса:

— *какова история психоанализа, в его социокультурно-медицинском окружении — в силу каких обстоятельств он развился?*

— *каково в целом содержание классического психоанализа З. Фрейда (точнее, каким видится оно сегодня)?*

Итак, мы рассмотрим происхождение и контексты психоанализа, — психоанализа классического, насколько возможна сегодня подобная сепарация, — из недр которого и явился пресловутый «комплекс Эдипа».

* * *

Во второй половине XIX — начале XX веков под психотерапией понимается совокупность различных, известных на тот момент методов — гипнотизма, практиковавшегося вначале Брэдом, а затем Шарко (разумеется, как между ними, так и после стоит целый ряд менее значительных фигур), «чистого внушения» Бернгейма, катартически-аналитического метода Брейера и Фрейда, рассудочной терапии Дюбуа, рассудочно-эмоциональной терапии Дежерина и Гоклера и некоторых других.

Вторая половина XIX века — время «чистых» методов; более того, эти методы в известной мере противостояли друг другу: они и предлагались-то как замена.

Ярким тому свидетельством служит нелюбезная критика, которая высказывалась каждой из сторон в адрес иных методов.

«Мы решительно оставляем в стороне изучение “психоанализа”, — говорят Дежерин и Гоклер³. — Если метод Брейера и Фрейда может представлять некоторый интерес с психологической точки зрения, то в своих терапевтических применениях он, кажется нам, представляет неоспоримые опасности». Так же неприемлем и гипнотизм, где врач, «практикуя гипнотизм, развивает психологический автоматизм, уменьшает значение и интенсивность умственного контроля и в очень широкой степени является ответственным за способность к самовнушению, которую приобретает его пациент... Не приобрела ли под влиянием повторных гетеро внушений его психическая механика привычку допускать без контроля понятия, которые стремилась вводить чужая воля».

В свою очередь Фрейд с сарказмом говорит о рациональной психотерапии, что «Дюбуа лечит неврозы этическим ободрением в мягкой форме».

Для психотерапии этого периода характерен ряд тенденций, которые важны для понимания особенностей становления психоанализа.

Основные тенденции периода «методистского пуризма» таковы:

— сохранение, но и определенный регресс идей и методов госпитальной психотерапии, приближающейся как

по условиям отправления, так и содержательно к психиатрической практике (тогда как прочие виды «психического лечения» все-таки шли от амбулаторного, частного приема);

— гипнотизм Брэда, продолжателем которого выступил Шарко (Сальпетриерская школа), но в понимании гипноза как патологического сна, приобретает все более клиническое наполнение и постепенно сливается с естественнонаучным, в том числе медико-физиологическим изучением гипноза («золотой век гипноза»);

— сепарация «чистой суггестии» в школе Ипполита Бернгейма: «гипноз — не что иное, как внушение»;

— стремительное развитие противопоставленной гипносуггестии психоаналитической терапии З. Фрейда и размежевание ее с гипнокатартическим методом Брейера;

— текстуальное оформление рациональной психотерапии Дюбуа и ее постепенная экспансия;

— появление своеобразной «психо[нейро]физиотерапии», исподволь выросшей из увлеченности лечением электрическим током при так называемой «нервности».

Известно, что З. Фрейд предложил психоанализ как альтернативу методу гипносуггестии; также следует помнить, что оба метода сходились на клиническом «материале» — конверсионных симптомах истерии.

За сведениями же об истории возникновения и развития психоанализа обратимся к самому Зигмунду Фрейду, к его «Очерку истории психоанализа»⁴.

В качестве своего прямого предшественника Фрейд называет венского врача Иосифа Брейера.

«Я должен... указать на значение “катартического метода” Брейера, как на предварительную ступень психоанализа, а началом самого психоанализа считать тот момент, когда я, отбросив гипнотическую технику, ввел свободные ассоциации».

До того как прибегнуть к гипнотическим внушениям, З. Фрейд безуспешно пытался — для лечения тех же контингентов больных — применять электротерапию.

«Достаточной заменой потерянной электротерапии казалось тогда лечение внушением в глубоком гипнозе, с которым я познакомился благодаря производившим большое впечатление демонстрациям Льебо и Бернгейма. Но исследование психики находящегося в гипнотическом сне пациента, с которым я познакомился благодаря Брейеру, должно было несравненно больше привлекать своим автоматическим действием и одновременным удовлетворением любознательности, чем однообразный и исключаящий всякое исследование запрет посредством внушения».

Важнейшим открытием этого периода развития психоанализа З. Фрейд считает понятие регрессии, определение которого он дал позднее.

Следующий шаг клинико-теоретического становления психоанализа — введение З. Фрейдом понятия «отражения» (названного позднее «вытеснением»).

Соответствующие представления З. Фрейда — а они касались трактовки патогенетических механизмов истерии, — послужили поводом для первых разногласий между ним и Брейером.

«Он [Брейер], — говорит З. Фрейд, — предпочитал еще, так сказать, физиологическую теорию, хотел объяснить душевное раздвоение истерических больных разобщением между различными душевными состояниями (или, как мы тогда говорили, состояниями сознания). И создал таким образом теорию “гипноидных состояний”, после которых остаются как бы неассимилированные чуждые тела и функционируют в бодрствующем сознании. Я объяснял все менее научно, предполагая всюду тенденции и наклонности, аналогичные явлениям обыденной жизни, видя в самом психическом раздвоении результат процесса отталкивания, который я тогда называл “отражением”, позже — “вытеснением”».

Перенос (Übertragung) — еще один важный концепт психоаналитического метода, которому отводится исключительно важная роль в доказательстве сексуальной этиологии неврозов.

«Факт грубо сексуально-окрашенного, нежного или враждебного переноса, возникающего при всяком лечении невроза, хотя и нежелательного и не вызываемого ни одной из сторон, казался мне всегда неопровержимым доказательством происхождения творческих сил невроза из области сексуальной жизни».

Гипотеза сексуальной этиологии неврозов, выросшая затем в концепцию пансексуализма, по словам З. Фрейда, была подсказана ему Брейером, Шарко и венским профессором Хробаком.

Так, Брейер указал на «тайны алькова», явившиеся причиной невротических расстройств у больной, которую он пользовал.

Далее, З. Фрейд стал невольным свидетелем живой беседы Шарко с его коллегой Бруарделем, в которой Шарко высказал аналогичное мнение.

Наконец, о том же в приватной беседе убедительно рассказал Хробак при совместном осмотре пациентки-девственницы, невзирая на 18-летнее замужество.

Иные концепты, присоединившиеся к катартическому методу по мере превращения его в психоанализ — учения о вытеснении и сопротивлении, представления о детской сексуальности и использование толкования сновидений для познания бессознательного.

Как признавал сам З. Фрейд, его представления о сопротивлении — которые он долгое время считал совершенно оригинальными, — совпадают, как подсказал ему О. Ранк, с мыслями Артура Шопенгауэра, высказанными в знаменитой работе «Мир как воля и представление».

История же «настоящего психоанализа», по словам З. Фрейда, начинается с «технического нововведения» — отказа от гипноза; «если без помощи гипноза приступить к анализу невротика», то «чувствуется сопротивление, которое противодействует аналитической работе, и под предлогом пробела в воспоминаниях он старается сделать ее невозможной».

И далее: «Теоретическая оценка того обстоятельства, что это сопротивление совпадает с амнезией, ведет далее неизбежно к психоаналитическому пониманию бессознательной душевной деятельности, которое все же заметно отличается от философских умозрений. Можно поэтому сказать, что психоаналитическая теория является попыткой объяснить два наблюдения, которые поразительным образом повторяются всякий раз когда мы хотим открыть в истории жизни невротика причины симптомов его страдания: факты “переноса” и “сопротивления”. Всякое исследование, которое признает оба эти факта как исходное положение работы, может называться психоанализом...».

Согласно З. Фрейду, его теория детской сексуальности возникла во многом случайно: она явилась следствием систематического нисхождения процедуры анализа к ранним годам жизни ребенка в целях поиска доказательств сексуально-травматической гипотезы происхождения истерии. Этот поиск привел к осознанию того факта, что якобы имевшие место в детстве сексуальные травмы — как причины невротических симптомов — не более чем фантазии, назначение которых — маскировать «аутоэротические проявления первых детских лет».

Толкование сновидений, подобно большинству наблюдений З. Фрейда, было «открыто» и применено в повседневной психоаналитической работе, и лишь затем он познакомился с сочинениями К.А. Шернера, где разрабатывалась та же проблема. В полном объеме «средства выражения сновидений» З. Фрейд, по его словам, смог оценить позже под влиянием работ В. Штекеля, одного из соратников и учеников Фрейда. Еще позже была уловлена связь между психоаналитическим толкованием сновидений и древнегреческой онейрокритикой. Наконец, объяснение феномена видоизменения сновидений под влиянием своеобразной «цензуры» З. Фрейд обнаружил в сочинении «Фантазии одного реалиста» И. Поппера.

Нет сомнений, что, несмотря на очевидные истоки и явные заимствования, психоанализ в тот период обнаруживал все черты «чистого метода»; по крайней мере,

сам Фрейд прилагал для этого максимум усилий: все концепты основывались на «вновь открытых» в процессе процедуры анализа феноменах, были исключены гипнотизация, суггестивные элементы, а рационализации подверглись исключительно жесткой критике.

Тем не менее психоанализ Фрейда говорит об усвоении пациентом психоаналитического знания (обучение и опыт) и пользовании им — «как собственным умственным достоянием». Из психоанализа все же нельзя абсолютно удалить элементы информирующих рационализаций, скрыть логику самого анализа, не выстраивать стройной цепи доказательств. Совсем немного погодя все чаще возникают очаги «гипноанализа».

* * *

Для психотерапии первой трети XX века характерен многообразный и разноплановый процесс возникновения, совершенствования и видоизменения различных организационных форм преимущественно клинического (а также педолого-дефектологического и пр.) внедрения и функционирования.

Практики институционализируются; большинство из них занимают свое место в клиниках, а также обретают свои кафедры, журналы, общества и иные организационные формы.

Наиболее важной и иллюстративной является институционализация психоанализа, так как, во-первых, иные практики не знали подобного рода трудностей: гипноз и внушение легко — им это было не впервой — объединились в гипносуггестию, не имевшую, по крайней мере с наступлением XX века, никаких проблем с внедрением в лечебный процесс; рациональная психотерапия, точнее, ее институционализация, также не вызывала возражений, так как вполне укладывалась в контекст психоической клиники, приближаясь как к традиционной для психиатрии моральной дидактике, так и к тривиальному здравому смыслу, и, кроме того, была известна со времен Цельса и Сорана Эфесского как «сократовский диалог». Поведенческая терапия еще только зрела, несколько колеблясь в идентификации своих истоков: механо[психо]терапия, физиологический эксперимент, «психофизиотерапия» конца XIX века, а может быть, и что-либо еще, что сейчас уже незаметно.

Психоанализ, на самом деле, выстроил свою институционализацию полностью сам — от организации аналитических обществ (ферейнов) и сети частных кабинетов до институтов и проникновения в систему преподавания.

Тактико-стратегическая тщательность этой институционализации привела к тому, что психоанализ так и остался отдельным, неинтегрированным построением в психотерапии, самостоятельной парадигмой и по сей день

не интегрирован в системные — официально-медицинские практики, а все то, к чему он прикасался, тоже превращалось в психоанализ: психоаналитические сексология, психиатрия, психотерапия и прочие являются все тем же психоанализом.

Весной 1908 г. в Зальцбурге состоялся первый психоаналитический конгресс. Известный психиатр Эуген Блейлер и Фрейд основали первый психоаналитический журнал — «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen», — который начал выходить в 1909 г. под редакцией Юнга.

Психоанализ обретает первые условия для институционализации в Цюрихе. «Нигде в другом месте, — говорит З. Фрейд в «Очерке истории психоанализа», — не нашел я такой тесной группы сторонников, нигде не могла быть предоставлена официальная клиника к услугам психоаналитического исследования и нигде не приходилось встретить клинического преподавателя, который включил бы психоанализ в курс психиатрии».

Одновременно с чертами институционализации психоанализ начинает постепенно терять свою методическую чистоту; показателен в этом отношении пример, когда для целей обучения психоанализу — а именно для быстроты и, главным образом, наглядности — демонстрировался (хотя и с психоаналитическим истолкованием) — ассоциативный эксперимент психологической лаборатории В. Вундта.

Психоанализ, а точнее результаты его применения, — уже при лечении *Dementia praecox*, или шизофрении, — занимают солидное («такое же, — говорит Фрейд, — как и клинико-систематические») место в известной монографии Блейлера (1911).

Появление концепта *комплексов*, введенного в психоанализ Юнгом, представляется весьма важным — в личное, по сути дела, персонально-индивидуалистское учение Фрейда вносится некое базовое понятие, предложенное не им самим, а кем-то другим; тем не менее, ставшее впоследствии одним из наиболее известных (прежде всего это конечно же «комплекс Эдипа»), оно является надежнейшим маркером психоанализа вообще. Психоанализ — пусть его отдельные, пока еще частные концепты — начинает не просто применяться, как это было в клинике Блейлера, но и теоретически развиваться вне понятийного поля его создателя.

«...Дополнение швейцарской школы, которое, может быть, нужно поставить целиком в счет Юнгу, я не могу так высоко оценить, как это делают люди, стоящие далеко в стороне от дела, — говорит, впрочем, З. Фрейд в “Очерке истории психоанализа”. — Я подразумеваю учение о комплексах, которое выросло из книги “*Diagnostische Associationsstudien*” (1906—1910). Из него не вышло психологической теории, оно не может быть непосредственно вплетено в общую

связь психоаналитических учений. Но зато слово “комплекс” как удобный, часто незаменимый, термин для описательной формулировки психологических фактов приобрело право гражданства в психоанализе. Ни один из других, созданных потребностями психоанализа терминов и обозначений не приобрел такой широкой популярности и не был так часто неправильно применяем во вред образованию точных понятий».

Дальнейшие шаги институционализации психоанализа связаны с постепенным — пусть частичным — проникновением его в традиционные формы уже не только [частной] практической, но и официально-медицинской и научно-педагогической деятельности, а также формы обмена опытом, включая публикации (особенно в [собственных] периодических изданиях), с одновременным расширением его географии.

Напротив, широкое распространение влияния психоанализа на различные сферы — Фрейд говорит уже о «врачебном психоанализе» и иных областях его применения («анализ... открыл непредполагавшиеся отношения между психиатрией и различными другими науками, содержанием которых выступает душевная деятельность») — является свидетельством незавершенной институционализации.

С целью усиления и упрочения институционализации Фрейд решает перенести психоаналитическое движение

в Цюрих, — «где академический преподаватель дал психоанализу доступ в свой институт»; нельзя недооценить и второй шаг, на первый взгляд парадоксальный — Фрейд хочет разделить себя и психоанализ (а также заставить забыть о городе-родине рождения психоанализа в силу, в частности, нападок известного венского психоневролога П. Жане).

Эти намерения — передать психоанализ в иные руки, тем самым сделав его в какой-то мере объективнее — З. Фрейд реализует на Втором психоаналитическом конгрессе в Нюрнберге в марте 1910 г.

Это событие Фрейд ограничивает двумя условиями — избранием председателем авторитетного ученого, в качестве которого выступил Юнг (как выяснилось после, это было серьезным просчетом), и созданием легитимной инстанции, в качестве которой была выбрана форма «официального общества» (функции: размежевание с неспециалистами, обучение, совершенствование, контроль за деятельностью, а также обмен мнениями).

Целью организованного Интернационального психоаналитического общества явилось: «Разработка и поощрение основанной Фрейдом психоаналитической науки, как чистой психологии, так и в приложении к медицине и к гуманитарным наукам; взаимная поддержка членов во всех стремлениях к приобретению и

распространению психоаналитических знаний». Был основан журнал «Zentralblatt für Psychoanalyse» (при участии А. Адлера и Штекеля, но затем — самого Э. Фрейда).

Третий — Веймарский — конгресс под председательством Юнга (сентябрь 1911 г.) был последней точкой, экстремумом единого — пусть с известной долей условности — классического психоанализа.

Далее — начиная с четвертого конгресса (Мюнхен, сентябрь 1913 г.) — психоанализ разбивается на ряд пока еще не вполне оформившихся образований, ставших впоследствии течениями (Адлер и Юнг), хотя эти тенденции были намечены много ранее, что наглядно отражает динамика публикаций посвященных ему периодических изданий («Schriften zur angewandten Seelenkunde», «Imago», «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen» — «Jahrbuch der Psychoanalyse», «Zentralblatt für Psychoanalyse», «Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse», «Journal of abnormal psychology», «The Psychoanalytic Review» и др.).

«Психоанализ поставил своей ближайшей задачей объяснение неврозов и взял за исходные пункты оба факта — сопротивления и переноса и, принимая во

внимание третий факт амнезии, дал им объяснение в теориях о вытеснении, сексуальных двигательных силах невроза и о бессознательном. Он никогда не предъявлял претензий на то, чтоб вообще дать исчерпывающую теорию душевной жизни человека, но требовал только, чтобы применяли его сообщения для дополнения и коррекции нашего знания, приобретенного любым иным путем».

Это — прорисованная самим Фрейдом история психоанализа как техники и, отчасти, клиничко-психологической теории в контексте его институционализации, самых детальных ее шагов. Психоанализ пока все еще психотерапия, без культурно-детерминированной теории личности, без метапсихологии и прочего; вскоре психоанализ приобретет свою объемную метапсихологическую часть и черты социально-философской доктрины.

Обозначение первой трети XX века как институционального отнюдь не означает, что иные тенденции — в том числе интеграции и разобщения или, напротив, пуристские, доктринальные или эклектические — не имели места.

В качестве примера пуристских тенденций можно привести тот же психоанализ, столь ревностно оберегаемый З. Фрейдом.

Образчиком же интегративно-диссолютивных тенденций служит методика гипноанализа, получившая весьма широкое распространение.

* * *

Следующий период дисциплинарного оформления психотерапии, рамки которого ограничены средней третью XX века, следует обозначить как «доктринальный», ибо именно в этот период происходит формирование идеологически нагруженных конфронтирующих психотерапевтических доктрин.

Демаркация между третьим и четвертым периодами дисциплинарной истории психотерапии определена теми явлениями конфронтации, напряженности и идеологической нагруженности, которые стали — конечно, не вдруг — свойственны отношениям между основными, уже вполне прорисованными психотерапевтическими доктринами, прежде всего психологически ориентированным психоанализом и физиологически ориентированной гипнологией. Третья крупная группа методов, ставшая на сегодня парадигмой — поведенческая терапия, — лежит как бы в стороне, не вступая в конфронтацию, так как не достигает уровня мировоззренческой (в рамках медицины, естественно) системы.

Данный период может также быть назван «психотерапия ex cathedra», так как впервые в мире психотерапия начинает преподаваться как предмет медицинского образования (последипломного) и несколько позже — в качестве самостоятельной врачебной специальности.

Акцент на этих обстоятельствах, и прежде всего факте начала преподавания психотерапии как предмета, сделан в связи с тем, что преподавание — жестко институционализированный, ассоциированный с официальными структурами и, в конечном счете, более качественный способ передачи знаний, умений и навыков, нежели внутриконфессиональные семинары, показательные демонстрации, курация психотерапевта-стажера опытным специалистом, владеющим искомым методом («анализ будущего [психо]аналитика») и прочее.

Причем названные элементы входят, пусть в несколько редуцированном виде, в программу преподавания и обучения.

Кроме того, преподавание — и особенно в системе медицинского образования, — как правило, охватывает все методы, не отдавая преимущества какому-либо из них.

Следует учитывать и тот факт, что преподавание, в силу сращения с официальными (государственными) структурами, обязательно насыщено конъюнктурно-идеологическими элементами, — и это особенно заметно в сфере «наук о душе».

Таким образом, характерные особенности «доктринального» периода дисциплинарной истории психотерапии таковы:

— формирование идеологически нагруженных конфронтирующих психотерапевтических доктрин: психоанализа и физиологической гипнологии;

- начало систематического преподавания психотерапии, что связано с формированием первой кафедры психотерапии⁵, и выдвижение ее в ряд медицинских специальностей;
- бурное развитие поведенческой психотерапии в разных направлениях.

Итак, формируются две основные психотерапевтические доктрины, противостояние которых порой приобретало комические формы: это физиологически ориентированная психотерапия-гипнология (материалистическая павловская) и психоаналитически инспирированная «психодинамическая» психотерапия (идеалистическая фрейдистская).

Содержание ожесточенных дискуссий недавнего прошлого, равно как и их социально-политический и мировоззренческо-идеологический контекст, настолько хорошо известны, что останавливаться на них, думается, излишне.

Эта растянувшаяся на десятилетия кризисная в целом ситуация имела одно весьма важное для дисциплинарного становления психотерапии следствие, последствия которого изжить будет более чем сложно.

Речь идет о формировании, сопровождавшемся тщательным размежеванием мельчайших оттенков, принципиально различных дискурсивных стилей, тезаурусов как в плоскости физиологической и клинической теории, так и в области повседневно-

ной практики и даже объективной феноменологии; эта концептуально-терминологическая импрегнация отчетливо видна даже при решении лингвистических проблем перевода специальной литературы (не говоря уже об избирательности последнего).

В силу этого даже идентичные, по сути, понятия приобретали настолько разные стилистически-смысловые аранжировки, что и по сей день не могут быть признаны синонимами, и при описании в лучшем случае перечисляются, а чаще приводятся по несколько раз под разными эпонимами, и даже в рамках различных психотерапевтических парадигм.

Данное положение внесло свою лепту, а может быть, в чем-то и обусловило ту ситуацию, которая позволяет охарактеризовать следующий период дисциплинарной истории психотерапии как «диссолютивный».

* * *

Последняя треть XX века характеризуется тенденциями, которые не могут быть определены иначе, как «диссолютивные»; вторая отличительная черта — большинство методов и методик так называемой психотерапии «новой волны» инспирировано психоанализом.

Общие тенденции рассматриваемого периода таковы: — появляется множество психотехник, методик и методов психотерапии, обозначенных собирательным названием: психотерапия «new wave» («новой волны») ⁶;

— психотерапия обретает невиданное доселе количество организационных форм, в частности, за счет смешения с медико-психологической практикой и психологическим консультированием;

— наряду с этим в психотерапии появляются интегративные тенденции, хотя под «интеграцией» зачастую понимают всего лишь ассимиляцию, заимствование или даже компиляцию;

— с наименьшей интенсивностью интегративные идеи периодически перемежаются идеями эклектической психотерапии.

Большинство проблем, однако, носят лексико-терминологический характер, связаны с контекстом (понятийным полем) рассмотрения вопросов, дискурсивными коннотациями и иными подобными моментами.

В области же самих методов психотерапии происходят следующие процессы:

— модификация техники гипнотизации и формирование психотехник, направленных почти исключительно на эксплуатацию иных трансовых состояний (эриксоновский гипноз и нейролингвистическое программирование);

— дальнейшее развитие психоаналитических техник и тенденции к инспирации ими иных форм и методов психотерапии (психоаналитически ориентированная психотерапия, транзактный анализ, групповой анализ и др.);

— тенденции к превалированию групповых форм психотерапии, в частности, гештальт-терапии, реставрированной психодрамы и пр.;

— модернизация и атрибутивная интеллектуализация ряда классических поведенческих методик (когнитивно-бихевиоральная терапия);

— появление своеобразной идиосинкразии к директивности и формирование тенденций к недирективно-гуманистической аранжировке психотерапии.

В силу того, что большинство методов и методик психотерапии «диссолютивного» — совсем недавнего, соприкасающегося с настоящим — периода новейшей истории психотерапии, равно как и связанные с ними процессы и явления, имеют весьма отдаленное отношение к нашей теме, опустим их. То же касается и аутодисциплинарно-идентификационного периода в психотерапии — психоанализу и его комплексам нет больше места.

«Эдипов комплекс» и прочие шествуют в *splendid isolation* психоаналитического дискурса, выходя постепенно в более широкое культурно-художественное пространство.

* * *

Рассмотрим контексты психоанализа — *медицинский, психологический, социокультурный* и пр., — насколько возможно рассматривать их по-отдельности.

Начнем с общей характеристики его содержания, — в первую очередь, того содержания, которое было дано ему Фрейдом, и лишь затем, отчасти — позднейших привнесений.

Основоположниками психоанализа традиционно считаются — вопреки мнению самого Фрейда — также К. Г. Юнг, создатель *аналитической психологии*, и А. Адлер, основатель *индивидуальной психологии*.

Психоанализ позднейший, послефрейдовский (называемый также «неопсихоанализом») слишком огромен, чтобы его можно было описать здесь.

В силу же постепенной утраты изоляционистско-пуристских черт и резкого — среднего — возрастания интенсивности тенденций к формированию и применению синтетических форм, психоаналитические приемы и даже психотехники — вследствие их безусловной диагностической ценности и методической привлекательности — все чаще стали интегрироваться в разнообразные психотерапевтические и психокоррекционные системы.

Этот процесс, сопряженный с отделением психотехнических приемов и упразднением метапсихологических, персонологических воззрений психоанализа, на настоящий момент представляется необратимым.

Наиболее известными в рамках психоаналитически ориентированной психотерапии являются⁷:

- волевая терапия О. Ранка;
- активная аналитическая терапия В. Штекеля;
- интерперсональная психотерапия Г. Салливана;
- интенсивная психотерапия Ф. Фромм-Райхманн;
- характерологический анализ К. Хорни;
- гуманистический психоанализ Э. Фромма;
- Эго-анализ, концепция объектных отношений М. Кляйн;
- Чикагская школа психоанализа Ф. Александра и

Т. Френча;

- секторная терапия Ф. Дойча;
- объективная психотерапия по В. Карпману;
- краткосрочная психотерапия П. Сифнеоса, Д. Малана и А. Беллака;
- психобиологическая терапия А. Майера;
- биодинамическая концепция Дж. Массермана;
- адаптационная психодинамика С. Радо;
- Эго-психологическая теория психоаналитической психотерапии М. Гилла, Л. Стоуна, Е. Бибринга;
- гипноанализ Л. Вольберга;
- характерологический анализ В. Райха и др.

Этот перечень, разумеется, далеко не полон, однако он вполне может дать представление о масштабах психоаналитического движения.

В рамках классического психоанализа были разработаны теории *общего психического развития*, включающая понятия «психического аппарата» и «стадий развития детской сексуальности», *психологического происхождения невротизма и психоаналитической терапии*; таким образом, психоанализ является целостной и законченной системой.

Теория *общего психического развития* объединяет метапсихологию, которая основана на понятии о *психическом аппарате* (структурная и топографическая модели личности), два варианта процесса мышления и представления о *психической энергии*. В основу теории об-

щего психического развития легла также концепция о *стадиях развития детской сексуальности*. На ее базе Фрейд описал генетические типы характера, представления о *регрессе* к «точкам фиксации», которыми являются стадии развития сексуальности, и учение о *сублимации*.

Теория происхождения неврозов включает представление о психологическом конфликте; по словам Фрейда, это — «переживание, возникающее в результате столкновения по крайней мере двух несовместимых тенденций, которые действуют одновременно как мотивы, определяющие чувства и поведение». Классифицируя неврозы, Фрейд выделял *психоневрозы*, *актуальные неврозы* и *неврозы характера*.

Основой психоаналитического процесса — наряду с анализом реакций сопротивления и переноса — является техника *свободного ассоциирования*; важнейшей процедурой служит *интерпретация* (ее классический пример — толкование сновидений).

Что касается *феноменологии* психоанализа, то большинство саногенных, инструментальных, защитных, диагностических, ориентационных и прочих интрапсихических или трансперсональных явлений носит характер понятий или чаще концепт-феноменов. Последние — весьма, кстати, многочисленные — получили исключительно подробную — по большей части дискуссионную — проработку, изменив, порой до неузнаваемости, свое пер-

воначальное значение. Наряду с понятиями и концептами со времен Юнга в психоанализ вводятся быстро вошедшие в научно-практический оборот и социокультурное пространство представления о «комплексах».

Важнейшим понятием психоанализа является сопротивление, которое означает противодействие в ходе анализа превращению бессознательных процессов в сознательные. В состоянии сопротивления пациент отклоняет интерпретации психоаналитика. Термин «сопротивление» относится ко всем силам внутри пациента, которые находятся в оппозиции к процедурам и процессам психоаналитической работы. Сопротивление является повторением тех защитных операций, которые пациент использовал в своей прошлой жизни. Все варианты психических явлений могут быть использованы для целей сопротивления, но, вне зависимости от того, что служит его источником, сопротивление действует через «Я» пациента. Хотя некоторые аспекты сопротивления могут быть осознаны, значительная их часть остается бессознательной.

Фрейд писал: «Сопротивление сопровождает лечение шаг за шагом. Каждая ассоциация, каждое действие личности при лечении включают сопротивление и представляют собой компромисс между силами, которые стремятся к выздоровлению, и силами, которые противодействуют этому».

Тесно связано с сопротивлением понятие *защиты* — «общее название для всех специальных приемов, которые Я использует в конфликтах, могущих привести к неврозу». Пред-

назначение защиты состоит в том, чтобы не допустить осознания импульсов, воспоминаний, предохранить «Я». Механизмы защиты могут побуждаться тревогой, обусловленной увеличением инстинктивного напряжения, угрозами «Сверх-Я» или реальной опасностью. Поскольку психический фактор, приводящий в действие защиту, должен воспринять угрожающее явление до того, как он становится доступным сознанию, Фрейд заменил понятие «сознание» на «Я», так как «Я» является частично бессознательным и способно к автоматическим, бессознательным реакциям на изменения внутреннего напряжения. По мнению Фрейда, неврозы как раз и обусловлены нарушениями в работе механизмов защиты.

Одним из важнейших концепт-феноменов классического психоанализа является *перенос* (трансфер), под которым понимается перенесение на психоаналитика чувств, испытываемых пациентом к другим людям (в раннем детстве), то есть проекция ранних детских отношений и желаний на другое лицо. Первоначальные источники реакций переноса — значимые люди ранних лет жизни ребенка. Обычно это родители, воспитатели, с которыми связаны любовь, комфорт и наказание, а также братья, сестры и соперники. Реакции переноса могут обуславливаться более поздними отношениями с людьми, и даже современными, но тогда анализ вскроет, что эти позднейшие источники вторичны и сами произошли от значимых лиц раннего детства.

Реакции переноса в позднейшей жизни более вероятны по отношению к людям, которые выполняют специальные функции, первоначально принадлежавшие родителям. Все чело-

веческие отношения содержат смесь реальных реакций и реакций переноса. В повседневной жизни перенос возникает самопроизвольно, в том числе в отношении больного к врачу. Явление это главным образом бессознательное. Перенос может переживаться как эмоции, побуждения, фантазии, отношения, идеи или же защита против них, которые всегда неуместны в настоящем, тогда как в прошлом были вполне адекватными реакциями.

Больной переносит на врача гамму нежных, но часто смешанных с враждебностью чувств. В зависимости от их характера (нежно-дружеские или злобно-ревнивые) перенос может быть *позитивным* или *негативным*. Появление этих тенденций не вызывается какими-либо реальными отношениями и связано с давними, сделавшимися бессознательными фантазиями-желаниями. Ту часть своей жизни, которую больной не может вспомнить, он снова переживает в своем отношении к врачу. Так, перенос на врача интенсивных нежных чувств не может быть объяснен ни поведением врача, ни сложившимися во время лечения взаимоотношениями. Перенос иногда проявляется в бурном требовании любви, иногда в более умеренных формах; вместо желания быть возлюбленной у молодой девушки может возникнуть желание стать любимой дочерью старого мужчины. У пациентов-мужчин дела обстоят несколько иначе. Та же привязанность к врачу, та же переоценка его качеств, та же ревность по отношению ко всем близким ему, но чаще, чем у женщин, наблюдается враждебный, или негативный, перенос. Враждебность, так же как и нежность, означает чувствен-

ную привязанность, подобно тому как упрямство — ту же зависимость, что и послушание, хотя и с противоположным знаком.

Фрейд использовал термин «невроз переноса», чтобы описать совокупность реакций переноса, когда анализ и психоаналитик становятся центром эмоциональной жизни пациента и невротический конфликт больного вновь оживает в психоаналитической ситуации. Такое исключительное, центральное значение перенос имеет при истерии, неврозе страха и неврозе навязчивых состояний, объединяемых поэтому под названием «невроз переноса».

Психоаналитическая техника направлена на то, чтобы обеспечить максимальное развитие невроза переноса, который может быть разрешен путем психоанализа, а врач при этом играет роль «катализатора» переноса. Перенос следует рассматривать как новый вариант старой болезни, новый невроз, заменивший первый. Здесь, однако, можно видеть возникновение и развитие этого нового невроза, хорошо разобраться в нем, так как врач находится в центре как объект. Все симптомы больного лишились своего первоначального значения и приспособились к новому смыслу, имеющему отношение к переносу. Преодоление этого нового, искусственного невроза и означает освобождение от болезни. Человек, ставший «нормальным» по отношению к врачу и избавившийся от действия вытесненных влечений, остается таким и в обычной жизни, когда врач отстраняется.

Существует много способов классификации различных клинических форм реакции переноса. В соответствии с объектом переноса и повторяемой стадией развития сексуально-

сти перенос может быть *отцовским, материнским, эдиповым, доэдиповым*. Перенос может быть *объектным* или *нарциссическим* в соответствии с тем, представляет ли пациент своего психоаналитика как внешнюю персону, от которой он зависит, которую он любит или ненавидит, или как часть самого себя. Перенос может быть *положительным* или *отрицательным* в зависимости от того, расценивает ли пациент психоаналитика как доброжелательную фигуру или недоброжелательную.

Фрейд видел в переносе существенную часть терапевтического процесса: «В конечном счете каждый конфликт должен быть переведен в сферу переноса».

Контрперенос — реакция переноса у психоаналитика по отношению к пациенту, когда психоаналитик реагирует на своего пациента так же, как на значимую личность в ранней истории своей жизни — описан Фрейдом в работе «Рекомендации врачам, практикующим психоанализ», где подчеркивается необходимость для психоаналитика «психоаналитического очищения». Для того чтобы разрешить перенос, психоаналитику необходимо соблюдать эмоциональную анонимность: «Врачу следует быть непроницаемым для своих пациентов, и, как зеркало, он не должен показывать им ничего, кроме того, что показывают ему». Однако подобная анонимность не тождественна молчанию и пассивности психоаналитика, что в отдельных ситуациях будет воспринято пациентом как отсутствие заботы и беспокойства о нем и явится препятствием на пути к терапевтическому успеху.

Юнгом, наряду с концептом *комплекса*, было введено оригинальное понятие — *архетип*, под которым он понимал психи-

ческие структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного. Архетипы, согласно Юнгу, определяют характер символики сновидений, сказок, мифов; они также могут выражать религиозные чувства и имеют значение коллективных символов.

Центральное понятие метапсихологии психоанализа — психический аппарат: «Мы предполагаем, что психическая жизнь есть функция аппарата, которому мы приписываем характеристики пространственной протяженности и составленности из нескольких частей, а именно Оно, Я и Сверх-Я», — говорит Фрейд.

Формулировки, в которых психическая деятельность помещается в ту или иную часть аппарата, называются топографическими; определения психической активности в терминах взаимодействия частей психического аппарата или изменений в его профиле называют структурными; формулировки, в которых постулируется движение энергии внутри психического аппарата, называются экономическими, они включают в себя понятия инстинкта, энергии, либидо.

В соответствии с психоаналитической теорией психическая активность бывает двух видов: *сознательная* и *бессознательная*. Первый вид активности представляет собой «непосредственно данное», которое «невозможно более полно объяснить никаким описанием». Предсознательное означает мысли,

которые являются бессознательными в определенный момент времени, однако не подавлены и поэтому способны стать сознательными. Бессознательное — это часть души, в которой психические процессы являются бессознательными по функционированию, т. е. воспоминания, фантазии, желания и т. д., существование которых можно только подразумевать или которые становятся сознательными только после преодоления сопротивления.

В 20-х гг. XX в. Фрейд переименовал бессознательное в «Оно» (Ид), сознательное — в «Я» (Эго). Бессознательное — это структура со специфическими свойствами: «Освобождение от взаимного противоречия, первичный процесс, вневременность и замещение внешней действительности психической — все это характерные черты, которые мы надеемся обнаружить у процессов, принадлежащих Системе Бессознательного».

В ходе развития «Оно» предшествует «Я», т. е. психический аппарат начинает свое существование как недифференцированное «Оно», часть которого затем развивается в структурированное «Я». «Оно» содержит в себе все, что имеется в наличии с рождения, главным образом то, что заложено в конституции, следовательно, и инстинкты, которые порождаются соматической организацией и которые находят свое первое психическое выражение здесь, в «Оно». По определению Фрейда, — «“Оно” — темная, недоступная часть нашей личности. Мы приближаемся к пониманию Ид при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих побуждений. Мы представляем себе, что у своего предела Ид

открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение. Благодаря влечениям Ид наполняется энергией, но не имеет организации...»

«Я» (Эго) — это структурное и топографическое понятие, относящееся к организованным частям психического аппарата, противопоставляемое неорганизованному «Оно». «Эго — это часть Ид, которое было видоизменено под непосредственным влиянием внешнего мира⁸... Эго репрезентирует то, что можно назвать разумом или здравым смыслом, в противоположность Ид, которое заключает в себе страсти. В своем отношении к Ид Эго подобно всаднику, который должен сдерживать превосходящую силу лошади, с той разницей, что наездник старается сделать это при помощи своей собственной силы, тогда как Эго использует для этого позаимствованные силы». Развитие «Я» подразумевает рост и приобретение функций, которые дают возможность индивиду все в большей степени подчинять себе свои импульсы, действовать независимо от родительских фигур и контролировать среду.

«Сверх-Я» — это та часть «Я», в которой развиваются самонаблюдение, самокритика и другие рефлексивные деятельности, где локализуются родительские интроекты⁹. «Сверх-Я» включает бессознательные элементы, а исходящие от него предписания и торможения берут начало в прошлом субъекта и могут находиться в конфликте с его настоящими ценностями. «Супер-Эго ребенка строится собственно не по примеру родителей, а по родительскому Супер-Эго; оно наполняется тем

же содержанием, становится носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения».

Фрейд делает вывод, что «значительные части Эго и Супер-Эго могут оставаться бессознательными, обычно являются бессознательными. Это значит, что личность ничего не знает об их содержании и ей требуется усилие, чтобы сделать их для себя сознательными».

Фрейд выделял два типа психологического функционирования.

Первичный процесс мышления является характеристикой бессознательной психической активности. Он проявляется в конденсации и смещении, т. е. образы имеют тенденцию сплавляться друг с другом и могут легко замещать или символизировать друг друга, используя свободную энергию, игнорируя категории пространства и времени, и направляются они так называемым «принципом удовольствия».

Вторичный процесс мышления подчиняется законам грамматики и формальной логики, т. е. уменьшает неудовольствие от инстинктивного напряжения посредством адаптивного поведения.

Фрейд считал первичные процессы мышления онтогенетически и филогенетически более ранними, рассматривал их как врожденно-неадаптивные, а все развитие «Я» — как вторичное, служащее для их подавления. Примером первичных процессов служит *сновидение*, вторичных — *мышление*. Другими словами, в первичном процессе мышления, например в сновидении, идеи и образы относительно взаимосвя-

меняемы, так что одна идея или образ легко символизирует другую идею или образ, тогда как во вторичном — сознательная, рациональная мысль, образ, представления и слова имеют относительно постоянную ценность и значение.

Фрейд пытался определить мышление в терминах *перемещений энергии*. В «Проекте научной психологии» он ввел понятие «катексисов», т. е. квантов энергии, вложенных в отдельные умственные образы. В результате эти представления описываются как «заряженные». Связанная энергия относительно неподвижна и характерна для структурированных частей психического аппарата, т. е. для «Я» и вторичных процессов, тогда как вложение свободной, или подвижной, энергии служит отличительным признаком неструктурированных частей психического аппарата, т. е. «Оно» и первичных процессов.

В работе «Три очерка по теории сексуальности» Фрейд дал определение понятию *либидо* как «меняющейся количественно силе, которой можно измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения». Он считал, что либидо имеет источник — тело, или «Оно», существует в различных формах, связанных со специфическими эрогенными зонами, и подразделяется на *оральное, анальное, генитальное* либидо.

В рамках классического психоанализа утверждается, что взрослое поведение можно интерпретировать как совершенствование, или эволюцию, детского поведения.

Процесс развития в целом представляет собой результат действия двух факторов: эволюции врожденных процессов и воздействия на эти процессы опыта.

Классическая психоаналитическая теория выделяет две параллельные формы развития: *развитие «Я»*, заключающееся в приобретении «Я-функций», которые увеличивают автономию, и *сексуальное развитие*, состоящее в преобразовании прегенитальных сексуальных и агрессивных побуждений во взрослую сексуальную и сублимированную деятельность.

Психоанализ постулирует ряд стадий развития детской сексуальности, через которые индивид проходит от младенчества до достижения латентного периода и которые синхронны с рядом стадий развития «Я»: оральная, анальная, фаллическая¹⁰ и эдипова стадии; три первые составляют единую доэдипову стадию.

В *оральной стадии* главным источником удовольствия является рот, и, следовательно, он служит также и центром познания; она начинается с момента рождения. По Фрейду, фиксированные на оральном уровне склонны сохранять рот в качестве главной эрогенной зоны и фиксироваться на матери (груди); для них характерны глубокие колебания настроения.

В *анальной стадии* анус и дефекация являются главными источниками чувственного наслаждения. Овладение своим телом, особенно его сфинктерами, и социализация импульсов являются главными занятиями младенца.

Когда мальчики проходят через *фаллическую стадию*, они поглощены не только своим пенисом, но также идеей потенции, половой зрелости, мужественности и силы.

Эдипова стадия развития сексуальности и Эго находится между 3 и 5 годами.

Фрейд интерпретировал определенные черты характера как производные стадий развития сексуальности и развития «Я» или как аналоги симптомов, т. е. защитные процедуры.

Он использовал две системы классификации — *генетическую* и *клиническую*.

Генетические типы характера соотносятся с той или иной стадией развития сексуальности, от которой определенные черты характера и получают свое название; это *оральный*, *анальный*, *фаллический*, *генитальный* характеры¹¹.

Клинические типы характера соотносятся с тем или иным психопатологическим состоянием, с которым они аналогичны или имеют максимальное сходство; отсюда *истерический*, *обсессивный*, *фобический*, *шизоидный*, *депрессивный*, *маниакальный* характеры.

В теорию развития сексуальности входит также описание механизмов *регрессии* и *сублимации*.

Регрессия — это защитный процесс, посредством которого субъект избегает тревоги через возвращение к более ранней стадии развития сексуальности и «Я» в целом; стадия, в которой происходит регрессия, детерминирована существованием так называемых «точек фиксации». Теория регрессии предполагает, что более ранние модели поведения

остаются в распоряжении субъекта как альтернативные способы действия. Поскольку регрессия не является эффективным защитным механизмом, она обычно сопровождается дополнительными процессами, предназначенными для предохранения «Я» от ее последствий. Фрейд писал: «Сновидения в целом представляют собой пример регрессии к наиболее ранним формам существования спящего, это возврат в детство, к тем инстинктам и тем способам их выражения, которые доступны в этот ранний период». К регрессивным формам психической жизни он относит также невротические состояния.

Сублимация — это связанный с развитием процесс, посредством которого инстинктивная энергия разряжается в неинстинктивных формах поведения. Он включает перемещение энергии с объектов биологической значимости на объекты меньшей инстинктивной важности, освобождение деятельности от влечения инстинктивного напряжения. Концепция сублимации объясняет эволюцию «высших функций» из низших. Все сублимации зависят от символизации, а все развитие «Я» зависит от сублимации.

Ограничимся этим изложением общетеоретической части психоанализа, — а именно основных понятий и концептов, теории личности и теории сексуального развития, — ознакомление с которыми необходимо для последующего рассмотрения «комплекса Эдипа», оставив в стороне как теорию происхождения неврозов, так и собственно технику психоаналитической терапии.

* * *

Нужно сказать несколько слов о философских и методологических заимствованиях психоанализа.

Как принято считать, они лежат в понятийном поле «философии волюнтаризма» — это философия Г. Т. Фехнера, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и др. Тем не менее это утверждение носит, безусловно, характер позднейшей интерпретации, — что становится абсолютно ясным при обращении к истории становления психоаналитического метода. При ближайшем рассмотрении выясняется, что психоанализ — в своей философски-методологической, метапсихологической и даже собственно технико-аналитической части — не содержит практически ни одного оригинального, не заимствованного элемента, — за исключением, если такая вольность позволительна, самой личности Фрейда.

* * *

Социокультурные коннотации психоанализа, в том числе его культурно-средовой контекст, столь велики, что говорят о формировании особого психоаналитического направления — *культурного психоанализа*, наиболее видными представителями которого называют К. Хорни, Э. Фромма, В. Райха и некоторых других.

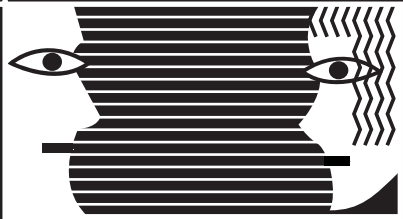
Культурный психоанализ придает, в частности, большее, нежели психоанализ классический, значение социо-

культурным факторам в развитии неврозов, учитывая влияние социетальных практик и идеологий на «выбор» и формирование невротических симптомов.

Тем не менее можно утверждать, что никто еще не превзошел Фрейда в практике (а скорее даже искусстве) эпонимии и установлении культурных аналогий, по крайней мере в психоаналитической среде: *о том, кто такой Эдип, известно каждому.*

Психоанализ и аналитическая драматическая наследования

отношения

Немало написано об истоках психоанализа — преимущественно его философских и психологических заимствованиях. Генеалогически-этимологическому анализу подвергнут практически каждый его постулат, концепт и даже психотехнический прием: бессознательное и сознание, подавление и вытеснение, сопротивление и перенос, психическая энергия и либидо, сексуальность и цензура, толкование сновидений и свободные ассоциации и многое другое. Даже сам термин «психоанализ», как считают, не принадлежит Фрейду.

Однако в истории идей вообще, как правило, нечасто сталкиваешься с новизной. Кроме того, путем ряда несложных приемов, как-то: купюр, лишений контекста и прочих, можно установить практически любые аналогии.

Поэтому правильнее, думается, рассматривать психоанализ как практику, в рамках его происхождения, в совокупности контекстов, — как это было сделано выше.

При сравнении же общего поля представлений психоанализа, его психотехнической манеры и повседневно-го воплощения улавливается его несомненная близость к аналитической драме, чтобы не сказать — содержательная, техническая и антуражная идентичность.

* * *

Итак, выше уже упоминалось о том, что психоанализ ориентирован на *катарсис*; это *катартический метод*. Уже одно это сближает психоанализ и древнегреческое драматическое искусство.

По сути, он вырос, по утверждению самого Фрейда, из психокатартического метода Брейера (J. Breuer, 1842—1925).

Брейер использовал гипноз для лечения моносимптомов истерии — расстройств движения, речи, зрения, памяти и др.

Находящемуся в состоянии гипнотического сна пациенту предлагалось вспомнить о событиях, которые предположительно вызвали тот или иной симптом. Брейер исходил из того, что аффективно окрашенные впечатления, в силу каких-то причин вытесненные из сознания, продолжают оказывать влияние на человека и могут патологически изменять его поведение.

Чтобы добиться лечебного эффекта, нужен гипнотический сон, при котором возможно освобождение от травмирующих эмоций путем катарсиса. Какие-то мысли или импульсы оказываются неприемлемыми для индивида, и их заместителями становятся симптомы истерии. Если этим мыслям или импульсам дать возможность вновь появиться в сознании, наступает облегчение и «заменявшие» их симптомы либо исчезают, либо становятся менее выраженными.

Брейер и назвал феномен избавления от симптома при воспоминаниях в состоянии гипнотического сна о психотравмирующей ситуации древнегреческим термином «катарсис».

Понятие «κάταρσις» означает «очищение» (от преступления или греха). Теория катарсиса введена Аристотелем Стагиритом в «Поэтике» (подобно большей части систематических трактатов Аристотеля дошедшей до нас в конспективной форме, не предназначенной для опубликования); толкование некоторых мест «Поэтики» затруднено, — это относится и к учению о катарсисе, «очищении»¹².

В 6-й главе «Поэтики» Аристотель дает определение трагедии и, наряду с прочими ее признаками, указывает на катарсис: «Трагедия есть воспроизведение действия серьезного и законченного, имеющего определенную величину, [воспроизведение] улаждающей речью, различными ее видами отдельно в различных частях, — воспроизведение действием, а не рассказом, производящее посредством сострадания и страха катарсис подобных аффектов».

О катарсисе в применении к воздействию музыки говорится и в трактате «Политика», но там Аристотель отсылает к «Поэтике», в которой обещает дать подробное разъяснение понятия. Однако разъяснения этого в «Поэтике», по крайней мере в сохранившейся первой книге, мы не находим.

Учение о катарсисе вызвало множество толкований, которые сводятся к двум основным планам: *нравственному и терапевтическому*.

Первое истолковывает понятие «катарсис» в нравственном смысле. Трагедия «очищает», т. е. облагораживает, чувства. Так понимали Аристотеля теоретики классицизма XVII—XVIII веков, а затем Лессинг, Гегель и др. Спор между ними шел только о том, в чем именно Арис-

тотель должен был усматривать благотворное нравственное влияние страха и сострадания, вызываемых трагедией, — в чувстве ли примирения с судьбой, в создании ли должного равновесия между эгоистическим чувством страха и альтруистическим чувством сострадания или в чем-нибудь ином.

Комментаторы исходили при этом из своих представлений об общем характере нравственного учения Аристотеля; опоры для истолкования моральной функции катарсиса в том или ином смысле текст Аристотеля не дает. В «Поэтике» неоднократно говорится об удовольствии, которое создается благодаря возбуждению чувства страха и сострадания, но нигде речь не идет об их непосредственном нравственном влиянии.

Другое толкование, намеченное еще в XVI веке и подробно развитое в 1857 г. Яковом Бернайсом, ищет происхождение учения о катарсисе в медико-терапевтической сфере, в частности в области религиозного врачевания.

На эту мысль наталкивают рассуждения самого Аристотеля — в «Политике» — о катартическом значении музыки. Он указывает на приемы, применявшиеся при лечении «энтузиастических» (кликушеских) состояний. Таких больных лечили и «очищали», исполняя перед ними «энтузиастические» мелодии, которые вызывали повышение аффекта и последующее его разрешение. «То же самое, — говорит Аристотель, — испытывают, конечно, люди жалостливые, боязливые и вообще подверженные аффектам, а также и все прочие, в той мере, в какой каждому эти аффекты свойственны». «Аффекты, сильно проявляющиеся в психике неко-

торых лиц, свойственны всем людям, и разница только в степени интенсивности». К числу этих аффектов Аристотель относит сострадание и страх. Всем поэтому доступен «своего рода катарсис и облегчение, связанное с наслаждением», и посему «катартические мелодии доставляют людям безвредную радость».

С точки зрения медико-терапевтического толкования сущность катарсиса состоит в возбуждении аффектов с целью их разрядки. Облегчение, которое зритель при этом испытывает, вызывает чувство удовольствия, и в этом специфика наслаждения, доставляемого трагедией.¹³

При всех толкованиях катарсиса несомненным остается одно: Аристотель считает действие трагедии на психику благотворным, и теория катарсиса является попыткой объяснить, в чем эта полезность состоит, равно как в чем состоит сущность удовольствия, которое зритель испытывает от пьесы, возбуждающей в нем чувство сострадания и страха.

Непосредственно на феномен катарсиса ориентирована также *психодрама*, предложенная Я.Л. Морено. Психодрама еще больше, чем психоанализ, фиксирована на достижении катартического эффекта. Однако наиболее интересным является то, что в психодраме полной мерой разворачивается натуральное драматическое действие; в нем пациент даже носит имя *протагониста*.

* * *

Вернемся теперь к упомянутым выше отличительным драматургическим особенностям и нововведениям Софокла, которые позволяют говорить о существовании отношений родства между психоанализом и аналитической драмой.

С известным огрублением сказанное о драматургической технике Софокла можно приложить к психоаналитическому методу Фрейда.

Софокл представил «трагический анализ» как особую драматургическую технику.

Также и психоаналитическая техника была относительно новой по отношению к повседневным психотерапевтическим практикам.

Ретроспективное [по]знание в драматургии Софокла помещено в центр сюжета, — по крайней мере в «Царе Эдипе».

Подобно этому, лечебный метод психоанализа состоит во все более углубляющемся в прошлое дознании; выявление-осознание же трагически-инцестной сексуальной подоплеки невроза является основным терапевтическим фактором (катарсис, или отреагирование, абреакция).

Специфическая аранжировка этого процесса познания-осознания у Софокла характерна и для психоанализа; она воплощена в его логике и феноменологии: необыкновенно ярко выражен как символизм, так и сопротивление открывающимся фактам.

Так же, как Эдип первоначально ищет причину моровой язвы, затем — убийцу прежнего царя, Лаия, а после переходит к расследованию своего происхождения, в процессе анализа возникает масса символических фигур, событий и действий, которые, на первый взгляд, не имеют между собой связи. Процесс то и дело отклоняется в сторону — аналогично тому, как это было с подозрениями Эдипа в отношении причастности к обвинениям Тиресия Креонта, который действительно мог претендовать на трон. Анализирование встречает выраженное сопротивление — такое же, как и встреченное Эдипом со стороны лиц, понимавших — в силу своего участия в минувших событиях, — к чему приведет начатое им дознание.

Итак, в процессе психоаналитической терапии пациент мучительно следует к истокам своего заболевания, и открывающиеся ему истины бывают, как правило, весьма нелицеприятны.

Третий актер Софокла, это завершающее новшество, не было оставлено без внимания Фрейдом.

Именно Фрейд вводит в перипетии душевной жизни незримо присутствующего третьего; это почти всегда — родитель, на котором сфокусированы инфантильные — инцестуозные — влечения. (По сей день нет другой такой психотерапии, где в центре терапевтической диады высились бы грандиозные фигуры прошлого.)

Предпринятое Софоклом уменьшение роли хора также имеет психоаналитические аналогии.

Фрейд практически исключает влияние окружения (коллектива, группы) — лишая его участия в судьбе индивида.

Сценические новшества — декорации, введение которых приписывается Софоклу, занимают важное место в обстановке психоаналитического приема.

Психоанализ создает обязательную атрибутику терапевтического действия — кушетка, размещение аналитика позади пациента, детально прописанная стилистика поведения и прочее.

То же касается и ряда специальных приспособлений, в частности кутурнов, — психоанализ весьма искусен в гиперболизации, а также в придании своим наблюдениям и наработкам исключительного, универсального статуса.

Именно в рамках раннего психоанализа предложены — Карлом Густавом Юнгом — своеобразные «психические кутурны» — комплексы, увеличивающие частные интрапсихические конфликты — главным образом сексуальные и среди них преимущественно инцестные — до гигантских, неадекватных размеров. Большинству из них очень быстро приписали свойства универсальности и обязательности.

Эти комплексы очень напоминают сценические образы античного театра.

Они есть как бы окончательные, единожды данные фигуры, выраженные каждая в свой цвет, со своей определенной ролью и даже речью, занимающие строго отведенные им места.

Тенденции к строжайшей драматической архитектонике, прописанные Софоклом, нашли достойного продолжателя в лице Фрейда.

Психоанализ — наиболее строгий — если не сказать «косный» — по форме (и продолжительный) вид психотерапии.

Именно в психоанализе разработана и неукоснительно поддерживалась — по крайней мере какой-то период времени — строжайшая аналитическая архитектоника, — как отдельных сеансов, так и всего аналитического процесса.

Классическая аналитическая техника предполагает ежедневные (порядка 5-ти раз в неделю) встречи с пациентом, укладывание его на кушетку, избегание всяческих советов, прописывания лекарств, воздержание от управления его жизнью, ограничение высказываний интерпретациями и инструктирование по выполнению основного правила свободных ассоциаций; продолжительность лечебного курса составляет от нескольких месяцев до нескольких лет.

* * *

Напрашивается вывод, как бы он ни был парадоксален: психоанализ есть ни что иное, чем пропущенная через сознание невротической личности Фрейда, приложенная к психопатологической почве, выписанная в полном соответствии с нормативами позитивизма — техника аналитической драмы.

ПатогRAFия Фрейда: почему «Царь Эдип» Софокла?

Постараемся теперь ответить на важные вопросы:

почему Фрейд обратился к нему, к Софоклу?

отчего его внимание привлек «Эдип» Софокла, а не Сенеки, например?

в силу каких причин избрал он трагедию, театрализованное действие, а не какой-либо из множества инцестуозно-матримониальных сюжетов, которыми изобилует мифология?

как объяснить, наконец, его обращение именно к первому «Эдипу» Софокла — «Царю Эдипу», а не к последующему — «Эдипу в Колоне»?

Не является ли «комплекс Эдипа» случайностью, выросшей — также нечаянно — до размеров общечеловеческой психосексуальной стигмы?

Или же Фрейд нашел — единственную в своем роде — мифолого-драматическую опору такого масштаба, для обозначения центрального, инцестуозного комплекса, влекущего за собой «комплекс кастрации», которые были помещены им в центр сексуально-травматической гипотезы происхождения неврозов, а затем — и всего психосексуального онтогенеза индивида?

Может быть, Фрейд гениально-интуитивно — или же, напротив, вполне сознательно — отыскал культурный аналог своей психотехники?

Возможно ли, что Фрейд в своей душевной жизни сам вкусил от страданий Эдипа и, мучимый раскаяньем и чувством вины, постарался навязать открытый на себе инцестный невроз каждому?

В прояснении ситуации может помочь изучение психобиографии самого Фрейда, — основных ее моментов, имеющих отношение к данной теме. Они оказываются на удивление очевидны; расследование не будет долгим.

1859

С переездом из Фрейберга в Вену через Лейпциг у Фрейда связано выраженное эротическое переживание,

которое он описывает в письме к Вильгельму Флиссу от 3 октября 1897 г.: «(Между двумя и двумя с половиной годами) мое либидо пробудилось и повернулось к *матери* (*matrem*) благодаря путешествию из Лейпцига в Вену, которое я совершал вместе с ней и во время которого я, уложенный спать в ее комнате, несомненно мог видеть ее обнаженной»¹⁴.

Фрейд ошибается, уменьшая свой действительный возраст на год, что придает этому воспоминанию особое значение.

Дело в том, что в два — два с половиной года маленький Зигмунд еще находился во Фрейберге и его либидо, по-видимому, уже тогда было обращено к матери, которую он, должно быть, неоднократно видел обнаженной и за интимными занятиями в единственной комнате, где жила вся семья.

Возможно, когда во время путешествия он вновь увидел мать обнаженной, он особо запомнил возникшее при этом чувство, но само оно, на что указывает его ошибка, появилось значительно раньше.

1873

«Я должен прочитать для себя, — пишет он в письме от 17 марта 1873 года своему другу детства Эмилю Флюксу, — многих греческих и латинских классиков, среди которых «Царь Эдип» Софокла. Не прочитав всего этого, вы теряете нечто удивительное...»

Восхищение Фрейда чтением Вергилия и особенно Софокла принесло вполне ощутимую практическую пользу: по счастливой случайности при сдаче экзаменов на звание бакалавра ему достается уже известный отрывок из Вергилия, а также тридцать три строфы из греческого варианта «Царя Эдипа», с которыми он также был хорошо знаком.

Итак, в 1873 г. он блестяще выдержал экзамен, закончив таким образом свою школьную карьеру под знаком Эдипа — того Эдипа, который, значительно позднее, после длительной научной прелюдии «доаналитического периода», положил начало его личному мифотворчеству.

1897

Этот год, последовавший за годом смерти отца¹⁵, Якоба Фрейда, называют «годом самоанализа». В этот год Фрейд практически формулирует свое определение более чем известного сегодня «комплекса Эдипа».

«Я обнаружил в себе, как и во многих других, проявление чувств любви к своей матери и ревности — к отцу, чувств, которые, я думаю, присущи всем маленьким детям» и которые объясняют, как полагает Фрейд, «захватывающий эффект, производимый пьесой “Царь Эдип”».

«Греческая пьеса отразила ситуацию, знакомую всем, поскольку все ее когда-то прочувствовали. Каждый зритель в своей душе, в воображении был когда-то Эдипом, и реализация этого сна, воплощенного в реальность, приводит его в ужас; он содрогается, оценивая пропасть, лежащую между его детским состоянием и им теперешним». ¹⁶

* * *

Итак, вопрос — *почему «Царь Эдип» Софокла?* — оказывается не столь сложным.

Во-первых, Фрейд весьма хорошо — почти наизусть — знал Софокла, и именно трагедию «Царь Эдип»; так сложилось. ¹⁷

Во-вторых, не исключено — и здесь я уже прибегаю к определенным допущениям, — что ему пришлось выбирать между древним аморфным мифом — а ведь даже еще и послегомеровская «Эдиподия», напомним, не имела той инцестуозной напряженности — и обильно коннотированной, сюжетно жесткой, если угодно — прошедшей известную институциональную обкатку, пьесой, — общеизвестной, приемлемой, привычной. Разумеется, в этом случае выбор однозначно должен был пасть на последнюю.

В-третьих, апелляция к первому «Эдипу» Софокла — «Царю Эдипу», а не к «Эдипу в Колоне», может быть

отчасти объяснена тем, что тягостное расследование Эдипа и его трагическое познание минувшего в целом отвечали патогенетически-терапевтическим представлениям Фрейда и, главное, его аналогичным личным переживаниям.¹⁸

Еще один момент, о котором не следует забывать: для Фрейда важны были не только, а подчас и не столько инцестуозные мотивы, сколько связанный с ними комплекс вины (и страха наказания). Мотив же этот — понесенная Эдипом кара — очень яркок именно в «Царе Эдипе». Этот второй комплекс, получивший название «комплекса кастрации», наряду с «комплексом Эдипа» занимает центральное место в построениях классического психоанализа.

Что касается параллелей, установленных в предыдущем разделе, то они также имеют непосредственное отношение к характеристике личности Фрейда, — правда, с другой ее стороны: Фрейд — виртуозный компилятор; его же способность к неосознанным заимствованиям стала притчей во языцех.¹⁹

* * *

Этих нескольких штрихов, на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы закрыть поставленные вопросы; в сочетании же с изложенным в предыдущем разделе материалом они делают ответ исчерпывающим.

275 Патография Фрейда: почему «Царь Эдип»?

* * *

На пятидесятилетие Фрейду был подарен медальон, на одной стороне которого был изображен его профиль, а на другой — Эдип, разгадывающий загадку Сфинкс.

Эдипов комплекс» (Ödipuskomplexe) — «комплекс Эдипа», «Эдипальный комплекс», «Эдиповский комплекс» — появляется в контексте психоаналитической теории развития детской сексуальности, или же психосексуального развития.

«Комплекс Эдипа» определяется как группа бессознательных представлений и чувств, концентрирующихся вокруг желания обладать родителем противоположного пола.

Согласно Фрейду, «комплекс Эдипа» — это универсальный феномен, заложенный в филогенезе и ответственный

за бессознательное чувство вины; «признание его стало тем паролем, по которому можно отличить сторонников психоанализа от его противников»²⁰.

Разрешение «комплекса Эдипа» достигается обычно идентификацией с родителем того же пола и временным отречением от родителя противоположного пола, который «заново открывается во взрослом сексуальном объекте». «Эдипово» соперничество с отцом является причиной страха кастрации — или «комплекса кастрации».

«Эдипов комплекс» и тесно связанный с ним «комплекс кастрации» являются единственными комплексами классического психоанализа.

Первая публикация, где описывается «комплекс Эдипа», — это «Die Traumdeutung», «Толкование сновидений» (1899—1900).

* * *

Следует, думается, обратиться к этому первому описанию «Эдипова комплекса», сделанному самим Фрейдом.

Фрейд, следуя тем извращенным императивам позитивизма, которые по сей день довлеют над каждым исследователем — а этот диссонанс особенно выражен именно в области «наук о душе», — подводит к вопросу о «комплексе Эдипа» через анализ сновидений «невротиков», касающихся смерти родителей противоположного пола. И это тогда, когда он уже провел самоанализ и

хорошо знал о своем влечении к собственной матери и ревности к отцу, и «комплекс Эдипа» был уже практически описан.

«...Сновидения о смерти родителей в огромном большинстве случаев касаются родителя одного пола со спящим, — т. е. мужчине в большинстве случаев снится смерть отца, а женщине — смерть матери. Я не могу утверждать, что это непререкаемый закон, но подавляющее большинство примеров здесь настолько убедительно, что они требуют объяснения каким-либо моментом общего значения. Дело обстоит — грубо говоря — так, как будто мальчики видят в отце, а девочки — в матери соперников своей любви, устранение которых может быть им только выгодно.

Прежде чем отвергнуть это утверждение как совершенно невероятное, необходимо подвергнуть анализу отношения родителей и детей. Необходимо отделить то, что требует от такого отношения культурный момент почитания родителей, от того, что показывает нам повседневное наблюдение. В отношениях между родителями и детьми имеется немало поводов к враждебному чувству; имеется немало условий и для возникновения желаний, не отвечающих, однако, требованиям цензуры. Остановимся сперва на отношениях между отцом и сыном. На мой взгляд, святая, окружающая десять заповедей, притупляет наше сознание в понимании действительно положения дела. Мы не решаемся признать самим себе, что большая часть человечества преступает четвертую заповедь. Как в высших, так и в низших слоях человеческого об-

щества почитание родителей отступает на задний план перед другими интересами. Туманные сведения, дошедшие до нас из мифологии, и сказания о первобытном состоянии человеческого общества дают довольно безотрадное представление о власти отца и о бессердечии, с которым он ею пользовался. Хронос пожирает своих детей, как боров пожирает помет свиньи, а Зевс оскотливляет своего отца и становится на его место. Чем полновластнее отец в древней семье, тем больше оснований у сына как у признанного его наследника занимать враждебную позицию, тем сильнее его нетерпение достичь власти через посредство смерти отца. Даже в нашей буржуазной семье отец, стесняя самоопределение сына, сам способствует развитию естественного зародыша вражды, скрывающегося в их отношениях. Врач зачастую имеет случай наблюдать, что скорбь о потере отца не может подавить у сына радости по поводу обретенной наконец им свободы. Остаток сохранившейся и в нашей семье *potestas patris familias* каждый отец судорожно старается сохранить за собою; это хорошо знакомо всем поэтам, которые выдвигают на первый план своих произведений вековую борьбу отца и сына. Поводы к конфликту между матерью и дочерью возникают, когда дочь подрастает и встречает в матери противницу своей сексуальной свободы, зрелость же дочери напоминает матери о том, что настало время отказаться от собственной половой жизни.

Все это очевидно и ясно, но все это еще не дает нам возможности разъяснить сновидение о смерти родителей, испытываемое часто людьми, для которых почитание родителей неприкосновенно и свято. Предыдущее изложение указывает

нам на то, что это желание смерти родителей должно относиться к раннему детству.

С неопровержимостью, исключаяющей какие бы то ни было сомнения, подтверждается это предположение относительно психоневротиков при совершаемом у них анализе. Последний показывает, что сексуальные желания ребенка проявляются очень часто — поскольку они, конечно, в этом зачаточном состоянии имеют право носить название сексуальных — и что первая склонность девушки направляется на отца, а первая склонность мальчика — на мать. Отец, таким образом, становится для сына, а мать для дочери соперниками, а как мало нужно для того, чтобы у ребенка это ощущение вылилось в желание смерти, мы уже видели относительно аналогичных желаний по отношению к братьям и сестрам. Выбор сексуального объекта находит свое выражение обычно уже по отношению к родителям; естественное предрасположение устраивает так, что отец балует дочь, а мать сыновей, в то время как оба они там, где влияние их пола не омрачает чистоты их суждения, с одинаковой строгостью относятся к воспитанию детей. Ребенок замечает предпочтение и восстает против того из родителей, который противится такому баловству. Найти любовь у взрослых является для него не только удовлетворением особой потребности, но означает и то, что его воля получает удовлетворение и во всех других отношениях. Таким образом ребенок следует собственному сексуальному влечению и обновляет одновременно исходящее от родителей побуждение, если его выбор между родителями совпадает с выбором этих последних.

Признаки таких склонностей у детей в большинстве случаев не замечаются, между тем как некоторые из них обнаруживаются уже в самом раннем детстве. Восьмилетняя девочка одних моих знакомых пользуется случаем, когда мать выходит в кухню из-за стола, и провозглашает себя ее преемницей: «Теперь я буду мамой! Карл, хочешь еще зелени? Возьми, пожалуйста!» — и т. д. Одна способная, очень живая девочка восьми лет, обнаружившая особенно ярко признаки этой черты детской психологии, говорит даже прямо: «Пусть мамочка умрет, папочка женится на мне, я буду его женой». В детской жизни желание это отнюдь не исключает того, что ребенок нежно любит свою мать. Если маленький мальчик может спать с матерью, как только отец уезжает, а после его возвращения должен вернуться в детскую к няньке, которая нравится ему гораздо меньше, то у него очень легко может возникнуть желание, чтобы отец постоянно находился в отсутствии и чтобы он сам сохранил бы свое место у дорогой, милой мамы; одним из средств для достижения этого желания является, очевидно, то, чтобы отец умер, потому что ребенок знает: «мертвых», как, например, дедушки, никогда нет, они никогда не приходят.

Если такие наблюдения над маленькими детьми и приводят нас к вышеупомянутым заключениям, то все же они не дают еще полной уверенности, которая вселяется во врача при психоанализах взрослых невротиков. Сообщение соответствующих сновидений совершается здесь с такими подробностями, что раскрытие в них определенных желаний не может вызвать никаких сомнений. Однажды я застаю одну свою

пациентку с заплаканным лицом. Она говорит: «Я не хочу больше видеть своих родственников, я должна вселять в них один только ужас». Она начинает рассказывать мне о том, что вспомнила сновидение, значения которого она, конечно, не понимает. Она видела его в возрасте четырех лет. Ей снилось: *По крыше прогуливается какое-то животное, рысь или лиса, потом что-то падает или она сама падает. А потом вдруг из дому выносят мертвую мать*, что вызывает у нее горючие слезы. Я разъяснил ей, что сновидение это должно означать детское желание видеть мать мертвой и что она благодаря именно этому сновидению и думает, что должна вселять в родных только ужас. В ответ на мои слова она тотчас же сообщает материал для сновидения. «Luchsaug» (пройдоха) — ругательство, которое она однажды в детстве услышала от какого-то уличного мальчишки; когда ей было три года, на мать с крыши обрушился кирпич и сильно поранил ей голову.

Я имел однажды случай в течение продолжительного времени наблюдать за одной молоденькой девушкой, претерпевшей целый ряд психических состояний. В припадках крайнего возбуждения и спутанности, с которых началась ее болезнь, пациентка обнаружила отвращение к своей матери, била ее и ругала, как только та приближалась к постели, между тем как к своей старшей сестре она питала нежное чувство и во всем ее слушалась. Вслед за этими припадками у нее появилось довольно ясное состояние ума, но продолжительная апатия и бессонница; в этой фазе я начал ее лечение и подверг анализу ее сновидения. Большая часть их трактовала в более или менее скрытой форме о смерти матери: она то присутство-

вала на похоронах какой-то пожилой дамы, то видела себя и свою сестру в трауре; относительно значения ее сновидений не могло быть, конечно, никаких сомнений. При последовавшем улучшении появились истерические фобии; наиболее мучительной из них была боязнь, что с матерью что-то случилось. Где бы она ни была, она спешила домой, чтобы убедиться, что ее мать жива. Случай этот в связи с другими моими наблюдениями чрезвычайно поучителен; он показывает различные способы реагирования психического аппарата на одно и то же возбуждающее представление. В состоянии возбуждения и спутанности, которое я понимаю как *подавление* второй психической инстанции со стороны первой, находящейся обычно в подавленном состоянии, бессознательная враждебность по отношению к матери проявилась в моторных действиях; когда затем наступило первое успокоение, смятение было подавлено и было восстановлено господство цензуры, тогда этой враждебности осталась единственно доступной сфера сновидения, чтобы там осуществилось желание о смерти матери; когда выздоровление подвинулось еще дальше, оно в качестве истерической противореакции создало преувеличенную заботу о матери. В этом смысле вполне понятно и то, почему истерические девушки преувеличенно пылко любят своих матерей.

В другой раз я имел случай проникнуть в бессознательную душевную жизнь одного молодого человека, который страдал навязчивым неврозом и не мог выходить на улицу, так как его мучила мысль, что он может убить всех людей, встречающихся с ним. Он проводил все свое время за тем, что собирал доказательства своего алиби, в случае если против него бу-

дет возбуждено обвинение в каком-либо совершенном в городе убийстве. Мне не нужно упоминать здесь о том, что он был чрезвычайно нравственным и интеллигентным человеком. Анализ его состояния вскрыл в качестве причины этой тяжелой навязчивой идеи его желание убить своего чрезмерно строгого отца; желание, что проявилось, к его удивлению, вполне сознательно в возрасте семи лет, но относится, несомненно, к еще более раннему периоду детства. После тяжелой болезни и смерти отца на тридцать первом году жизни больного появляется навязчивый упрек, который в форме вышеупомянутой фобии переносится на чужих. Кто в состоянии испытать желание свергнуть своего собственного отца с вершины горы в пропасть, про того можно подумать, что он не пощадит жизни и чужих ему людей; такой человек имеет поэтому основание запирается у себя в комнате и не выходить на улицу».

К констатации существования «комплекса Эдипа» Фрейд подходит очень осторожно, опираясь на несомненные якобы клинические факты, некие непреложные постулаты аномальной душевной жизни, и лишь затем экстраполирует свои мнения-предположения на здоровых, «нормальных» людей.

«На основании моих многочисленных наблюдений родители играют преобладающую роль в детской душевной жизни всех позднейших психоневротиков; любовь к одному из них и ненависть к другому образуют неизмен-

ную составную часть психического материала, образованного в то время и чрезвычайно важного для симптоматики последующего невроза. Я не думаю, однако, что психоневротики резко отличаются в этом от других нормальных людей. Гораздо вернее — это подтверждается случайными наблюдениями над нормальными детьми, — что они со своими дружелюбными и враждебными желаниями по отношению к своим родителям воплощают лишь процесс преувеличения, который более или менее интенсивно и отчетливо совершается у большинства детей».

Далее Фрейд обращается к этномифологии, вольное обращение с фактами которой, кстати, не раз вызывало нарекания в его адрес, — как касательно архаичности источников и, следовательно, истинности суждений, так и в отношении их интерпретации²¹. Фрейд, однако, возражал, что он волен обращаться к тем материалам, которые считает подходящими для иллюстрации психоаналитических положений, делает же он это исключительно с позиций последних.

«Древность в подтверждение этой истины завещала нам чрезвычайно убедительный миф, глубокое и всеобъемлющее значение которого становится понятным лишь при помощи установления вышеуказанных черт детской психологии.

Я подразумеваю здесь миф о царе *Эдипе* и одноименную трагедию *Софокла*. *Эдип*, сын *Лаия*, фиванского царя, и *Иока-*

сты, подкидывается своими родителями вскоре после рождения на свет, так как оракул возвестил отцу, что еще нерожденный им сын будет его убийцей. Эдипа спасают, и он воспитывается при дворе другого царя, пока сам, сомневаясь в своем происхождении, не спрашивает оракула и не получает от него совет избегать родины, так как он должен стать убийцей своего отца и супругом своей матери. По дороге с мнимой родины он встречается царя *Лаия* и убивает его во внезапно разгоревшейся схватке. Потом подходит к *Фивам*, разрешает загадку преграждающей путь Сфинкс и в благодарность за это избирается на фиванский престол и награждается рукою *Иокасты*. Долгое время он правит в покое и мире и производит от своей жены-матери двух дочерей и двух сыновей, как вдруг разражается чума, заставляющая фиванцев вновь обратиться к оракулу с вопросом. Здесь-то и начинается трагедия *Софокла*. Гонец приносит ответ оракула, что чума прекратится, когда из города будет изгнан убийца *Лаия*. Где же он, однако? “Кто след найдет столь древнего злодейства”²²».

Позволю себе особо выделить теперь слова Фрейда, подтверждающие вышеприведенные выводы о тождестве психоанализа и аналитической драмы: «Действие трагедии состоит ни в чем ином, как в постепенно пробуждающемся и искусственно замедляемом раскрытии — аналогичном с процессом психоанализа — того, что сам *Эдип* — убийца *Лаия* и в то же время сын убитого и *Иокасты*. Потрясенный своим страшным злодеянием, *Эдип* ослепляет себя и покидает родину. Предсказание оракула сбылось».

Фрейдовская трактовка «Эдипа» Софокла весьма вульгарна и поверхностна; нельзя также исключить влияния того характерного свойства Фрейда, что он видел всегда лишь то, что хотел видеть, до казуистики.

«Царь Эдип» — так называемая трагедия рока; ее трагическое действие покоится на противоречии между всеобъемлющей волей богов и тщетным сопротивлением людей, которым грозит страшное бедствие; подчинение воле богов, бегство и сознание собственного бессилия — вот в чем должен убедиться потрясенный зритель трагедии. Современные писатели старались достичь той же цели, изображая в своих поэтических творениях указанное противоречие, но развивая его по собственной канве. Зритель, однако, оставался холодным и безучастно смотрел, как, несмотря на все свое сопротивление, невинные люди должны были подчиниться осуществлению тяготевавшего над ними проклятия; позднейшие трагедии рока не имели почти никакого успеха».

Далее Фрейд формулирует основное *откровение* психоанализа, нещадно подчиняя своим рассуждениям логику и мифа об Эдипе, и одноименной трагедии Софокла (для него они идентичны), отмечая любые контексты, за исключением инцестуозного, и укладывая сложнейший, неоднозначный древний сюжет в прокрустово ложе своих интерпретаций.

«Если, однако, “*Царь Эдип*” потрясает современного человека не менее, чем античного грека, то причина этого значения греческой трагедии не в изображении противоречия между роком и человеческой волей, а в особенностях самой темы, на почве которой изображается это противоречие. Есть, очевидно, голос в нашей душе, который готов признать неотразимую волю рока в «*Эдипе*», в то время как... в других трагедиях рока мы считаем наши решения произвольными.

Такой момент действительно имеется в истории самого царя *Эдипа*. Судьба его захватывает нас потому, что она могла бы стать нашей судьбой, потому что оракул снабдил нас до нашего рождения таким же проклятием, как и *Эдипа*. Всем нам, быть может, суждено направить наше первое сексуальное чувство на мать и первую ненависть и насильственное желание на отца; наши сновидения убеждают нас в этом.

Царь Эдип, убивший своего отца *Лаия* и женившийся на своей матери *Иокасте*, представляет собой лишь осуществление желания нашего детства. Но более счастливые, нежели он, мы сумели отщепить наше сексуальное чувство от матери и забыть свою ревность по отношению к отцу. Человек, осуществивший такое первобытное детское желание, вселяет в нас содрогание, мы отстраняемся от него со всей силой процесса вытеснения, которое претерпевают с самого детства эти желания в нашей душе. Освещая преступление *Эдипа*, поэт приводит нас к познанию нашего «Я», в котором все еще шевелятся те же импульсы, хотя и в подавленном виде. То противопоставление, с которым покидает нас хор, —

«...Посмотрите на Эдипа,
На того, кто был великим, кто ни зависти сограждан,
Ни судьбы уж не боялся, ибо мыслью он бесстрашной
Сокровеннейшие тайны сфинкса древнего постиг.
Посмотрите, как низвергнут он судьбой», —

это напоминание касается нас самих и нашей гордости, нас, ставших со времени детства столь мудрыми и сильными в нашей оценке²³. Как Эдип, мы живем, не сознавая противоморальных желаний, навязанных нам природой; сознав их, мы все отвратили бы взгляд наш от эпизодов нашего детства.

То, что миф об *Эдипе* возник из древнейшего материала сновидений, который имеет своим содержанием мучительное нарушение отношения к родителям благодаря первым побуждениям сексуальности, на этот счет в самом тексте трагедии *Софокла* имеется довольно прозрачное указание. *Иокаста* утешает *Эдипа*, еще не понявшего истинного положения дела, но все же уже озабоченного изречением оракула; она напоминает ему о сновидении, которое видят многие, но которое не имеет, по ее мнению, никакого значения:

«Ведь до тебя уж многим людям снилось,
Что с матерью они — на ложе брачном,
Но те живут и вольно, и легко,
Кто в глупые пророчества не верит»²⁴.

Сновидение о половой связи с матерью наблюдается, как тогда, так и теперь, у многих людей, сообщающих о нем с возмущением и удивлением. Оно и составляет, несомненно, ключ

к трагедии и находится в соответствии со сновидением о смерти отца. Миф об *Эдипе* представляет собою реакцию фантазии на оба эти типические сновидения, и подобно тому, как сновидения эти вселяют во взрослых чувство отвращения, так и самый миф должен иметь своим содержанием ужас и самонаказание. В своей законченной форме он носит черты дальнейшей исторической обработки, старавшейся придать ему теологизирующую тенденцию».

В таком виде представил миру «комплекс Эдипа» — основную категорию, отправной пункт, *откровение* психоанализа — сам Фрейд; о дальнейшей же судьбе концепта — в силу его известности — легко судить даже неспециалисту.

* * *

Итак, «Эдипов комплекс» — это имманентное бессознательное эротическое влечение ребенка к родителю противоположного пола и связанное с ним агрессивное чувство к родителю собственного пола.

Якобы «Эдипов комплекс» извечно тяготеет над всеми мужчинами, — и каждый мальчик испытывает сексуальное влечение к матери, воспринимая отца как сексуального соперника; его он боится и ненавидит.

По утверждению Фрейда, личность каждого формируется в зависимости от переживания, а точнее, изживания данного комплекса; им же в значительной ме-

ре определяется и позднейшее поведение индивида. «Совершенно несомненно, что в Эдиповом комплексе можно видеть один из самых важных источников сознания вины, которое так часто мучает невротиков,— писал Фрейд.— Даже более того: в исследовании о происхождении человеческой религии и нравственности, которое я опубликовал в 1913 г. под названием *Тотем и Табу*, я высказал предположение, что, возможно, человечество в целом приобрело свое сознание вины, источник религии и нравственности, в начале своей истории из Эдипова комплекса»²⁵.

Фрейд считал, что «эдиповский комплекс составляет комплексное ядро неврозов, представляя собой существенную часть содержания их. В нем завершается инфантильная сексуальность, оказывающая решающее влияние своим действием на сексуальность взрослых. Каждому новорожденному предстоит задача одолеть эдиповский комплекс; кто не в состоянии этого сделать, заболевает неврозом. Успех психоаналитической работы всего яснее показывает это значение эдиповского комплекса...»²⁶

Фрейд различал две формы «Эдипова комплекса»: *нормальную* (активную) и *инвертированную*. Он полагал, что обе формы «Эдипова комплекса» могут потерпеть крушение в силу развития «кастрационного ком-

плекса», порожденного страхом перед кастрацией как наказанием со стороны отца.

«Трудность понимания, — говорит по этому поводу Фрейд, — вытекает из того усложняющего обстоятельства, что сам Эдипов комплекс у мальчика имеет двоякую установку, активную и пассивную, соответственно бисексуальному расположению²⁷. Мальчик хочет также заменить отцу в качестве любовного объекта мать; мы называем это женственной установкой»²⁸.

* * *

Если «Эдипов комплекс» — центральное откровение психоанализа, то его основное таинство, *покаяние*, — это «комплекс кастрации».

Фрейд говорит, что «эдиповская установка мальчика относится к фаллической фазе и погибает вследствие страха кастрации, т. е. вследствие нарцисстического отношения к гениталиям».

У мальчика «Эдипов комплекс» первичен, и, при формировании «комплекса кастрации», — «не просто вытесняется, он буквально разрушается под влиянием шока, связанного с угрозой кастрации. Мальчик отказывается от своих либидинозных привязанностей, которые десексуализируются и отчасти сублимируются. Объекты их включаются в состав Я, где они образуют ядро *сверх-Я*

и придают этому новообразованию характерные особенности. В нормальном, лучше говоря, в идеальном, случае Эдипов комплекс не существует уже больше и в бессознательном, *сверх-Я* стало его наследником»²⁹.

У девочки же «Эдипов комплекс» является вторичным образованием. Он становится возможным и возникает благодаря подготовительным воздействиям «кастрационного комплекса».

«Каждый аналитик имел возможность изучить женщин, — говорит Фрейд, — которые с особой интенсивностью и упорством сохраняли свою привязанность к отцу и желание получить от отца ребенка, желание, в котором эта привязанность получила свое высшее выражение. <...> Подробный анализ этих именно случаев показывает... что Эдипов комплекс имеет в данном случае долгий доисторический период и является до некоторой степени вторичным образованием»³⁰.

Фрейд говорит о «чреватом тяжелыми последствиями открытия, выпадающем на долю маленькой девочки»: «Она случайно обнаруживает большой, легко заметный пенис у брата или сверстника, распознает его как преувеличенный аналог своего собственного маленького и скрытого органа, и ею овладевает зависть к пенису. <...> У нее мгновенно созревает суждение и решение. Она видит пенис, знает, что у нее нет его, и хочет иметь его»³¹.

«Психические последствия зависти к пенису, поскольку она не растворяется в реактивном образовании комплекса мужественности, разнообразны и многозначительны. С признанием своей нарцисстической раны у женщины возникает — словно рубец — чувство малоценности. После того как она преодолевает первую попытку объяснить отсутствие у нее пениса понесенным ею лично наказанием и узнает об общераспространенности этого характерного полового признака, она начинает разделять пренебрежение мужчины к полу, имеющему дефект в столь важной части организма, и продолжает, по крайней мере, в этой оценке приравнивать себя к мужчине.

Даже в том случае, если она не испытывает зависти к пенису в отношении к себе самой, зависть эта не исчезает: с помощью небольшого перенесения она получает свое выражение в характерной черте ревности. Конечно, ревность свойственна не одному только полу; она имеет более широкое обоснование, однако я полагаю, что в душевной жизни женщины она играет все же гораздо большую роль, так как она получает огромное подкрепление из источника подавленной зависти к пенису. <...>

Третьим следствием зависти к пенису является, по-видимому, ослабление нежного отношения к матери. Связь эта не совсем понятна, но всегда можно убедиться в том, что виновницей отсутствия пениса считается в конце концов почти всегда мать, которая родила ребенка на свет, не наделив его всем необходимым. Исторический ход мыслей таков, что вскоре после обнаружения дефекта в гениталиях возникает ревность

в отношении к другому ребенку, который якобы больше любим матерью; и это является поводом для освобождения от привязанности к матери»³².

И далее: «Об Эдиповом комплексе до сих пор не было речи, он до сих пор и не играл никакой роли. Но теперь либидо девочки занимает новую позицию (можно лишь сказать: путем предначертанного символического сравнения «пенис — ребенок») . Она отказывается от желания иметь пенис, чтобы заменить его желанием иметь ребенка, и для этой цели она выбирает в качестве любовного объекта отца. Мать становится объектом ревности, маленькая девочка превращается в женщину. <...> Если девочка отказывается впоследствии от этой привязанности к отцу в силу безнадежности ее, то привязанность эта может вылиться в идентификацию с отцом, вместе с которой девочка возвращается к комплексу мужественности и иногда фиксируется на нем»³³.

И еще одно замечание — относительно судьбы «Эдипова комплекса» у девочек.

«У девочки отпадает мотив для разрушения Эдипова комплекса, — говорит Фрейд. — Кастрация уже раньше оказала свое действие, которое состояло в том, что оно толкнуло ребенка к ситуации Эдипова комплекса. Поэтому последний избегает той участи, которая была ему предуготовлена у мальчика; девочка изживает его медленно, упраздняет его путем

вытеснения; его влияние распространяется далеко в область нормальной душевной жизни женщины. Я говорю об этом неохотно, но не могу отделаться от мысли, что нормальный уровень нравственности у женщины — иной. Сверх-Я никогда не будет столь неумолимо, столь безлично и столь независимо от своих эффективных источников, как мы этого требуем от мужчины. Характерные черты, которые критика издавна ставила в упрек женщине, что она менее способна испытывать чувство справедливости, нежели мужчина, что она менее способна подчиняться настойчивым жизненным necessities, что она в своих решениях чаще руководствуется нежными и враждебными чувствами, — эти характерные черты находят себе достаточное обоснование в вышеприведенной модификации образования сверх-Я»³⁴.

Итак: «В соотношении между Эдиповым и кастрационным комплексами существует фундаментальная разница у обоих полов, — констатирует Фрейд. — *В то время как Эдипов комплекс мальчика погибает вследствие кастрационного комплекса, Эдипов комплекс девочки становится возможным и возникает благодаря кастрационному комплексу.* Это противоречие получает свое объяснение, если принять во внимание, что кастрационный комплекс оказывает при этом свое действие всегда в духе своего содержания, задерживая и ограничивая мужественность и способствуя развитию женственности. Разница в этой части сексуального разви-

тия у мужчины и у женщины является понятным следствием анатомического различия гениталий и связанной с этим психической ситуации; она соответствует разнице между осуществленной кастрацией и кастрацией, которая только угрожает»³⁵.

* * *

Все, что говорилось выше, касается *онтогенетического*, индивидуального контекста происхождения «комплекса Эдипа». Какова же его *филогенетическая*, родовая предыстория?

В целом происхождение инцестуозных (в более широком смысле — *эндогамных*) запретов Фрейд объясняет сквозь призму психоанализа культуры.

Под влиянием идей Чарльза Дарвина, Дж. Аткинсона и Уильяма Робертсона-Смита он пришел к выводу, что импульсы и «пусковые механизмы» формирования психики, религии и культуры сработали в результате сексуально-властного конфликта между жестоким самцом, который правил первобытной ордой, и его сыновьями. Подавляя сексуальные устремления сыновей, направленные на самок орды, — принадлежащих только лишь вожаку, — он невольно спровоцировал их, и в конце концов сговорившиеся братья убили и съели соперника-отца.

Этот катаклизм — «великое событие» — породил у братьев неведомые ранее чувства вины и страха, а также «комплекс Эдипа», которые нарушили гармонию пер-

вобытной психики и раскололи ее на бессознательное, — носящее кровосмесительные и агрессивные побуждения, и сознательное, что, в свою очередь, привело к расколу личности на «Оно» (носитель архаического наследства) и «Я» (носитель запретов и морали).

В результате этих событий братья-отцеубийцы, чувствуя вину перед отцом и страшась разделить впоследствии его участь, были вынуждены установить первые нормы общежития — *табу*, направленные на запрещение инцеста и убийства (хотя сами эти влечения не исчезли и передаются от поколения к поколению).

С этих и последовавших за ними запретов, сформировавших и закрепивших первые в истории ценности и нормы поведения, началось, как полагал Фрейд, строительство культуры.

Установление первых табу привело к возникновению морали и обусловило переход людей от первобытной (патриархальной) орды с неограниченной властью вожака к братской общине (клану) с коллективной ответственностью, в которой возник *тотемизм* как первобытная религия, символически воскрешающая убитого отца в образе зверя-тотема.

Исследуя религию как один из существенных источников и элементов культуры, Фрейд подразделил все теории тотемизма на *номиналистические, социологические и психологические*.

Полагая, что религия и религиозность возникают в силу биологических и психических причин, Фрейд особо подчеркивал роль «Эдипова комплекса» как своеобразного начала «религии, нравственности, общественности и искусства».

В этой связи он подразделил религии на *отцовские* (в которых запреты отца преобладают над влечением к матери: например, иудаизм) и *материнские* (в которых символическое влечение к матери доминирует над запретами отца: например, восточные религии Астарты и Ваала), отметив при этом, что развитие религии (создающей Бога по образу отца) в основном идет от «религии отца» («Бог-отец») к «религии сына» («Бог-сын»). Он также предложил понимание перехода от религиозной веры к атеизму как процесса крушения авторитета отца.

Наконец, настаивая на едином происхождении религии и невроза из «комплекса Эдипа», Фрейд уподобил религию общечеловеческому неврозу навязчивости и констатировал в этой связи ее определенную профилактическую и психотерапевтическую ценность.

И так, мы знаем два «классических» комплекса психоанализа — «Эдипов» и «кастрационный».

Где же «комплекс Электры»? Где его, хотя бы слабые, следы?

Те классические тексты психоанализа, к которым мы обращались выше, не дают ответа на эти вопросы; более того, мы не видим никаких — аналитических — предпосылок для подобной денотации.

Так, мы видим «комплекс Эдипа» — у девочек, как его описывает Фрейд, но никакого «комплекса Электры» — нет.

Откуда тогда он появился?

Обычно указывают, что «комплекс Электры» введен Карлом Густавом Юнгом³⁶ (1875—1961) в контексте разработки учения о комплексах — «*Diagnostische Assoziationsstudien*» (1906—1910). Понятие комплекса сегодня представляется природно-аналитическим, однако сам Фрейд отзывался о нем с известной долей скепсиса, — комплекс не более, чем «удобный термин для описательной формулировки психологических фактов». Указывают также, что понятием «комплекс Электры» Юнг обозначил «бессознательное эротическое влечение девочки к отцу и связанные с ним негативные установки по отношению к матери; природа, содержание и функции комплекса Электры аналогичны Эдипову комплексу».

Этот «комплекс Электры» — противоположный «Эдипову комплексу» и почти столь же известный — на поверку оказывается «голым королем» — он не имеет истории, по крайней мере по сравнению с интригующей генеалогией «комплекса Эдипа»³⁷. Он скучен и вроде бы даже очевиден — у Еврипида, напомним, Клитемистра с упреком говорит Электре: «Обычно, что дочери привязаны к отцу, а сыновья к носившей их нежнее».

Подобная номинация — а это было наглядно показано и выше — целиком произвольна.

Вновь повторюсь — *Электра* не является персонажем кровосмесительной драмы, что несомненно делает ее образ совершенно неподходящим для контр-ассо-

циаций с образом Эдипа. Ситуация с этим нарочитым юнгианским комплексом приобретает особый резонанс неприятия в связи с тем фактом, что были другие — действительно матримониально- и/или репродуктивно-инцестуозные мотивы и сюжеты, были иные женские персонажи, повинные в грехе инцеста (еще больше — жертвы инцестного изнасилования).

Однако в силу дальнейших — теперь уже психоаналитических — коннотаций образ Лаодики-Электры, равно как и ассоциированный с ее именем комплекс, известны довольно широко.

Таким образом, если в данном случае что-то и подлежит разбору с позиций занимающей нас темы — то это скорее патография Юнга, в одном из ее кристаллизованных фокусов — зависти к Фрейду. Особую ревность Юнга вызывал как раз успех аналитических концептов Фрейда, центрированных вокруг проблематики инцеста и «родительских комплексов».

Еще одна причина нашего внимания к Юнгу — может быть, она-то как раз и является основной, — именно им была чрезвычайно развита — хотя, одновременно, несколько десексуализирована — тема инцестуозности, в ее культур-психоаналитическом контексте.

Мы обратимся прежде всего к «Метаморфозам и символам либидо»; чтения уже одного этого текста будет вполне достаточно.

Стоит подчеркнуть, что Юнг все же является достойным продолжателем Фрейда, по крайней мере в одном — кровосмешение, во всех своих превращениях — архаически-ритуальное, мифологически-космогоническое, невротически-символическое и пр., — поставлено во главу угла мироздания, имя которому — *душа*. Особая же прелесть состоит в том, что Юнг поднял пласт мифопоэтической инцестной архаики, не отрываясь от почвы психоанализа; по справедливому замечанию Эмиля Метнера, «*книга о Либи́до с формальной точки зрения есть психоаналитический сеанс, длящийся на протяжении свыше 400 страниц, сеанс, в течение которого анализируемая и аналитик приносят к материалу бессознательных содержаний, всплывающему во время совместной работы ... все ассоциативные мысли, чувства, ощущения и интуиции, и осмысливают эти «наития» при помощи сопоставления их с данными, исследованными и описанными в мифологии, истории, этнологии и других смежных науках, а также с индивидуальными и коллективными «человеческими элементами», которые хранит в себе искусство всех стран*».

Оба эти вопроса — *amor et odium* Фрейда и Юнга и инцестная апология последнего — столь тесно переплетены, что ни один из них не мог развиваться вне другого, поэтому рассмотрим их совместно.

* * *

Позволю себе высказать несколько гипотетических замечаний, основываясь как на некоторых чертах творчества Юнга (и, следовательно — согласно известной психоаналитической аксиоме, — его личности), так и характере его отношений с Фрейдом.

Итак, для чего Юнг ввел такой комплекс? Точнее, почему он так странно, даже абсурдно его денотировал? Наконец, — неужто недостаточно было «женского» «комплекса Эдипа»? Или же Фрейд не вполне ясно высказался на этот счет?

Ответ прост: всегда болезненно подражая Фрейду, стремясь затмить его, Юнг и на этот раз остался верен себе.

Конечно же он мог избрать для обозначения «женского» комплекса, аналогичного «комплексу Эдипа» — хотя, повторю, в том вовсе не было нужды, — какое-нибудь другое имя, образ, более подходящие к случаю: если не Пелопию, то уж Гарпалику или Мирру — наверняка. Более того, при широте его познаний он несомненно мог найти множество иных женских персонажей — ассирийских, индуистских, египетских и т. д., — выбор исключительно велик.

Однако, следуя Фрейду — во всем, но наоборот, — он ухватился за образ *матереубийцы*, и именно это, по-видимому, стало определяющим для избрания столь не-

удачного эпонима, — который, к тому же, на протяжении столетий оставался сексуально бесчувственным.

В этом, очевидно, и сказалось то концептуальное противопоставление, которое хорошо заметно при ближайшем рассмотрении: там, в центре персональной вселенной, где у Фрейда находится властный каннибал-отец, сексуальный тиран, у Юнга помещена Великая Мать, Кибела-Рея (Тиамат, Ехидна, Исида и др.; имя им — легион).

Еще один штрих. Выше уже обсуждались некоторые особенности личности Фрейда, — в частности, преклонение перед авторитетом отца, что характерно для иудаизма вообще. Юнг же достаточно активно исповедовал антисемитизм, — по этому поводу Фрейд в свое время заметил, что Юнг «выказал готовность вступить со мной в дружеские отношения и отказался ради меня от расовых предрассудков, которые он раньше позволял себе». В силу этих обстоятельств нельзя исключить, что неприятие Юнгом выдвинутой Фрейдом концепции филогенеза «Эдипова комплекса» и, в более широком плане, происхождения ограничений в отношении эндогамии, инспирировано его прежними воззрениями.

* * *

В автобиографической книге «Воспоминания, сновидения, размышления» Юнг в довольно жестких выражениях критикует Фрейда за его приверженность идее

«отцовского комплекса»; в приводимой ниже цитате речь идет о появлении первых расхождений в их воззрениях.

«Год 1909 был для нас переломным. Я был приглашен читать лекции об ассоциативных тестах в университет Кларк (Ворчестер, штат Массачусетс). Независимо от меня Фрейд также получил приглашение, и мы решили отправиться вместе. Мы встретились в Бремене, где к нам присоединился Ференци. В Бремене произошел инцидент, о котором потом много говорили: у Фрейда случился обморок. Поводом стал, очевидно, мой интерес к «болотным трупам». Я знал, что в некоторых районах Северной Германии находили так называемые «болотные трупы». Это были сохранившиеся с доисторических времен останки людей, которые или утонули в болотах, или были похоронены там. Болотная вода содержала гнилостную кислоту, которая растворяет кости, но выдубливает кожу, так что кожа, а с нею и волосы отлично сохраняются. По сути своей это естественное мумифицирование, при котором трупы расплываются под давлением торфа. Их находят время от времени на торфяных разработках в Дании, Швеции и Голландии.

Эти «болотные трупы», о которых я столько читал, вспомнились мне, когда мы были в Бремене. Но я был так замотан своими делами, что спутал их с мумиями из бременских «свинцовых подвалов». Мое любопытство действовало Фрейду на нервы. «Что вы нашли в этих трупах?» — спрашивал он без конца. Он находился в чрезвычайном раздражении, и как-то за столом, когда снова зашел разговор о трупах, он вдруг по-

терял сознание. Потом он говорил мне, что был убежден в том, что вся эта болтовня о трупах была затеяна мною, так как я будто бы желал ему смерти. Я был ошеломлен. Меня испугала интенсивность его фантазий, которая и явилась, я думаю, причиной его обморока.

Я был свидетелем еще одного его обморока в подобной ситуации. Это было на конгрессе психоаналитиков в Мюнхене в 1912 г. Речь зашла о фараоне Аменхотепе IV³⁸. Говорили, что из ненависти к отцу он уничтожил картуши на стенах и что за всеми его великими религиозными созданиями крылся отцовский комплекс. Меня это возмутило, и я начал спорить, доказывая, что Аменхотеп был творческой и глубоко религиозной личностью, чьи действия нельзя объяснять только личной неприязнью к отцу. Напротив, он сохранял имя своего отца в чести, и его страсть к разрушению была направлена только на то, что было связано с именем бога Амона, это имя он стремился стереть отовсюду, и оно было высечено на могильной плите его отца, почитавшего Амона. Более того, другие фараоны заменили имена своих фактических или божественных предков на монументах и статуях своими собственными, поскольку ощущали себя законным воплощением соответствующего божества. Однако они не положили начала ни новому стилю в архитектуре, ни новой религии.

В этот момент Фрейд потерял сознание и упал со стула. Все беспомощно засуетились вокруг него. Я поднял его, отнес в соседнюю комнату и положил на диван. Пока я нес его, он наполовину пришел в себя, и я никогда не забуду взгляда, который он бросил на меня. В своей слабости и беспомощности

он смотрел на меня так, будто я был его отцом. Каковы бы ни были другие причины его обморока — атмосфера на конгрессе была очень напряженной, — в обоих случаях наваждением его было отцеубийство»³⁹.

* * *

«Когда я работал над книгой «Метаморфозы и символы либидо» и заканчивал главу «Жертва», — говорит Юнг, — я знал, что публикация ее будет стоить мне дружбы с Фрейдом. Я был намерен сформулировать там собственную концепцию инцеста, различные трансформации понятия либидо и многое другое, в чем я решительно расходился с Фрейдом. Инцест для меня лишь в отдельных случаях представляет собою буквальное отклонение. В большинстве же инцест нагружен в высшей степени религиозным содержанием, почему, собственно, эта тема играла такую важную роль во всех космогониях. Но Фрейд, цепляясь за буквальный смысл, не желал понять его символическую суть. Я знал, что он никогда бы и не принял ее»⁴⁰.

Однако послушаем теперь, что говорил Юнг — в этой самой книге — о значении открытия Фрейдом «Эдипова комплекса».

«Кто способен был читать «Толкование сновидений» Фрейда без научного негодования, вызванного новизной и кажущейся неправомерной смелостью ана-

литического метода, а также и без нравственного возмущения изумительной обнаженностью толкования снов, кто, стало быть, спокойно и непредубежденно воспринял в себя эту особенную материю, тот едва ли мог избежать глубокого впечатления, которое производит то место, где Фрейд напоминает, что определенный индивидуально-психологический конфликт, а именно кровосмесительная фантазия, образует собой существенный корень грандиозного античного драматического материала — сказания об Эдипе. Впечатление, производимое этим простым указанием, может быть сравнено с тем совершенно особым чувством, которое охватывает нас, когда мы среди шума и толчи современной городской улицы наталкиваемся на остатки древности, например на коринфскую капитель замуравленной колонны или на фрагмент надписи. Только что мы отдавались шумливой эфемерной жизни современности и вдруг перед нами появляется нечто весьма далекое и чуждое, отклоняющее наш взор к вещам иного порядка: взгляд переводится с необозримого разнообразия современности на высшую связь исторических явлений. Внезапно нам приходит на ум мысль, что на этом месте, где мы сейчас носимся взад и вперед с нашими делами, царила уже 2000 лет тому назад в несколько иной форме сходная с нашей жизнь; такие же страсти двигали людьми, а сами люди так же были убеждены в единственности своего существования. Этому впечатлению, которое почти всегда оставляет после себя первое знакомство с античными памятниками, должен я уподобить впечатление, производимое ссылкой Фрейда на легенду об Эдипе. Только что мы были еще заняты

смущающими впечатлениями, вызванными бесконечной изменчивостью отдельной души, как сразу нашему зрению открылась простота и величие трагедии Эдипа, этого неугасимого светоча эллинского театра. Такое расширение взора имеет в себе нечто от откровения. Для нас ведь античный мир психологически скользнул давно уже к теням прошедшего; на школьной скамье едва можно было сдерживать скептическую усмешку, считывая нескромным образом возраст матроны Пенелопы и приятное число лет Иокасты или сравнивая комически результат этого вычисления с трагедией любовных бурь, живописуемых в сказании и в драме. Не знали мы тогда (да и знает ли об этом кто-либо сейчас?), что мать может означать для сына всепожирающую страсть, которая, должно быть, подтачивает всю его жизнь и трагически разрушает ее в такой мере, что грандиозность Эдиповой участи является перед нами ни на йоту не преувеличенной. Редкие и патологически ощущаемые случаи, когда, например, мы слышим, что сын Нинон де Ланкло убивает себя, узнав, что горячо любимая им Нинон есть его мать, как-то большей частью слишком далеки от нас, чтобы вызвать живое впечатление. Если же мы следуем путем, который предначертан Фрейдом, то мы достигаем живого познания наличности таких возможностей, которые, будучи слишком слабыми, чтобы вынудить кровосмешение, в то же время достаточно сильны, чтобы вызывать нарушения душевной деятельности в значительных масштабах. Допущение подобных возможностей в себе не обходится без первоначального возмущения нравственного чувства; это суть противления, слишком легко ослепляющая

интеллект, делая благодаря этому невозможным самопознание. Удастся же нам снять с научного познания оценки, даваемые чувством, и вот пропасть, отделяющая наше время от античного, уже замощена, а мы сами видим с изумлением, что Эдип все еще для нас вполне живой образ. Значительность такого впечатления не должна быть недооцениваема: это воззрение учит нас тождественности элементарных человеческих конфликтов, которые находятся по ту сторону времени и места. Конечно, то, что охватывало трепетом эллинов, все еще истинно, но для каждого из нас оно становится истинным лишь постольку, поскольку мы покидаем тщеславную иллюзию наших последних дней, согласно которой мы иные, нежели древние, а именно нравственное их. Нам ведь удалось лишь забыть о том, что с античным человеком нас связывает неразрывная общность. Но только так открывается до сих пор ненаходимый нами путь к пониманию античного духа, а именно путь *внутреннего сочувствия*, с одной стороны, и *интеллектуального понимания* — с другой. Обходным путем через засыпанные подстройки собственной души овладеваем мы живым смыслом античной культуры, и только этим способом мы и обретаем ту прочную точку вне нашей собственной культуры, с которой становится возможным объективное понимание ее течений. В этом, по крайней мере, заключается надежда, черпаемая нами из нового открытия бессмертности Эдиповой проблемы»⁴¹.

Здесь же дана и интересная для нашего рассмотрения инцестуозная интерпретация образа Сфинкс, — она яко-

бы не более, чем символическое изображение *страха перед матерью*, который и побеждает Эдип.

«Слово «сфинкс» во всем цивилизованном мире указывает на «загадку»; это — таинственное существо, загадывающее загадки, подобно сфинксу Эдипа, стоявшему у врат его судьбы как символическое возведение неотвратимого. Сфинкс представляет собой звероподобное изображение той материнской «*imago*», которую можно обозначить как «страшную мать», от которой в мифологии сохранились еще обильные следы. К мифу об Эдипе такое толкование вполне подходит. <...> Сфинкс в его традиционном виде представляет собой смешанное получеловеческое, полужверное существо, к которому мы должны подходить с теми материалами, какие вообще имеют силу по отношению к подобным продуктам фантазии. Я сошлюсь здесь прежде всего в общей форме на положения... о звероподобных образах *libido*. Аналитику этот способ изображения хорошо знаком по сновидениям и фантазиям невротиков (и нормальных людей). Влечение охотно находит свое отображение в животном: в быке, лошади, собаке и так далее. <...> В зверином виде представленная *libido* — это не что иное, как «животная» сексуальность, пребывающая в вытесненном состоянии. Как известно, история вытеснения имеет свои корни в проблеме кровосмешения, на почве которой дают себя чувствовать нервные побудительные мотивы к моральному противлению сексуальности. Объекты вытесненной *libido* — это в конечном счете «*imagines*» отца и матери; поэтому-то и зверопо-

добные символы, поскольку они символизируют не просто libido вообще, часто содержат изображение отца или матери (например, отца в виде быка, матери в виде коровы). Из этого корня, по-видимому, берут свое начало... и звероподобные атрибуты божества. Поскольку вытесненная libido при известных условиях снова появляется в форме страха, символами служат по большей части животные устрашающего характера.

*Сознательно мы всею душою чтим мать, во сне же она преследует нас как страшное животное. Сфинкс с мифологической точки зрения и представляет собой это нагоняющее ужас животное, обнаруживающее явственные черты чего-то производного от матери: в сказании об Эдипе Сфинкс послана Герой, ненавидевшей Фивы как место рождения Вакха⁴². Одержав победу над Сфинкс, представляющей не что иное, как страх перед матерью, Эдип должен добиваться руки своей матери, ибо трон и рука овдовевшей царицы Фив должны были достаться тому, кто освободит страну от сфинксовой напасти. Генеалогия Сфинкс обнаруживает множество точек соприкосновения с затронутой нами проблемой: Сфинкс — дочь Ехидны, смешанного существа, представляющего сверху прекрасную деву, снизу — отвратительную змею. Эта двойственность соответствует образу матери: сверху — человеческая, привлекательная, достойная любви половина, а снизу — страшная, звериная половина, превращенная запретом кровосмешения в нагоняющего ужас зверя. Ехидна происходит от матери-земли, *Всематери* Геи, которая родила ее на свет от Тартара⁴³, олицетворенного подземного царства⁴⁴ (места*

страха). Со своей стороны, Ехидна — мать всех ужасов, Химеры, Сциллы, Горгоны⁴⁵, чудовищного Цербера, немейских львов и орла, который пожирал печень Прометея; кроме того, она еще произвела на свет целый ряд драконов. Одним из ее сыновей является также Ортр, собака чудовищного Гериона, убитого Гераклом. В кровосмесительном совокуплении с этой собакой, своим сыном, Ехидна и произвела на свет Сфинкс⁴⁶. <...> Сфинкс представляет кровосмесительно отщепленную на заре жизни долю libido из отношения к матери»⁴⁷.

Ученику так и не суждено было стать вровень с Учителем, — однако названные ими комплексы стоят рядом, подле друг друга; о «комплексе Электры», правда, заговаривают лишь когда речь заходит о «комплексе Эдипа». И все же ни один из последующих эпонимов не смог — по известности — хотя бы сравняться с ними.

Лиха беда начало — и вслед за появлением «комплекса Эдипа» и вытесняющего его — буквально и фигурально — «комплекса кастрации» наступает эпоха комплексов; они видятся во всем и повсюду. Этот дискурсивный взрыв усиливается практикой психоаналитических патографий и особенно теми аналитическими приложениями, которые Фрейд назвал «не-врачебным психоанализом» — психоанализом мифологии, литературы, искусства и прочего. И странное дело — сплошь и рядом обнаруживаются комплексы, и во многих из них заметны на-

дежно сокрытые, а иногда и вполне явные мотивы кровосмешения, в их бесчисленных контекстах (великолепный образчик этой инцестуозно-либидозной озабоченности, пример для подражания — те же «Метаморфозы и символы либидо» Юнга).

«Одновременно с... пространственным распространением психоанализа, — говорит Фрейд, — произошло обогащение его содержания благодаря перенесению его с невропатологии (учения о неврозах) и психиатрии на другие области знания. <...>

Впрочем, все это в зародыше, мало разработано, большей частью только начинания, а иногда даже одни лишь намерения. Кто справедливо рассуждает, тот не найдет в этом обстоятельстве никакого основания для упрека. Перед чудовищной массой заданий стоит небольшое число работников, большая часть которых работает главным образом в какой-нибудь другой области, и вынуждена браться за специальные проблемы с неподготовленностью дилетантов. Эти приходящие от психоанализа работники нисколько не скрывают, что они дилетанты, они хотят быть только путеводителями и сторожевыми постами для специалистов и рекомендовать последним аналитическую технику и предпосылки для применения в их работах. Если достигнутые результаты теперь уже довольно значительны, то это, с одной стороны, следствие продуктивности аналитической методики, с другой — за это следует благодарить то обстоятельство, что появились исследователи, которые, не будучи сами врачами, поставили задачей своей жиз-

ни применение психоанализа к наукам о духе. Большая часть этих трудов исходит, как это вполне понятно, из указаний, данных в моих первых аналитических работах. Аналитическое исследование нервноболевных и невротических симптомов нормальных людей дало основание предполагать такие психологические соотношения, которые никак не могут иметь значение только в той области, в которой они стали известны. <...>

Исходя из аналитического объяснения типичных сновидений стало возможным понимание многих мифов и сказок. Риклин и Абрахам последовали этому указанию и начали те исследования мифов, которые впоследствии нашли свое завершение в трудах Ранка по мифологии, отвечающих всем требованиям специалистов. Дальнейшая разработка символики сновидений привела к важнейшим проблемам мифологии, фольклора (Джонс, Шторфер) и религиозных абстракций. Глубокое впечатление на слушателей произвел на одном из психоаналитических конгрессов ученик Юнга, доказавший сходство шизофренических фантазий с космогониями эпохи первобытных племен. Не совсем убедительную, но все же очень интересную обработку нашел позднее мифологический материал в работах Юнга, который хотел установить связи между невротикой, религиозными и мифологическими фантазиями.

Другой путь вел от исследования сновидений к анализу поэтических творений и, наконец, самих поэтов и художников. На первом этапе его оказалось, что вымышленные поэтами сны часто поддаются так же анализу, как и настоящие (Gradiva). Понимание бессознательной душевной деятельности дало впервые возможность получить представление о сущности твор-

ческой работы поэта. Настоящее понимание значения инстинктивных влечений, которое необходимо вытекало из исследования невроза, позволило уяснить источники художественного творчества и выдвинуло проблему о том, каким образом художник реагирует на эти импульсы и какими средствами маскирует свои реакции... Большая часть аналитиков, не чуждых широких интересов, приняли своими трудами участие в разработке этой самой привлекательной проблемы из числа тех, к которым применен был психоанализ. Естественно и здесь не обошлось без возражений со стороны лиц, незнакомых с психоанализом, и выражались они в таком же непонимании и страстном отрицании, как и на родной почве психоанализа. С самого начала следовало ожидать, что повсюду, куда бы не проник психоанализ, ему придется выдержать ту же самую борьбу с местными силами. Только эти попытки вторжения еще не во всех областях привлекли внимание, какое будет уделено им в будущем. Среди строго научных литературных применений анализа на первом месте стоит солидный труд Ранка об инцесте, содержание которого несомненно вызовет в высшей степени враждебное отношение. Лингвистические и исторические работы на почве психоанализа еще немногочисленны. Я сам осмелился в 1910 г. впервые коснуться религиозно-психологической проблемы, проведя параллель между религиозным церемониалом и невротическим. Священник д-р Пфистер в Цюрихе в своей работе о набожности графа фон Цирндорфа так же, как и в других работах, доказал, что религиозная мечтательность сводится к проявлениям извращенной эротики; в последних работах цюрихской школы наблюдается, наоборот, намеренное введение в анализ религиозных представлений.

В четырех статьях о тотеме и табу я сделал попытку работать с помощью психоанализа проблему психологии народов, которая вела непосредственно к происхождению наших важнейших культурных установлений: государственных порядков, нравственности, религии, также и к запретам кровосмешения и повелениям совести. Насколько выяснившиеся при этом взаимоотношения будут способны выдержать критику, в настоящее время еще знать нельзя.

Первый пример применения аналитического мышления к эстетическим темам дала моя книга «Остроумие и его отношение к бессознательному». Все дальнейшее ждет еще работников, которые как раз в этой области могут собрать богатую жатву»⁴⁸.

Однако этот стихийный процесс скоро стихает; возможно, он просто маскируется, перетекая в повседневную практику, — и уже каждый исповедующий анализ считает чуть ли не своим долгом открыть и денотировать какой-либо комплекс: подавляющее их большинство имеет непосредственное отношение к инцестной сексуальности.

Античная мифология — ее поверхностные пласты, известные всем, ее знакомые, нарицательные имена — подвергается активной утилизации, и древние образы приобретают все новые и новые коннотации; она уже — не более чем сокровищница эпонимов, понятных любому — ведь классическое образование отменили еще не везде,

и дети все еще страдают под гнетом латинских спряжений и греческих глаголов, сопровождающих деяния богов и героев, и заставляют страдать учителей.

Все образованны, и каждый хорошо знает, кто такие Эдип и Иокаста, Полиник и Антигона, Агамемнон и Клитемистра, Орест и Электра и другие, множество других — знает в гротескном, опошленном преломлении, в морально-дидактическом варианте, в нарочитой перспективе театра кукол.

Важнейшие этико-теософские поступки, стилистика поведения, связанная со свободным волеизъявлением гражданина полиса, трагические удары судьбы превращаются в стыдные наказания, невротические деформации, непристойные влечения, — как если бы они были совершены на наших — и притом сегодня — глазах.

Она все еще существует, эта *полифония инцестов*.

* * *

Остается взглянуть на эти нелепые комплексы, — некоторые из них, так как их число весьма велико; описания многих из них сопровождаются краткими пояснениями причин именно такой эпонимии.

Итак, **комплекс Антигоны** — неосознаваемое сексуальное влечение дочери к своему отцу; отличие от комплекса Электры — враждебность к матери не вы-

ражена. Пояснение: *Антигона*, дочь царя Эдипа, сопровождала его, когда он был ослеплен жителями Фив и изгнан на чужбину.

Трагическое самоистязание, стилистически выдержанный, этически безупречный поступок, жалкая и одновременно героическая судьба, полная лишений и скитаний, — росчерком пера превращены в акт наказания развратника.

Комплекс Гризельды — инцестуозное влечение отца к дочери, проявляющееся в упорном нежелании уступить иному мужчине право на обладание дочерью; отец особенно ревниво следит за поведением дочери, ограничивает ее контакты и упорно препятствует ее выходу замуж. В отношении к дочери как бы «оживает» дремлющий комплекс Эдипа: дочь замещает мать. Пояснение: *Гризельда* — героиня «Декамерона» Дж. Боккаччо. Термин введен психиатром-психоаналитиком Дж. Патнэмом.

Комплекс Федры — сексуальное влечение матери к своему сыну, чрезмерная эмоциональная привязанность. Мать стремится контролировать поведение сына, препятствует его отношениям с женщинами, вступлению в брак. Пояснение: *Федра* — жена афинского царя Тесея, влюбившаяся в своего пасынка Ипполита.

Комплекс Иокасты — патологическая привязанность матери к сыну с сексуальным подтекстом. Харак-

теризуется переходящей границы разумного заботой о сыне, уничижительной покорностью и преданностью ему. Как и комплекс Гризельды, может стать основой инцеста.

Комплекс Ореста (отчего же не Алкмеона?) — сыновняя ненависть к матери за аморальное отношение к отцу, поклонение отцовскому праву на абсолютное владение матерью. Пояснение: *сын греческого царя Агамемнона Орест, согласно мифу, казнил мать за измену отцу и его убийство.*

Комментарии, думается, излишни.

Примечания

¹ Тем не менее не только выделенные, но и многие из названных методов инспирированы психоаналитическими воззрениями; это также касается интегративной и эклектической психотерапии.

² В целом поведенческие методы изначально были гораздо менее идеологически ангажированы, прежде всего в силу своей первичной лабораторно-экспериментальной направленности и, следовательно, относительной однотипности.

³ (Dejerine J., Gauckler E.) Дежерин Ж., Гоклер Е. Функциональные проявления психоневрозов, их лечение психотерапией: Пер. с фр. Вл. Сербского. — М.: Книгоизд-во «Космос», 1912. — VII, 517 с.

⁴ Здесь и далее цитаты, касающиеся истории психоанализа, почерпнуты из: (Freud S.) Фрейд З. Очерк истории психоанализа:

Пер. с нем. И.Л. Савранского/Под ред. М.В. Вульфа.— Одесса: [Книгоизд-во «Психе»], 1919. — 52 с.

⁵ Это кафедра психотерапии Украинского института усовершенствования врачей, основанная в 1962 г.

⁶ Если быть хронологически корректным, то большинство методик психотерапии «new wave» появляются ранее, в середине XX века, однако именно в последней трети XX века наблюдается тот дискурсивный взрыв, который, наряду с иными факторами, и послужил причиной диссолютивных тенденций.

⁷ Подходы и концепции, методы и методики психоаналитически ориентированной психотерапии персонифицированы отнюдь не в меньшей степени, нежели классический психоанализ и его основные ветви.

⁸ Как сфера личности «Я», согласно Фрейду, происходит от «комплекса Эдипа» и руководствуется принципом реальности.

⁹ «Сверх-Я» возникает на основе «Я» под влиянием чувств раскаяния и вины (в целом — также «Эдипова комплекса», распадающегося под влиянием «комплекса кастрации») и является преимущественно продуктом социально-бытовых традиций и культуры.

¹⁰ Они названы так потому, что рот, анус и пенис соответственно полагаются — на протяжении этих стадий — главными источниками сексуального наслаждения.

¹¹ Оральный характер проявляется у лиц с фиксацией на оральной стадии. Типичными его чертами являются оптимизм и пессимизм, щедрость, легкая смена настроений, болтливость, жадность и склонность заниматься желанными размышлениями. Термин «анальный характер» используется для ссылки на реактивные образования, на анальный эротизм, компульсивные упрямство, аккуратность, скупость, но может относиться и к противоположным чертам. Индивид с «фаллическим характером» понимает сексуальное поведение как проявление силы. «Генитальный характер» проявляется у лич-

ности, прошедшей полный анализ, которая разрешила свой «комплекс Эдипа», «пробила себе дорогу» через прегенитальную амбивалентность и достигла генитального уровня психосексуального развития. Человек с генитальным характером полностью свободен от инфантильной зависимости.

¹² Всевозможные практики «очищения» широко использовались в греческой религиозной обрядности. Хорошо знакомое грекам представление о катарсисе было перенесено из религиозно-медицинской сферы в эстетическую.

¹³ Исследование применения термина «катарсис» у Аристотеля и других античных теоретиков подтверждает, по-видимому, правильность терапевтического истолкования.

¹⁴ Цит. по: (*Dadoun R.*) Дадун Р. Фрейд: Пер. с фр. Д.Т. Федорова/Предисл. А.М. Руткевича. — М.: изд-во АО «Х.Г.С», 1994. — С. 42.

¹⁵ Нельзя недооценивать тот факт, что Фрейд происходил из еврейской семьи с ее выраженной патерналистской установкой.

¹⁶ Письмо от 15 октября 1897 г.

¹⁷ Не исключено — сохранись «Эдип» Эсхила, — и психоанализ внимал бы иной поэтике.

¹⁸ Фрейд, однако, обращается и к другим классикам, например, Дидро. Его он цитирует в «Кратком курсе психоанализа»: «Если бы дикий малыш, — пишет Дидро, — был предоставлен самому себе, сохранил бы всю свою глупость и добавил к непониманию ребенка из колыбели силу страсти тридцатилетнего человека, он свернул бы шею своему отцу и улегся в постель с матерью».

¹⁹ Об этом, в частности, см.: Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. — М.: Политиздат, 1990. — 397 с.

²⁰ Как мы уже знаем, ранее Фрейд говорил нечто подобное о концептах «переноса» и «сопротивления».

²¹ Я могу лишь присоединиться к этим упрекам: то смешение этно-культуральных, социетально-матримониальных и прочих контекстов инцеста, которое допустил Фрейд в дальнейшем развитии представлений об *инцестуозности* и *экзогамии* (например, «Тотем и табу»), конечно же недопустимо.

²² Перевод Д. Мережковского.

²³ Фрейд вновь-таки ошибается — или намеренно искажает смысл суждения: речь в данной цитате идет не об осуждении Эдипа, а о том, что о судьбе судят только по завершении жизненного пути.

²⁴ Снова искажающая интерпретация, сравним: Жить надо просто, как позволит доля. / Брак с матерью! Иной и в вешем сне / Его свершит; и чем скорей забудет, / Тем легче жизнь перенесет свою.

²⁵ Цит. по: (Freud S.) Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции: Пер. с нем. Г.В. Барышниковой / Авт. очерка о Фрейде Ф.В. Бассин, М.Г. Ярошевский. 2-е изд., стереотип. — М.: Наука, 1991. — С. 211.

²⁶ Цит. по: (Freud S.) Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности: Пер. с нем. — М.; Пг., 1923. — С. 101.

²⁷ Бисексуальность — еще один важный концепт психоанализа, принятый Фрейдом далеко не сразу; подробно см.: (Wittels F.) Вумпельс Ф. Фрейд, его личность, учение и школа: Пер. с нем. Г.Б. Таубмана / Вступ. ст. М. А. Рейснера. — Л.: Госиздат, 1925. — 199 с.

²⁸ Цит. по: (Freud S.) Фрейд З. Психоаналитические этюды / Сост. Д. И. Донского, В. Ф. Круглянского; Послесл. В. Т. Кондрашенко. — Мн.: Беларусь, 1991. — С. 550—551.

²⁹ Там же. — С. 556—557.

³⁰ Там же. — С. 552.

³¹ Там же. — С. 552—553.

³² Там же. — С. 553—554.

³³ Там же. — С. 555—556.

³⁴ Там же. — С. 557.

³⁵ Там же. — С. 556.

³⁶ Овчаренко В. И. Психоаналитический глоссарий. — Мн.: Вышэйшая школа, 1994. — С. 152, 181. Можно встретить утверждения, согласно которым «комплекс Электры» введен самим Фрейдом.

³⁷ Он не был открыт интроспективно, на себе, он не вызвал такой полемики, он не имеет первичного — мифологического или хотя бы драматического — инцестуозного наполнения; эти сравнения можно продолжить.

³⁸ Напомню, что Аменхотепа IV, или Эхнатона, называют прототипом образа Эдипа.

³⁹ Цит. по: (*Jung C.G.*) Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления: Пер. с нем. И. Булкиной. — К.: AirLand, 1994. — С. 161 — 162.

⁴⁰ Цит. по: Там же. — С. 170—171.

⁴¹ Цит. по: (*Jung C.G.*) Юнг К. Г. Либидо, его метаморфозы и символы: Пер. с нем./Под общ. ред. А.И. Белкина, М.М. Решетникова; Предисл. Б. Вышеславцева. — С.-Пб.: Восточно-Европейский Ин-т Психоанализа, 1994. — С. 19—21.

⁴² Более известна иная трактовка — Сфинкс была действительно послана Герой, но как наказание за грех Лаия, похитившего и обесчестившего Хрисиппа, сына Пелопа.

⁴³ Такая трактовка действительно встречается у Аполлодора, однако чаще Ехидну называют дочерью Форкия и Кето, внучкой Геи и Понта.

⁴⁴ Речь идет о Тартаре персонифицированном («Теогония» Гесиода). Он — в числе четырех первопотенций, наряду с Хаосом, Геей и Эросом.

⁴⁵ Горгон называют дочерьми Форкия и Кето, — следовательно, Ехидне они приходятся сестрами.

⁴⁶ Так было в древней версии рождения Сфинкс, которая тогда носила имя «Фикс» («Теогония» Гесиода). Тем не менее принято

считать, что Сфинкс рождена Ехидной от Тифона; однако и в этом случае она все равно является плодом кровосмешения, — согласно «Теогонии» Гесиода, Ехидна и Тифон имеют общих родителей, т. е. являются братом и сестрой. (В кровосмесительном же соитии с Ортром (Орт, или Орф) Ехидна родила немейского льва.)

⁴⁷ Цит. по: (Jung C.G.) Юнг К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы: Пер. с нем./Под общ. ред. А.И. Белкина, М.М. Решетникова; Предисл. Б. Вышеславцева. — С.-Пб.: Восточно-Европейский Ин-т Психиатрии, 1994. — С. 184—187.

⁴⁸ (Freud S.) Фрейд З. Очерк истории психоанализа: Пер. с нем. И.Л. Савранского / Под ред. М.В. Вульфа. — Одесса: [Книгоизд-во «Психе»], 1919. — С. 24—26.

17. Ретрография образа Эдипа

18. Культурная биография «комплекса Эдипа»

образ

Эдипа

Ретрография

Образ Эдипа, пережив пик своей популярности в античности, неоднократно привлекал внимание и после классической древности. Каждый век предлагал свои интерпретации, однако все они, до появления «Толкования сновидений» Фрейда — невзирая на их исключительное разнообразие и понятную разноплановость, — представляются единым целым, так как после 1900 г. Эдип никогда больше не был свободен от преступно-инцестуозных стигм, которыми наделил его психоанализ.

XIV век

Тема Эдипа вновь появляется в литературе Возрождения (в частности, у Боккаччо).

XVI век

Известны несколько обработок «Царя Эдипа», принадлежащих второстепенным авторам.

XVII век

Пьер Корнель придает своему «Эдипу» (1659) достаточную долю любовной интриги; он использует, в частности, образ Эдипа для критики воззрений Аристотеля, — кстати, в области учения о «катарсисе».

В «Рассуждении о трагедии и о способах трактовать ее согласно законам правдоподобия или необходимости» (1660) Корнель пишет: «Трагедия посредством сострадания и страха очищает страсти. Положение это принадлежит Аристотелю, и мы узнаем из него, во-первых, что трагедия возбуждает сострадание и страх, и, во-вторых, что посредством сострадания и страха она очищает страсти. <...>

Чтобы облегчить способы к возбуждению сострадания и страха, Аристотель делает нам некоторые указания на то, какие лица и какие события по преимуществу способны вызывать и то и другое. <...>

Во-первых, он не хочет, «чтобы человек вполне добродетельный из благополучия впадал в несчастье», и утверждает, что «это не вызывает ни сострадания, ни страха, потому что такое событие совершенно несправедливо». <...> К этому я прибавлю, что подобный исход вызывает скорее негодование и ненависть к тому, кто заставляет страдать, чем сострадание к страждущему, и что чувство это, свойственное трагедии только в крайне умеренной степени, скорее может заглушить то, которое она должна возбуждать. <...>

Он не хочет также, чтобы «злой человек от несчастья переходил к благополучию, потому что такой исход не только не может породить ни сострадания, ни страха, но не может даже тронуть тем естественным чувством радости, которым наполняет нас благополучие главного действующего лица, привлекающего к себе нашу благосклонность». Падение злодея в несчастье удовлетворяет нас вследствие отвращения, которое мы к нему питаем; но так как это только справедливое наказание, оно несколько не возбуждает в нас сострадания и не поселяет в нас никакого страха, тем более что мы не такие злодеи, как он, неспособны к подобным преступлениям и не можем страшиться такого пагубного исхода.

Остается, таким образом, найти середину между этими двумя крайностями, избрав человека, который не был бы ни вполне добродетелен, ни вполне зол и который по вине своей или по человеческой слабости впадает в несчастье, которого он не заслуживает. Для примера Аристотель указывает на Эдипа и Тиеста¹; но тут я решительно не понимаю его мысли. На первом, по моему мнению, не лежит вины в отце-

убийстве, потому что он не знает своего отца, он только с горячностью оспаривает путь у незнакомца, готового одолеть его. <...> Но допустим, что Эдип был виновен; я все-таки не вижу, какую страсть дает он нам для очищения и в чем мы можем исправиться по его примеру. Что же касается Тиеста, то я не могу открыть в нем ни обыденной честности, ни той вины без преступления, которая повергает его в несчастье. Если мы станем рассматривать его до начала трагедии, носящей его имя, то это — кровосмеситель, обольщающий жену своего брата; если же мы будем рассматривать его в самой трагедии, то это — человек прямодушный, примирившийся со своим братом и положившийся на его слова. В первом случае он очень преступен; в последнем — он очень добродетельный человек. Если мы припишем его несчастья совершенному им кровосмешению, то это такое преступление, на которое зрители не способны, и их сострадание к нему не вызовет у них очищающего страха, так как в Тиесте они не будут видеть себе подобного. Если же мы сочтем причиной его бедствия прямодушие, известный страх может последовать за нашим состраданием, но он очистит разве только прямодушную доверчивость к слову примирившегося врага, которая является скорее качеством честного человека, чем порочной привычкой; но такое очищение способно только изгнать искренность из всякого примирения. Итак, говоря откровенно, я вовсе не понимаю приложимости этого примера».

И далее: «Он (Аристотель) говорит, что в этой трагедии («Эдип») соединены все необходимые условия; однако же бедствия Эдипа возбуждают только сострадание, так как я не ду-

маю, чтобы у кого-нибудь из зрителей вместе с сожалением мог зародиться страх убить своего отца и жениться на матери. Если представление этой трагедии может вызвать у нас некоторый страх и если этот страх способен очистить в нас какую-нибудь порочную или достойную порицания склонность, то он очистит стремление предугадывать будущее, воспрепятствует прибегать к предсказаниям, которые обыкновенно повергают только нас в предсказанное несчастье благодаря тем стараниям, которые мы прилагаем, чтобы избежать его. В самом деле, несомненно, что Эдип никогда не убил бы отца своего и не женился бы на матери, если бы его отец и мать, которым оракул предсказал, что это случится, не навлекли бы на него этого несчастья из опасения, чтобы оно не совершилось. Таким образом, не только Лаий и Иокаста будут виновниками ощущаемого зрителем страха, но страх этот может родиться лишь от мысли о преступлении, совершенном ими за сорок лет до начала представляемого действия, и запечатлевается в нас не главным действующим лицом, а другими и действием, стоящим вне трагедии»².

Два десятилетия спустя того же «Эдипа» обрабатывает Джон Драйден в соавторстве с Ли.

XVIII век

Следует назвать раннюю трагедию Вольтера «Эдип» (1718), в основу которой он положил мысль о губительных последствиях запретной любви; для подкрепления

этой идеи он снабжает каждого из главных героев — Эдипа и Иокасту — наперсниками.

Пьеса дана была 45 раз; стихи из нее заучивались на память. Столкновение мнений за и против нее породило целую литературу.

В качестве курьеза — характерного, впрочем, для первой половины XVIII века — называют творчество некоего Ля Турнеля, который в 1730—1731 гг. сочинил на сюжет «Эдипа» не более и не менее чем четыре (!) отдельных пьесы, из которых ни одна так и не была поставлена.

Интереснейшую характеристику «Царя Эдипа» Софокла — как «трагического анализа» — дает Шиллер в письме к Гете от 2 октября 1797 г. Им высоко была оценена разработка сюжетной ситуации, которая, по его словам, предоставляет драматургу «неисчислимые выгоды».

XIX век

В начале века античная трагедия занимает видное место в литературно-критических работах братьев Ф. и А. Шлегелей; к ним восходят попытки определить «трагическую вину» Эдипа.

В 1828 г. А. фон Платен пишет сатиру «Романтический Эдип».

Несколько замечаний высказал об Эдипе Гегель: Эдип берет на себя объективную ответственность за то, что он сделал в неведении, и, таким образом, является столь же виновным, сколь и невиновным.

* * *

Однако, прослеживая, пусть даже всего лишь в виде нескольких кратких штрихов, историю послеантичных обращений к образу Эдипа, не стоит уподобляться Фрейду и забывать, что Эдип — отнюдь не исключительная фигура, он не более чем один из сотен персонажей [античной] мифологии, имевший не только современников и последователей, но и предшественников, — и каких!

В целом, оглядываясь назад, мы можем видеть четырех различных персонажей, между которыми общим является разве что имя да еще, отчасти, сюжетная канва:

Эдип эпический, героико-мифологический персонаж, каким мы видим его еще у Гомера;

Эдип трагический, познавший в полной мере ужас инцестуозного сожительства (Эсхил), стремящийся знать и подвергший себя ужасному наказанию; Эдип, каким ему следует быть (Софокл);

Эдип сценический, скорбный странник, проходящий сквозь эпохи и театры, равночужой, равнодалекий; он уже мало чем напоминает прежние свои «воплощения».

Эдип невротический, странным образом обретший себя и свой мир, со своей долгой жизнью, внезапно свернувшейся в несколько искаженных поясняющих строк; личный Эдип каждого, изнанка его богобоязненной души.

Культурная биография «Комплекса Эдипа»

В первые десятилетия XX века к «Эдипу» обращаются Х. фон Гофмансталь — «Эдип и Сфинкс» (1906 и 1909) и, вслед за тем, Ж. Кокто — в пьесе «Адская машина» (1928). Однако все интерпретации образа Эдипа после откровений Фрейда настолько инспирированы психоаналитическими воззрениями, что читатель-зритель всегда заранее знает, о чем пойдет речь.

Это почти молниеносное — вопреки сетованиям самого Фрейда — проникновение ряда психоаналитических концептов, и прежде всего «Эдипова ком-

плекса», в социокультурное пространство привело к тому, что возникла сохраняющаяся по сей день дилемма: говорить о подобных трактовках как-то неловко, но и замолчать их вроде бы не с руки. Способность большинства психоаналитических построений к сродству, их надоедливое однообразие, легкость прогнозирования обусловленного ими сюжета и пр. стали причиной своеобразного расщепления литературы — художественной — на классы, в одном из которых говорилось о *вытеснении, под-сознательном, сексуальном либидо* и конечно же об *амбивалентно-инцестных влечениях*, тогда как в другом подобные выражения избегались словно инвективные или обscene.

Миф об «Эдиповом комплексе» — его реальности, его власти, его приметах и последствиях — настолько проник в плоть современной культуры, что инцестные желания считаются как бы сами собой разумеющимися, по крайней мере у ребенка, а сами понятия «инцест» и «Эдипов комплекс» идентифицируют и даже употребляют как синонимические.

При этом Фрейда нещадно исправляли и даже корректировали — правда, всегда почему-то в сторону социокультурной экспансии. Одну из множества таких попыток — в рамках «культурного психоанализа» — принял Эрих Фромм.

«По Фрейду, — говорит Э. Фромм, — Эдипов комплекс — сердцевина всякого невроза: душевное нездоровье возникает в том случае, когда ребенок не преодолевает инфантильной привязанности к родителю противоположного пола. Фрейд считал неизбежным тот вывод, что инцестуозные импульсы являются глубоко укорененной человеческой страстью. Он вынес это впечатление из изучения клинического материала; повсеместность табу на инцест послужила дополнительным аргументом в пользу этого тезиса. Однако все значение открытия Фрейда выявляется тогда, когда мы переносим этот вывод с сексуальной сферы на межличностные отношения. Сущность инцеста не в сексуальном стремлении к членам одной семьи. Это стремление в том виде, как его находят, есть лишь одно из выражений гораздо более глубокого и фундаментального желания оставаться ребенком, привязанным к тем оберегающим фигурам, из которых мать — первая и самая важная. Плод живет вместе с матерью и за счет нее; и акт рождения является всего лишь первым шагом к свободе и независимости. Дитя после рождения все еще во многих отношениях неотъемлемая часть матери; его рождение в качестве независимого человека занимает многие годы — этот процесс продолжается фактически всю жизнь. Отсечение пуповины не в физическом, а в психологическом смысле — великий вызов развитию человека, а также самая трудная его задача. Пока человек соединен этими первоначальными нитями с матерью, отцом, семьей, он чувствует себя в безопасности. Он все еще плод, кто-то другой за него отвечает. Он не желает быть «отдельным» существом, облеченным ответственностью за свои действия,

обязанным выносить суждения, «брать жизнь в собственные руки». Оставаясь ребенком, человек не только избегает фундаментальной тревоги, necessarily возникающей при полном осознании своего «Я» как отдельного существа, но также радуется безопасности, теплу и несомненной близости; но он платит за это высокую цену. Ему не удастся стать полноценным человеческим существом, развить способность к разуму и любви; он остается зависимым и сохраняет чувство непрочности, которое проявляется, как только первичным нитям угрожает разрыв. Все его умственные и эмоциональные действия связаны с авторитетом первичной группы; поэтому его убеждения и интуиции ему не принадлежат. Он чувствует симпатию, но это животная симпатия, тепло стойла, а не человеческая любовь, которая предполагает в качестве своего условия свободу и независимость. Инцестуозно ориентированный человек способен к чувству близости с теми, с кем он знаком, но не способен тесно связать себя с «незнакомцем», то есть с другим человеческим существом как таковым. В такой ориентации все чувства и идеи оцениваются не в терминах добра и зла, истины и лжи, а в терминах знакомого и незнакомого. Когда Иисус говорил: «...ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф., 10:35), он не имел в виду проповедь ненависти к родителям, но высказывал в самой недвусмысленной и резкой форме тот принцип, что человек, чтобы стать человеком, должен порвать инцестуозные связи и обрести свободу.

Привязанность к родителям — только одна, хотя и наиболее фундаментальная, форма инцеста; в процессе социальной эволюции домашними и родными становятся племя, на-

ция, раса, государство, класс, политическая партия, множество других институциональных форм и организаций. Здесь и корни национализма и расизма, которые, в свою очередь, суть симптомы человеческой неспособности воспринимать себя и других людей в качестве свободных существ. Можно сказать, что развитие человечества идет в направлении от инцеста к свободе. В этом — ключ к объяснению универсальности табу на инцест. Человечество не смогло бы прогрессировать, если бы не отводило от матери, отца и братьев с сестрами потребность человека в близости. Любовь к жене предполагает преодоление инцестуозных желаний: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей...» (Быт., 2:24). Но значение табу на инцест выходит далеко за эти пределы. Развитие разума и всех рациональных ценностных суждений требует, чтобы человек преодолел инцестуозность с ее основанными на знакомстве критериями правильного и неправильного.

Объединение мелких групп в более крупные, с биологическими последствиями этого объединения, было бы невозможным без табу на инцест. Неудивительно, что цель, столь настоятельная с точки зрения социальной эволюции, была защищена сильными и универсальными табу. Но хотя мы и продвинулись в преодолении инцеста, человечество еще далеко от того, чтобы победить его. Группировки, с которыми человек чувствует инцестуозную связь, стали больше, и область свободы расширилась, но связь с этими большими объединениями, заменяющими клан и земли предков, все еще очень сильна. И только полное преодоление инцестуозности позволит достичь братства людей.

Подведем итоги. Утверждение Фрейда, что Эдипов комплекс, индестуозность, есть «сердцевина невроза», имеет огромное значение для проблемы психического здоровья, если мы освободим его от узкой формулировки в сексуальных терминах и будем понимать шире, в плане межличностных отношений. Фрейд и сам указывал, что имеет в виду нечто выходящее за сферу сексуального. По сути дела, его мысль, что человек должен покинуть отца и мать и развиваться, чтобы иметь дело с реальностью, составляет главный аргумент против религии в «Будущем одной иллюзии», где религия подвергается критике за то, что связывает человека, делает его зависимым и не дает достигнуть наивысшей цели человеческого существования — свободы и независимости.

Было бы, конечно, ошибочным полагать, будто только «невротикам» не удастся выполнить эту задачу самоэмансипации, а средний приспособившийся человек достигает здесь успеха. Наоборот, великое множество людей хорошо приспособлены именно потому, что сдались в борьбе за независимость раньше и радикальнее невротиков. Они полностью согласились с оценками большинства, и поэтому их не задел болезненный конфликт, в котором оказался невротик. Хотя они и здоровы с точки зрения «приспособления», но с точки зрения осуществления своих человеческих целей больны в большей степени, чем невротики. Можно ли считать их решение правильным? Оно было бы правильным, если бы можно было без ущерба игнорировать фундаментальные законы человеческого существования. Но это невозможно. «Приспособившийся» человек, который не живет в истине и любви, защищен лишь от явных конфликтов. Если он не поглощен

работой, то должен использовать многочисленные пути, предлагаемые нашей культурой для спасения от угрозы одиночества, перед пропастью собственного бессилия и человеческой скудости. Все великие религии начинали с формулировки табу на инцест и затем переходили к позитивным формулировкам свободы. Будда требует крайности: чтобы человек избавился от всех «привычных» связей ради нахождения себя и своей реальной силы. Иудеохристианская религия не столь радикальна, но не менее недвусмысленна. В мифе об Эдеме человеческое существование описано как совершенно безопасное. У человека нет знания добра и зла, и история его начинается с акта неповиновения, который в то же время есть первый шаг к свободе и развитию разума. Еврейская, и особенно христианская, традиция подчеркнули элемент греха, но игнорировали тот факт, что именно освобождение от безопасности образует основу истинно человеческого развития. Требование разорвать путы «крови и почвы» проходит через весь Ветхий Завет. Аврааму сказано покинуть его землю и стать странником. Моисей воспитан в незнакомой обстановке вдали от семьи и даже от своего народа. Условием миссии Израиля как богоизбранного народа является то, что он покидает Египет и странствует в пустыне в течение сорока лет. Осев, иудеи снова впадают в инцестуозное поклонение земле, идолам и государству. Центральным пунктом учений пророков является борьба против инцестуозного поклонения. Они проповедуют ценности, общие для всего человечества, — истину, любовь, справедливость, нападают на государство и те светские силы, которые не осуществляют этих норм. Государство должно исчезнуть, если человек оказыва-

ется настолько к нему привязанным, что благосостояние, мощь и слава государства становятся критериями добра и зла. Та идея, что люди должны вновь отправиться в скитания и могут вернуться в свою землю лишь тогда, когда достигнут свободы и прекратят поклоняться идолам почвы и государства, является логической кульминацией принципа, лежащего в основе Ветхого Завета, и особенно мессианской концепции пророков.

Только преодолев инцестуозные связи, человек сможет критически отнестись к своей группе; только тогда он сможет судить вообще. Большинство групп, будь то первобытные племена, нации или религии, заботятся о своем собственном выживании и поддержании власти своих вождей и эксплуатируют внутреннее моральное чувство своих членов, направляя его против чужеземцев. Но инцестуозные связи, которые заставляют человека держаться собственной группы, используются группами для того, чтобы подавить его моральное чувство и способность суждения; так что человек оказывается не в состоянии критиковать свою группу за нарушение моральных принципов.

Трагедия всех великих религий заключается в том, что они нарушают и извращают принципы свободы, как только становятся массовыми организациями, управляемыми религиозной бюрократией. Религиозная организация и люди, ее представляющие, в какой-то степени начинают занимать место семьи, племени и государства. Они связывают человека, вместо того чтобы оставить его свободным, и человек начинает поклоняться не богу, но группе, которая претендует на то, чтобы говорить от его имени. Это случилось во всех религи-

ях. Их основатели вели человека в пустыню, прочь от Египта, но потом другие вожди вели его назад, к новому Египту, хотя и называли последний Землей Обетованной».

* * *

Тем не менее, несмотря на избитость этого дискурсивного слога — а концепты-маркеры психоанализа легко узнаваемы, — «комплекс Эдипа» все еще существует, и даже вдохновляет новые поколения авторов; спонтанно возникают его новые всплески.

Примечания

¹ Напомню, что Тиест (Фиест), сын Пелопа, был изгнан своим братом Атреем в наказание за соблазнение Аэропы, жены последнего. Позднее, обманутый якобы стремящимся к примирению Атреем, вернулся и по неведению принял участие в страшном пиршестве, где были поданы его дети.

² Цит. по: Хрестоматия по истории западноевропейского театра / Сост. и ред. С. Мокульского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Искусство, 1953. — Т. 1. — С. 630—633.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**К о м п л е к с
Ф р е й д а :
э п и л о г
к страстному
д е т с т в у**

Комплекс Фрейда: с Эпиглот

к
страстному
детству

Каковы же перспективы великого психоаналитического мифа, выстроенного на личном надломе путем сопряжения невольных ошибок и добросовестных заблуждений?

Поговорим об этом вне жесткой структуры повествования — вне историко-культурных параллелей, вне аналогий между аналитической драмой и аналитической же психотехникой, вне выявления инцестуозных психоаналитических инспираций. Откажемся и от углубления патографических изысканий, равно как и от дальнейшего обсуждения куль-

турной биографии «Эдипова комплекса». Тем более не станем касаться вопроса истинности, объективности «Эдипова комплекса»: он не имеет значения, — так же как не имеет значения инцест. Все это — не более чем еще один дискурсивный стиль, один из сотен тысяч, неожиданно обнаруживший сродство с современным культурным фасоном; убогая система ложных посылок и умозаключений, попавшая на благодатную почву дефицита образования: *царь Эдип убил своего отца и женился на матери*; будто он, воспылав нечистой страстью, сделал это нарочно.

**Нам нужно избавиться
от комплекса Фрейда:
мы принимаем сказанное им на веру —
то, что является всего лишь
комплексом самого Фрейда;
он вовлек нас
в свой детский невроз**

Обратимся к нескольким завершающим зарисовкам:
— сексуально-репродуктивные коннотации вокруг фигуры Эдипа;
— Фрейд, создающий новые социально-медицинские клейма;

- разрешение «Эдипова комплекса», как его видел сам Фрейд;
- сюжет, инспирированный «комплексом Эдипа»;
- наконец — почему инцест не имеет значения.

* * *

Психоаналитики ведь позабавились и с другими сюжетными линиями и персонажами «Эдипа» Софокла. Из каждой строфы, из каждого действия теперь проступает завуалированная символика телесно-репродуктивного, каждая фигура теперь коннотирована сексуально.

«Миф об Эдипе, — говорит Р. Дадун¹, — имеет множество значений, которые психоаналитические исследования стараются сделать действенными и которые придают разнообразие и определенность составляющим эдипова комплекса. Распухшие ноги Эдипа воскрешают тему героического рождения, связанную также с версией, согласно которой маленького Эдипа положили в корзину и отправили в море, а протыкание лодыжек, совпадающее с темой выкалывания глаз, подтверждает страх перед кастрацией. То, что Эдип был найден пастухом и воспитан королевской четой, которую считал настоящими родителями, соответствует схеме «семейного романа» и вере ребенка в свое славное происхождение. Образы, относящиеся к утробному периоду, присутствуют особенно часто: оставление на водах, перекресток трех дорог (это — гипотеза Абрахама), ослепление, исчезновение в лесу.

Сама Сфинкс представляет собой весьма выразительную фигуру: она осуществляет то, что Мелани Клайн называет «комбинацией образов родителей», а также служит воплощением фаллической Матери. Согласно Гезе Ройхему, Сфинкс иллюстрирует первоначальную сцену — родителей, слившихся в коитусе, и здесь можно увидеть древнюю Мать — пожирательницу и каннибалку — и древнего кастрирующего Отца, а в более широком плане — выражение общей бисексуальности человека, подтверждением которой служит также прорицатель Тиресий, являющийся одновременно мужчиной и женщиной и наблюдающий первоначальную сцену — двух сплетенных змей и т. д. То, что Эдип, несмотря на все старания, не может ускользнуть от судьбы, иллюстрирует детерминированность бессознательного, которой подчинен каждый человек и исследование которой систематически проводит психоанализ...»

**Мальчик Фрейд
старательно переписывает
картину мира,
едва поспевая за воображением:
между идишем и немецким
покорно распласталась
классическая древность**

Издавна сложились области медицинской практики, в которые скоро привнесен был некий моральный произвол, своеобразные классы оценочных суждений, стили философствования, которые легко соединились с евгенической озабоченностью и опекой над общественной нравственностью. Пациенты в них — клинические типы, типы больных, имеющие свою статику и свое особое curriculum vitae — жизнь в болезни, которая изменяет, подчас неузнаваемо, их морфологию и психику, поведение и предпочтения, внешность и нравы. Эти клинко-исторические типы² — диспластики (*habitus*), распутные (*образ жизни*), чесоточные (*гигиена тела*), вырожденцы (*наследственность*), истерики (*hysteria*), гермафродиты (*эндокриния*), люэтики (*венеризм*), извращенцы (*интимные предпочтения*), невротики (*душевная организация*), дизрафики (*конституция*), ожирелые (*рацион*), шизофреники (*Schizophrenia*), кретины (*эндемия*), нравственно-помешанные (*моральность*), табетики (*животная экономия*), марантики (*senium*) и другие.

Эти типы резко отличаются от иных, не менее известных и таких же хрестоматийно-художественных, типов, как-то: чахоточных (*бугорчатка*), прокаженных (*лепра*), хлоротиков (*бледная немочь*), подагриков (*подагра, arthritis uratica*), золотушных (*διαθεσις*’ы), диабетиков (*сахарная болезнь*) и целого сонма других,

хорошо известных; эти диагнозы-стигмы не то, чтобы ушли, но уже давно лишены морального контекста.

Есть и несколько особых типов, которые, при всей их несерьезности, ухитрились присоединиться к этому драматическому ряду; более того, для пестования этих фарсовых фигур была создана даже отдельная клиническая дисциплина — сексология. Это те типы, которые давно уже перебрались из клиники на страницы желтой прессы: импотенты (*бессилие*) и их женская аналогия — фригидные (*холодность*).

Фрейд — усердный поставщик этой скрупулезно, всем миром собираемой кунсткамеры; он добавил к пантеону уродцев ряд новых типажей — по крайней мере, до него они были совершенно другими: *гомосексуалистов* — не типаж, как у Крафт-Эбинга и Тардые, а рвущаяся наружу изначальная склонность, которая общая для всех; *мастурбантов* — не пациентов, которые совершают свои экзерсисы на глазах у изумленной публики, но взрослых мальчиков, мечтающих о женщине и считающих ее недостойной, боготворящих ее и презирующих ее; *фригидных*, рассказывающих о своем страстном желании истерическими припадками, обмолвками, непристойными ассоциациями. Но, главное, теперь появляются маленькие ревнивые кровосмесители, крошечные вредные эдипы, с ножками, опухшими от долгих часов

стояния у дверей родительской спальни, — таков, согласно Фрейду, каждый из нас.

**Папа, я не хотел, —
отчаянно шепчет маленький Шломо,
папа, прости меня...**

**Папа, простишь ли ты меня, —
шепчет старик почти сорок лет спустя, —
это моя вина...**

Тогда я желал тебе смерти...

«Все больше, — пишет Фрейд в очерке «Исчезновение эдипова комплекса», — становится ясна важность эдипова комплекса как центрального феномена сексуального периода раннего детства». В примечании к «Трем очеркам по теории сексуальности» он высказывается еще более ясно и решительно: «Мы вправе говорить, что эдипов комплекс лежит в основе неврозов, составляет большую часть содержания этих болезней, в нем детская сексуальность, оказывающая позднее решающее влияние на сексуальность взрослого человека, достигает своей кульминации. Перед всяким человеком встает задача подавить эдипов комплекс; если он не справляется с ней, то становится невротиком. Психоанализ научил нас по достоинству оценивать значение эдипова комплекса, и можно сказать, что различие между про-

тивниками и сторонниками психоанализа заключается в значимости, которую приписывают ему последние»³.

Изживание, переход через Эдипов комплекс является, по словам Фрейда, задачей нелегкой, скорее посвящением и испытанием, поскольку ребенку ничего другого не остается, как погрузиться во взаимоотношения с отцом и матерью, в эпицентр пересечений либидо и агрессивных влечений, предметом которых он является. Они необходимы для выработки ориентаций для собственных отношений, приложений сил и способов поведения.

Результаты разрешения «Эдипова комплекса» Фрейд прописывает во «Введении в психоанализ»:

«Начиная с этого времени человек встает перед великой задачей освобождения от родителей; и лишь выполнив эту задачу, он перестанет быть ребенком и превратится в члена общественного коллектива. Задача сына состоит в том, чтобы отвести от матери свои либидинозные устремления, направив их на реальный посторонний объект, и примириться с отцом, если по отношению к нему сохраняется некоторая враждебность, или освободиться от его тирании в результате детского бунта в случае, если он попал в его полное подчинение. Эти задачи встают перед каждым, однако следует заметить, что их осуществление редко происходит идеально, то есть в психологической и социальной гармонии».

**В Акрополе — сухой пыльный ветер;
одинокий человек
внезапно опрокидывается на землю;
от падения в Стикс его ограждают
юная идея монотеизма и
пласт материальной истории**

Мама приучала тебя к чистоте — чистые тело и помыслы, чистая дружба, чистое дыхание и чистые сны рядом с любимой благоухающей мамой. Блаженное время, особенно когда нет папы — где он, ты не помнишь, воспоминания об этом стерты: его нет рядом, и все. Задушевные ночи, проникнутые детской эротикой, чувственным любопытством и ожиданием. Эти ночи слились в одну картину, неизменную; лишь подробности время от времени подлежат обновлению: пол покрыт шатким узором ветвей, оконного переплета, тенями. Сквозь окна белеют акации в тонкой листве, в их душистом мареве таятся дома; запах цветущих деревьев теперь всегда напоминает о маме, которая лишь для тебя: она рядом, везде, всегда.

Теперь ты один: мамы больше нет. Тебе не то чтобы плохо, но не по себе — одинокий каллиграф, воспроизводящий заученные контуры воспоминаний, безразличный к своему мастерству; сонный ваятель; кокотка, уставшая нравиться. Ты хочешь бежать на улицу, хочешь

звонить ей, маме, точнее — уже себе, сюда, домой — вдруг она подойдет, кто знает. Ты вряд ли заснешь без нее, не поговорив с ней, не поцеловав ее — на ночь, на добрую ночь, не задержавшись в ее глазах, хотя ты знаешь, что был один уже много ночей. Ты решил почитать — перед сном, никуда ни денешься — вокруг ее книги, любимые ею книги: новый сладостный стиль и миракль, миннезанг и лэ, видения и саги, Бодлер и Сервантес, Гофман и Кафка, Абэ и Маркес и сотни других; но ты вспомнил, что знаешь их наизусть, ты даже можешь разыгрывать их в лицах, смеясь сам и доставляя наслаждение ей.

Лучше набрать в ванную воды, очень горячая вода, густо парит, и от этого на расписном потолке маленькие капли станут собираться в большие и падать вниз, как обычно; звук падающих капель всегда один, по крайней мере — у тебя в ванной. Дышать тяжело, зеркало покрыто водой, матовая гладь; под рукой эта вода оживает и стекает холодными ручейками, обнажая зеркальные дорожки.

Отдерни штору, посмотри вверх. Те же тополя, грубые пирамидальные деревья, те же кучевые облака, то же дождливое небо в голубых и серых разводах. И водянистые синие, акварельные сумерки. Сумерки мира, если смотреть сверху, из ванной, или из кухни, и сумерки души, если смотреть снизу, с высоты детского роста;

кажется, будто мама опять ушла, и оставила тебя одного, плохая мама.

Холодный дождь, теплый дождь... Здесь теплый дождь, только и всего. Тесно, но это твой дом. Твой и мамы, которой уже нет. И ты говоришь себе: здесь теплый дождь, а там холодный, а когда и снег. Холодный ветер, теплый ветер, рождаются дети букетами, парами, в затхлый снег и в жаркий воздух, добрые дети, пустые дети рождаются парами. А тебе не повезло, тебе не досталось пары, ты родился один, наполовину хороший, наполовину злой, никакой. Пересчитай по пальцам свои достоинства и также — что хотелось бы тебе исправить. В детстве у тебя был маленький рост и плохие волосы, теперь у тебя живот и тусклые глаза, и зачем ты кому? Ты себе лишь близкий, сон на ветру, возьми себя в руки. Ты человек самый настоящий, самый искренний, самый открытый родному Богу. Ты любишь свое тело и тяготишься им, ты хочешь содержать его в добром здравии и потекаешь его мелким слабостям, и крупным тоже. Твоя исключительность дарована грузнеющему телу, о котором приходится заботиться более, чем это необходимо для его растительного существования, и заботы о котором всегда не хватает для существования счастливого.

Перейди к первой части главного и скажи себе: «Я хочу быть любим!» А потом взгляни в запотевшее зер-

кало и спроси: «За что?» А затем повтори вновь: «Я хочу быть любим!» И еще раз, и еще, упрямо. А потом бейся, кричи, повторяй много раз: «Я хочу быть любим!!» Но никто не придет, не подберет с пола горячую воду, не вытрет зеркало, не осушит потолок и твое лицо, в конце концов, и никто не скажет тебе: ты мой любимый, ты мой маленький, ты мой хороший. А пришла бы большая няня, женщина, мать и дочь, и сказала бы: успокойся, глупый, ты мой самый любимый, ты просто устал. И вытерла бы воду, везде-везде, горячую, соленую. А потом взяла бы краски, большие цветные карандаши, такие шерстистые кисточки, и нарисовала бы новый потолок, другие хорошие разводы, спокойные. А после приобрела бы лицо твоей мамы, какой она была когда-то, когда тебя еще не было. Странно, так странно, такое превращение, такое большое уютное тело, такая добротная старая одежда, и такое любимое лицо, глаза особенно, глаза и губы, нежный рот. Это нежность, и это любовь-нежность, и это любовь. И ты прижимаешься к ней, и прижимаешь ее к себе, и говоришь, что любишь ее больше себя, а это серьезное сравнение, весомое, а она улыбается и закрывает глаза, и ты ласково говоришь с ней, и повторяешь ее имя сотни раз, и много раз произносишь то, что нельзя сказать другой и в иное время, и вообще вслух. А потом все проходит, так быстро, ты только женщину узнал в ней, ведь ты боишься помнить маму так, или не хочешь, а дочери у тебя еще не было и уже

нет, и ты идешь на кухню, и берешь свечу в латунной рюмке, у тебя опять нет света, и идешь в туалет, еще один бастион детской души, если верить Фрейду. Свеча колышется за спиной и немного сбоку, и по стенам качаются плотные тени: согбенный Приап наполняет червленую серебряную урну.

И новый день уже прокладывает себе дорогу в синих окнах, хотя еще прошлый вечер и даже не ночь. А потом ты переходишь в ванную, мыть руки, аккуратный такой мальчик, спасибо маме, а потом возвращаешься посмотреть, все ли в порядке там после тебя, — это понятно, человек не должен быть противен, даже самому себе. Так говорила, так учила мама; единственная, любимая, родная. Ей удалось рассказать тебе обо всем. Обо всем у тебя есть ее суждения и мнения, с запасом.

Ты вообще делаешь много того, что понравилось бы маме, примеряя на ее вкус: ваза с орехами в центре стола, чашки по ранжиру, белые тюльпаны в кирпично-красной вазе, всего не перечесать.

Только в комнате мамы — клубы пыли, она так не любила пыль, ей назло, зачем она ушла?

Другое дело папа, он ушел не навсегда, без боли и расставаний, просто сказал: потом. И он вернулся, отчего его уход стал обычен; ты пережил его сразу и навсегда.

Но ты не грустил, когда он решил уйти; правда, ты был обижен на маму за ее грусть, но рад, что вы остались вдвоем. Впрочем, они всегда ссорились: мама улы-

балась, когда ты трогал себя, папе это не нравилось. Но и он был тебе не по душе, когда прикасался к маме. Он занимал твое место; иногда тебе хотелось, чтобы он не возвращался с работы. У вас были причины сердиться друг на друга. Постоянно: папа узнает и будет ругаться, папа заметит и рассердится, папа придет и накажет; этот папа — просто страх Господень, зачем он нам?

Мама же любила даже твои ноги; не криви душой, ты — калека. Это папа, он не хотел, точнее, хотел как лучше; теперь ты хромаешь. Так получилось. Папа потом стеснялся тебя, немного, почти незаметно, вскользь; так, легкая тень в разговоре, тонкий намек, недомолвки по случаю; как же, сын-хромоножка. Но ей это было все равно; ты — особенный, говорила она. Или: стройные ноги — хромая душонка, иногда повторяла она, возмущенная кем-то. Она вообще взяла в привычку поддерживать тебя, утешать, но так, чтоб не нарочито.

И ты благодарен ей, благодарен, несмотря на ее поступок: как же, ушла, покинула одного; она же знала, что ты боишься оставаться один. Злая, плохая, бессердечная мама. Любимая мама.

Ты помнишь ее в деталях; это то, что ты можешь для нее сделать. Ты помнишь все: ее бесконечные глаза, серые, синие, стальные, ее мягкую молочную грудь, ее нежные голубые вены, ее пальцы, каждый из них, которые, касаясь тебя, приносили радость, и ты опрокидывался

в перевернутый мир счастья. Она целовала твои маленькие ноги, и спинку, и живот, твою бархатистую попку, твои хитрые глазки, и ее нежнейшие волосы щекотали тебя. Ты помнишь, как она смеялась, сердилась, хмурилась, как ластилась, к тебе, дурачась, как иногда стонала по ночам, ты теперь знаешь — отчего. Ты помнишь ее одежду, шубы, белье, ее щетки и шпильки, ее зеркало; поднося его к лицу, ты хочешь угадать ее черты, там, в глубине.

Ты помнишь, когда ты увидел маму обнаженной — смешно говорить, ты видел ее так сотни раз, но — забыл, маленький эгоистичный дурачок с памятью-однодневкой. Она одевалась ко сну, и тебя пронзила мысль — ты лишился всего, ведь это было твое, родное, безраздельно; казалось, по-иному не может и быть. И ты захотел вернуть себе все это, немедля, закапризничал, завредничал. Мама, как была, подхватила тебя на руки, стала журить ласково, уговаривать не быть таким противным мальчиком. А когда ты потянулся к ее груди, но уже не лицом, как раньше, а по-иному, овладевая, руками, и вложил ее себе в рот, подчеркнуто округленный, балуясь, страшась наказания, ее лицо стало строгим, лишь на мгновение, а затем проступила глубокая нежность, слегка отчаяние, затаенная страсть, захлестнувшая вас обоих... Но она быстро отпрянула: мне больно, — сказала она с раздражением, — у тебя уже зубы. И опустила тебя на ковер, и ты поковылял, потерянный.

Ты помнишь, как смотрел на ее белое тело, на рубец, рассекающий живот пополам, на мягкую большую грудь: — это сделал я, мама? — Ты не нарочно, сынок, я не сержусь; ее голос нежен.

Вы спали вместе порой, и ты пытался ее изучить: локоть, линия ног, влажная горячая пустота; она сонно вдыхала, поворачивалась к тебе, прижимая, целуя в глаза.

А потом ее тело перестало тебя волновать: она составила. Какое-то время ты еще продолжал видеть привычные черты, осанку, походку, но они все более явно менялись, теряя привычный облик. Она еще сохраняла в жестах, линии рта, улыбке ту себя, прежнюю. И ты поступил с ней как с женщиной — ты потерял к ней интерес, и понял это, и ужаснулся.

И тогда ты обратился к отцу, со страхом и раскаянием: он принял тебя. Казалось даже, он ждал тебя все эти годы, сердясь, обижаясь, страстно желая простить.

Ты помнишь, как умирал отец, ревностный папа, и дом стал похож на госпитальный островок в изножье долгих похорон. А когда он умер, ты долгие месяцы перебирал в себе, все ли ты сделал так: не заснул ли, когда он что-то просил, не пропустил ли время процедур, не прорвалось ли твое отчаяние. И еще ты мучительно боялся, не повредили ли ему твои детские желания, твое нетерпеливое ожидание его отсутствия.

И все это время мама, с ее скругленной от плача спиной, стремительно приближалась к тебе. Тебе же было все равно: ты страстно хотел вернуть его; ты бы не допустил повторения. Ты разыграл бы все по-другому: вернее, снова по-своему, но с иным завершением. Ты раздал бы иные маски и предписал бы другие слова и чувства: чистые, прочные, долгие.

Театр у маленьких в крови. Ты открывает шкаф, а там — театр, груды пыльных костюмов, ворох эпох. Ты открываешь книгу, и оттуда глядят маски, с их терпеливыми глазами и горестным ртом. Ты ищешь понимания, и слова складываются в рифмованную речь, в которой патетики больше, чем души, и порядок фраз драматичен. С детства вокруг высокие фигуры, волнистые кудри, прямые носы; классический комикс. Детство европейского мира, сохраненное для тебя драгоценного. Ты унаследовал их чистый стиль, но без радости, ты взял их пантомимику, но без живости, ты получил их Европу, но без наследных на нее прав, ты приобрел и ошибки — сполна; имя тебе — гротеск. Ты помнишь, как когда-то фигуры животных в парках вдруг стали живыми, текучими, в движении и силе; они сдвинулись и тут же застыли в действии, миг движения породил иллюзию жизни; статичные же фигуры звериного орнамента вдруг стали смешными и старомодными, над ними теперь потешались. Вскоре, однако, смеются уже над динамикой и пластикой двига-

ющихся зверей: их изображения должны быть наделены каким-либо предметом, символом своей культурной деятельности, они должны быть персонажами, — так появляется медведь с балалайкой, лиса с кувшином, тюлень с мячом. Потом появляются фигуры с едва намеченным контуром, они подлежат угадыванию: ласка при ближайшем рассмотрении может оказаться пантерой, бегемот — свиньей, а лисица — лошадью. Так у людей во всем.

Мощные фигуры Гомеровского эпоса становятся мелкими и живыми у классиков трагедии, хотя у них они еще очень разные, а затем — мистическими декламантами Сенеки, не переживающими, но проговаривающими свои душевные перипетии. После — они лишь персонажи подмоштов, паяцы, а еще чуть погодя — это едва намеченные, обманные силуэты, которые следуют за тобой, их даже могут видеть другие, а потом выясняется, что это — и есть ты сам.

**Старый Якоб в своей лавке,
он придет не скоро,
и маленький Зиги во Фрейберге
за мороженно смотрит
на белую грудь фрау Амалии**

Инцест — в его этнологии и географии, хронологии и мифологии, генетике и техниках — тема в общем-то

культурная, за исключением разве что актов прямого насилия, подпадающих под юрисдикцию правовых норм. Более того, инцест в мифологические и прочие культурно детерминированные сюжеты вводится в основном для придания определенного, чаще сакрального, антуража акту рождения; возможно, что Эдип был повинен в лишь том, что поступил так, как было дозволено только богам.

Инцест действительно проходит сквозь древнегреческий театр — как проблематизация, как моральная дилемма. В психоанализ же инцест попадает не случайно — это стыдное и замалчиваемое явление было избрано в качестве культурной подоплеку метода. Впрочем, это выглядит как долгий ряд совпадений — знакомство Фрейда с «Эдипом», и именно «Эдипом» Софокла, отношения его с отцом, детские влечения к матери. Инцест привязан к психоанализу также, как психоанализ привязан к Фрейду. Вне психоанализа инцест — не более чем культурная коннотация, одна из масок отклоняющегося сексуального поведения, в большинстве своем эпизодического и случайного.

В целом ситуация с «комплексом Эдипа» проста и понятна — это результат смехотворного, вульгарного, даже вредного заимствования эпонимов — обычный паттерн, рефлекс, привычка пишущей медицины; медицина-психология, правда, преуспела в этом более других.

Инцест не имеет значения.

* * *

Великий психоаналитический миф об «Эдиповом комплексе» — сегодня почти уже анекдотичен. Он разорван фрагментарным, разноконтекстным говорением, всплесками речи, периферийными дискурсами, художественной пародией. Его культурный фантом, как и у самого Фрейда, нестройный, аморфный, плоский, он не вpleтен в какую-либо систему; упоминание вскользь, нарицательное имя, воспоминание по ассоциации, но чаще насмешка, — вот его теперешний удел.

Когда развеется этот последний аналитический миф, миф об Эдипе, этот личный фантазм Фрейда, Эдип, обреченный на вечные муки, прошедший сквозь века и подмошки, проросший сквозь легион взглядов, обращенных к познанию себя прошлого, страстного детства, — будет наконец-то прощен.

**Меня всегда мучил вопрос:
что чувствовали Эдип и Иокаста, —
какие мысли стоят за их поступками,
такими разными и такими одинаковыми
во всех финальных сценах,
сценах узнавания, ослепления,
самоубийства?**

Эдип

Драгоценный дрожит окоем. Мнится —
Птичья возня — в небе, в воздухе.
Словно вспухая, бьется солнце
В проемах окон. Неуверенно сердце.
Что думать? Слышать что?
Чему верить? Что знать?
Где она... Не она, нет, — другая...
Где она... Как же можно... не знать.

Иокаста

Драгоценные слезы... Держала
На руках ты младенца... Тоска
Твое тело незримо сминала. Ты одна...
Вновь одна... Лучше — так.
Грезы — в сторону... Вместе — как страшно,
Страшно как, стыдно как... Боль моя.
Сделай что-нибудь, сразу... Напрасно...
Ты дитя мне, любимый. Дитя.

Эдип

Драгоценное знание... Так вот ты...
Необорная сила — держи...
Я приму тебя, истина. Будет,
Не желал схорониться б во лжи.
Все напрасно. Ведь странник, кто б ни был, —
Путь кончает лишь странником. Пусть

Завершу здесь свой путь я — ничтожен,
Под вины своей тяжестью... Пусть.

Иокаста

Драгоценная кровь — ты свидетель...
Плоть от плоти и в душу — душа...
Столько лет... Ты же знала — ответишь,
Ты же знала, ты знала тогда...
Он, смешной, похвалялся, гордился,
Ждал ответа... Сказать бы — ан нет...
Ни к чему... Все свершается, вещее...
Удержать бы, отсрочить... Стерпеть...

Эдип

Драгоценный багрянец... Отныне
И вовеки — один ты... В последний твой свет
Входит золота луч, и навстречу
Бьется кровь, свет ответный. Облечь
Все старается новую форму. В боль
Спеленатый, словно тогда,
Ты в незримых тенетах. Случайность?
Иль несчастье? Пряжи игра?

Иокаста

Драгоценное время... Зачем ты?
Все схлестнулось в единственный жест,
В день слепящий, когда Киферона
Склоны приняли сверток — в обет.

(В боязливом усердьѣ раба — детский крик...)
Вслед за тем — полдень, весть избавленья...
И за ним — вечер неги. Родник
Повернул в свое лоно. Судьба!

Эдип

Драгоценная память... Ярится,
Не винясь, тело сильное. Блажь...
Удержать бы... Вернуть бы, не ведать...
Убежать в день тот скорбный... Явиться,
Стать понурым, невздорным, слепым...
Словно ныне, однако — безвинным,
Вспоминаньем, уловкой судьбы...
Прошлым, минувшим, эхом былым.

Иокаста

Драгоценное тело... Преступно
Ты срывало со цвета цветы.
Позабавься с собою. Уж боле
Нет запретного. Пытка — и та
Для тебя ль воздаянье?
Суждено ль появиться на свет
Наказанью, что ввергло бы душу
В тот покой, что несет покаянье?

Эдип

Драгоценные лица... Любимые
Предо мною еще не истерлись.

Напротив, сердце быстрое гонит их снова,
Дорогие мне образы... Дочки!
Где вы, девочки? Что с вами, как?
Где любимая?... Мать и подруга,
Где она? Ей за что? Мне искать
Ее надобно! Где же?

Иокаста

Драгоценная плоть, оставайся!
Ты любила, грешила — уйди ж!
Час пробил — сине-алый закат
Мой свидетель. А видит ли он?
Нет, пустое. Лишь толику б сил.
Мера избрана. Время стоявшее
Заспешило внезапно. Ну что ж...
Ты сама в своей страшной истоме.

Эдип

Рядом кто? Отзовитесь, ответьте...
Удалиться не дайте в тиши...
Не молчи... Мне дыхание — что ветер...
Каждый шорох приметен в ночи
Каждый звук... Где она? Кто я, кто же?
Драгоценные стихли шаги...
Не подвластна последняя нега —
Дорого, родного лица мне коснуться.

Примечания

¹ Цит. по: (*Dadoun R.*) Дадун Р. Фрейд: Пер. с фр. Д. Т. Федорова/Предисл. А. М. Руткевича. — М., 1994. — С. 305.

² За каждым из этих типов указана та область констатаций, та форма медицинских рассуждений-морализаций, которой данный тип был продуцирован.

³ Ранее, как уже было показано выше, он говорит почти то же по поводу концепт-феноменов «переноса» и «сопротивления».

В. ЧУГУНОВ

P.S.

**Инцестуозность
в пространстве
психического
дискурса.
Контексты**

Инцестуозность в пространстве

психического
дискурса

P.S.

Контексты

Психический дискурс — это дискурс о проявлениях — функциях и феноменах — психики, дискурс о психическом.

Он представляется состоящим из трех частей (или, напротив, распадающимся на них) — дискурс о «нормальной психике» (*психологический*), дискурс о «патологической психике» (*психиатрический*) и дискурс о терапии и коррекции психики (*психотерапевтический*).

Психоанализ как целостная и относительно устойчивая доктрина занимает довольно обособленное место в пространстве психического дискурса.

Тем не менее теория *общего психического развития* конгруэнтна в общих чертах дискурсу психологическому, теория *патогенеза* ([психологического] происхождения) *неврозов* соответствует дискурсу психиатрическому, а *психоаналитическая терапия* отвечает дискурсу психотерапевтическому.

Инцестуозность же, которая, без сомнения, пронизывает все составные части психоанализа — она ведь, в общем-то, является его ядром, — абсолютно не интегрирована ни в психиатрические, ни в психотерапевтические дискурсивные практики, и только лишь в дискурсе психологическом — и то косвенно, через посредство его культурно-средовых влияний, можно обнаружить ее слабые следы.

Сегодня инцестуозность видится как совокупность инспирированных психоанализом представлений о влечении к родственникам; она имеет хождение в психоаналитически-окрашенном пространстве психоического дискурса, являясь его надежным маркером.

Как инородное, аморфно денотированное тело — подобно большинству психоаналитических концептов, она вписывается только в контекст психоанализа, — инцестуозность достаточно быстро ассоциировалась с иными изгоями психоического дискурса — ставшими таковыми, большей частью, по причине морального одряхле-

ния, но отнюдь не забытыми — память на заблуждения исключительно крепка.

Это прежде всего *вырождение и дегенерация*. Характерно нарушение причинно-следственных отношений — на вырождение, в широком смысле, столетия дискутируемое как результат инцеста, в буквальном смысле не указывается, а говорится о том, что инцест (инцестуозность) — удел семей, *которых коснулась дегенерация/вырождение*.

Понятие «инцестуозность» объединилось также с представлениями о *моральном* — однако совсем не с теми религиозно-архаическими, которые так тщательно прописал Фрейд (ведь именно на конфликте между первичными кровосмесительными влечениями и этико-социальными запретами и выстроена система психоанализа), а с моральностью акта-поступка, квалифицированного в юридически-пенологических категориях.

Наконец, можно заметить, что происходит явная дивергенция: инцестуозность более не однородна — влечение к родителям смещено в понятийное поле *психопатологии*, развратные действия в отношении [собственных] детей подпадают под юрисдикцию *педофилии*, сексуальные же отношения между сибсами — в случае их эпизодичности и добровольности — тяготеют, как ни парадоксально, к периферии *нормального сексуального поведения*.

* * *

Рассмотрим же наконец инцест каков он есть, его контексты и ракурсы — большей частью, конечно, же, актуальные, — ведь именно на основании существования этого феномена, постепенно выделившегося из сонма прочих межличностных отношений, был сформирован психоаналитический концепт инцестуозности.

Позитивные контексты инцеста, которые вполне могли бы быть обсуждены за несколько тысячелетий до н. э., но ныне утерянные, возможно, прозвучали бы так: *евгенический, имущественный, властный, первозданно-мифологический* и пр.; не следует, однако, забывать, что в сравнении с такими временными масштабами прошлого понятие «инцест», равно как и вышеназванные исторические формы его проблематизации, появились чуть ли не вчера. И еще: если мы можем — очень условно, с почти что недопустимым огрублением — говорить об иных, отличных от современных, контекстах рассмотрения инцеста, ориентируясь на дошедшие до нас искаженные, но связные свидетельства о типичных практиках в различных этнокультурных средах, то говорить о формах его проблематизации — если таковые существовали — невозможно.

Негативные же контексты инцеста достаточно многочисленны — это *генетический*, или *генетико-этологический*, *морально-этический*, *этно-культурный*,

медико-тератологический, матримониально-социальный, статусно-ролевой, сексолого-виктимологический, пеноклогическо-правовой, онтогенетическо-обучающий и, наконец, наиболее важный для нашего рассмотрения психогенетический.

* * *

Сегодня все уже знают — благодаря усилиям науки о поведении, *этологии*, и особенно науки о поле, *сексологии*, которая демонстрирует, пропагандирует данные других наук, касающиеся пола и сексуальности, иногда даже превращая их в гротеск, что становление сексуального поведения — процесс сложный и неоднозначный, связанный с воспроизведением и отработкой его множественных элементов — точнее, всевозможных сексуальных действий — на любом объекте.

Так, например, молодым животным якобы обязательно следует играть в *гомосексуальные игры*, иначе впоследствии они не смогут (точнее, не *умеют*) совокупляться. На кого они, в таком случае, обращают внимание? С кем они вступают в сексуальный, пока еще незрелый, контакт? Ответ очевиден — с ближайшим окружением.

Животным незнаком список тонкостей отношений родства, опосредованных человеческим видением.

Вырождаются ли они?

Есть целый ряд защитных механизмов, предупреждающих кровосмешение в животном мире (например, изгнание молодых львов из прайда), однако они далеко не однозначны в своей направленности и характере действия.

Тем не менее, как бы то ни было, инцест широко распространен в природе. Инцест — в природе вещей.

Наука о наследственности и наука о поведении объединились, чтобы изучить его, — главным образом, его влияние на получение нужных человеку качеств и свойств. Генетики животных, более известные под именем *селекционеров*, весьма широко используют инцестные связи животных для целей разведения, селекции, получения различных нужных качеств.

Генетико-этологическое изучение человека больше ориентировано на недопущение *эндогамии*, или браков внутри одной замкнутой популяции.

Поднимаются, в частности, вопросы о том, что подбор брачных пар у человека не является случайным, за счет, прежде всего, явления инбридинга (читай — инцеста).

Уже в 1903 г. Пирсон и Ли обнаружили положительные корреляции между супругами по таким признакам, как рост и длина руки, то есть по *метрическим* (физическим) признакам.

Что касается поведенческих признаков, то здесь выявлена тенденция, свидетельствующая о возможном влиянии некоторых из них на подбор супружеских пар (Spuhler, 1962).

Кроме того, у человека выбор супруга часто основывается на сходстве с родственниками, особенно с одним из родителей (Parsons, 1967)¹.

* * *

Морально-этический контекст инцеста, в том числе происхождение понятия, был частично рассмотрен выше; каким он, очищенный от психоаналитических коннотаций, представляется сейчас?

Понятный каждому концепт «морально-этического» постоянно распадается на ряд более конкретных оттенков, которые по их аналитическому рассмотрению не удастся подвергнуть обратной интеграции.

Во-первых, это ревностный контекст: насколько инцест является супружеской изменой?

Во-вторых, контекст педофилии как уголовно наказуемого поведения: допустимы ли сексуальные отношения с детьми?

В-третьих, здоровье, поведение и судьба ребенка — насколько допустимо раннее начало половой жизни?

Все это подпитывается предрассудками и суевериями, связанными с неразличимостью сексуальности и деторождения.

Разумеется, речь идет о более-менее добровольных инцестных отношениях, так как очевидно, что в инцестном изнасиловании на первый план выступают факт агрессии и последствия физической травматизации

Отношение к инцесту зависит также от того, какие пары вступают в инцестуозную связь.

Так, пара «мать — сын» всегда однозначно осуждаема и представляется категорически недопустимой; гораздо менее проблематизирована пара «отец — дочь», она имеет какие-то неявные традиционалистски-толерантные нюансы, возможно — в силу относительно частой встречаемости [описаний]; отношения между сибсами с морально-этической точки зрения практически не проблематизированы, — во всяком случае по сравнению с выраженностью эмоционального и правового акцента первых двух пар.

Гомосексуальные инцестные пары «родитель — ребенок» денотированы исключительно в рамках психопатологии, в противоположность, кстати, инцестным парам сибсов, сестер и братьев.

Пары чрепоколенные, за крайне редкими исключениями, описаны только в варианте «дедушка — внучка», причем исключительно в педофильном контексте.

Между парами же кровного родства второй и, особенно, — третьей и четвертой степеней в отдельных этно-культурных средах разрешаются браки.

Медико-тератологический контекст инцеста на специфическом языке генетиков и патологов определяется как «аутосомно-рецессивный тип наследования»; *генетике и стигмам* инцеста в этой книге была посвящена отдельная глава.

Матримониально-социальный контекст инцеста, в принципе, является статусно-имущественным производным *этно-культурального контекста*, который также был рассмотрен автором в отдельном разделе.

Показательный пример являет собой «Схема родства и свойства», построенная Исидором Севильским (ок. 570 — 636) около 600 г. («Генеалогическое древо»). Самое близкое, запретное для брака родство помещено в центре, где соединяются ветви дерева: это мать, отец, сын и дочь. Чем ближе к периметру, тем дальше степень родства.

Следует заметить, что, как правило, всякие соображения относительно *родства крови* отступали перед социально-экономическими выгодами, и разрешения на запретные кровосмесительные браки испрашивались-

таки у соответствующих религиозных или светских инстанций.

Статусно-ролевой контекст инцеста состоит в том, что формирующиеся инцестные отношения вызывают (или демонстрируют такую перспективу) деструкцию внутри-семейных статусных и ролевых отношений.

Подобные обстоятельства предоставляют почву для гипотетического анализа статусно-ролевой казуистики инцестного супружества.

Брак, например, между отцом и дочерью произвел бы следующую путаницу: их сын стал бы сводным братом своей матери, пасынком своей бабушки, сводным братом братьям сестрам своей матери и не только сыном, но и внуком своему отцу! Возникло бы множество проблем самосознания: должен ли этот ребенок относиться к своей матери как к матери или как к сестре; должен ли он воспринимать своего дядю как дядю или же как брата? А если брат и сестра заключили брак, а затем разошлись, должны ли они возобновить прежние, добрачные отношения?

Таким образом, инцестное поведение, приводящее в результате к внутрисемейному сексуальному соперничеству, разрушает семейную сплоченность и оказывает психотравмирующее воздействие на статусно-ролевую стабиль-

ность как вовлеченных в инцестные отношения лиц, так и ближайшего их окружения.

* * *

В настоящее время *сексолого-виктимологический контекст* инцеста является одним из ведущих, чтобы не сказать — основным.

Взглянем на общую топографию множащихся форм сексуальной патологии², включающую, разумеется, и предмет нашего интереса.

Семиотика нарушений сексуального здоровья вобрала элементы *психиатрической, психоаналитической и антропокультурной* — если таковая существует — *синдромологий*.

В этой новой семиологии вначале следуют признанные — обыденные или слегка неологизированные — синдромы: *либидинозной, эректильной, эякуляторной, волюстической сексуальной, смазочной, оргазмической дисфункций, психосексуальной неудовлетворенности, сексуальной аверсии, эякуляторного автоматизма, сексуальной апатии, сексуальной астении, сексуальной абстиненции, интерсексуальных состояний, социосексуальной дезадаптации, сексуально-поведенческой дезадаптации, сексуально-эротической дезадаптации, дезактуализации и реадаптации сексуального поведения; нарушения нейрогуморальной,*

поражения *генитосегментарной*, расстройства психической и расстройства эякуляторной составляющих [биологического компонента сексуального здоровья]; *половой дисфории*, нарушения *половой идентичности в детстве*, *половой дезидентификации*, *половой дезинтериоризации (дезинтернализации)*, нарушения *полоролевого поведения*, а также *коитофобия*, *онанофобия*, *нимфомания*, *сатириазис*.

Особняком стоят синдромы, относящиеся преимущественно к сфере *репродуктивной*, которые трудно однозначно причислить к *сексопатологическим*, а именно: *гиперменорея*, *гипоменструальный синдром*, *гипоспадия*, *гирсутизм*, *женоподобность*, *евнухоидизм*, *инволюция сексуальная*, *инфантилизм сексуальный*, *синдром Клайнфельтера*, *крипторхизм*, *маскулинизация*, *монорхизм*, *ретардации сомато- и психосексуального развития*, *синдром дель Кастильо*, *синдром тестикулярной феминизации*.

Отдельно даны сексопатологические синдромы, отражающие *нарушение психосексуального развития* или являющиеся следствием *психических заболеваний*: *геронтофилия*, *гомосексуализм*, *женоненавистничество*, *инцест*, *лесбиянство*, *мазохизм*, *мессалинизм*, *миксоскопия*, *нарциссизм*, *некрофилия*, *партенофилия*, *педофилия*, *пигмалионизм*, *порнографомания*, *промискуитет*, *ретифизм*, *танатофилия*, *трансвестизм*,

транссексуализм, триолизм, садизм, эксгибиционизм; излишне обширный, этот список все же далеко не полный; расположение же синдромов (до последнего времени традиционно описываемых как нозоформы — формы перверсий) вне какой-либо специальной системы, просто в алфавитном порядке, приводит к казуистике раздельного описания парных перверсий.

Завершают этот внушительный перечень синдромы: *Ксантиппы*, — возникающий у «женщин с “трудным характером”, не познавших настоящей любви и чувственных отношений»; *Кувады*, встречающийся у племен и народностей, «еще не утративших непосредственное восприятие мира»; *Леонтеса*, характерный для «ревнивых людей и примитивных личностей».

К сексопатологическим синдромам причислены — с информирующей, очевидно, целью — сомнительные, с точки зрения клиники, сексуальные комплексы и мифы.

Эти комплексы характеризуются как «*группы осознаваемых и неосознаваемых личностью переживаний, которые, окрашиваясь чаще всего отрицательными эмоциями, существенно влияют на сексуальное поведение, образ жизни, влечения, мышление*»; эти переживания, для которых «*характерны чувство неудовлетворенности, элементы страха, наказания, греха*», еще в раннем возрасте оформляясь в тот или иной ком-

плекс, определяют структуру личности или трансформируются в болезненные симптомы и синдромы.

Их наименования — почти сплошь эпонимы, среди которых множество важных для нас; вот эти комплексы: *Алисы в стране чудес*, *амазонки*, *Гризельды*, *детства*, *Дианы*, *жертвы*, «*западной культуры*», *Золушки*, *Иокасты*, *Каина*, *кастрации*, *Квазимодо*, *Клитем[н]естры*, *Копюшка*, *оральный комплекс*, *Ореста*, *Афины Паллады*, *Титании*, *Эдипа*, *Электры*, *малого члена*, *Медеи*, *Медузы*, *неполноценности*, *одиночества*, *онанистический комплекс*

В свою очередь, *сексуальные мифы* — это «рожденные человеческим опытом и литературными образами истории, в которых воплощаются определенные эротические тенденции в человеческих отношениях и психологии полов».

Это — своеобразные следы мифологии — миф о *Мадонне и Блуднице*, миф о *Пандоре*, миф о «*роковой женщине*», миф об «*эротическом рае*».

Таким образом, наряду с самим инцестом — как сексопатологическим синдромом, — в современной официально-медицинской сексологии можно встретить инспирированные психоанализом — и всерьез обсуждаемые — комплексы *Гризельды*, *Иокасты*, *кастрации*, *Клитемestры*, *оральный комплекс*, *Ореста*, *Афины Паллады*, *Эдипа*, *Электры* и другие.

Обратимся к специальной судебно-сексологической — экспертной — студии инцеста, проведенной Эбигневом Старовичем.

Обследованная популяция инцестофилов включала всего девять преступников-мужчин. Это были мужчины в возрасте 32 — 49 лет (средний возраст 42 года). Все они происходили из рабочей среды, были женаты и имели детей. Также для всей группы в целом характерна позитивная оценка личности матери и психоэмоциональной связи с ней при оценке личности отца и связи с ним как негативной. Представляется интересным тот факт, что все до единого подэкспертные единодушно и психически, и физически отождествляли себя с матерью. Биологической половой зрелости они в большинстве случаев достигали к 16 — 17 годам. У них у всех имелась подростковая и юношеская мастурбаторная практика, сопровождавшаяся фантазиями исключительно в виде контактов со взрослыми женщинами. Период сексуальной инициации растянут между 17 и 23 годами. Первые сексуальные партнерши были либо ровесницами, либо несколько более младшими по возрасту. Чувственная и сексуальная связь с первой партнершей характеризуется позитивно. Все представители группы за период половой жизни имели в целом более 5 сексуальных партнерш. Анализ излюбленных форм ласк и коитальных позиций не выявляет отличий обследованных от типичной мужской популяции. Все исследуемые традиционно представляли себе модель маскулинности и имели положительную самооценку в роли сексуального партнера. Уровень либидо оказался нормальным у троих, повышен-

ным у одного и пониженным у пятерых подэкспертных. Наиболее распространенным типом сексуальных нарушений было расстройство эрекции (на основании изученных данных можно предполагать его вторичную алкогольную природу). Проведенным соматическим обследованием не выявлено каких-либо нарушений в строении гениталий. Тест визуальной стимуляции выявил в шести случаях пониженную и в трех — нормальную сексуальную реактивность. Рисунок образа женщины выполнялся обследуемыми с подчеркнутыми сексуальными чертами, а в рисунке собственного «Я» большинство из них проявляли защитные позиции. В то же время выполненные изображения образа мужчины выявили существенные отличия между обследуемыми: в одних случаях преобладали защитные позиции, в других — гипермаскулинные черты, в третьих — бисексуальные, а в четвертых — инфантильные черты. В тесте Роршаха у всех подэкспертных, в основном единодушно, были продемонстрированы явно сексуальные ассоциации, чаще — с женскими гениталиями или коитальными позициями. Тест Старовича выявил гиперболизированную акцептацию сексуальных сторон в восприятии маскулинности, женственности и собственной личности. В процессе обследования у двоих обследуемых была диагностирована бисексуальная, у одного — недевиантная гетеросексуальная направленность полового влечения, а в шести случаях был выявлен синдром неразличения сексуального объекта. Примечательно, что во всех случаях инцест был совершен в состоянии алкогольного опьянения. Инцест чаще практиковали в форме завершавшегося оргазмом глубокого петтинга либо в форме коитуса. Но в двух случаях он имел скорее форму сексуальной

оргии, заключающейся в том, что преступники сначала принуждали членов семьи к выполнению сексуальных действий между собой (в одном наблюдении — между матерью и сыном, в другом — между братом и сестрой), а затем, после возникновения у себя под влиянием увиденного полового возбуждения, сами совершали сексуальный контакт с детьми. Проведенный психиатрический, психологический и сексологический анализ всех случаев позволяет предположить определенную схематическую последовательность возникновения инцестного поведения: патологическое развитие личности — алкоголизм — алкогольная деградация личности — инцест³.

* * *

Смыкающийся с *сексолого-виктимологическим пенологически-правовой* контекст инцеста ориентирован, в отличие от экспертной направленности первого, на законодательную кодификацию порока, — хотя это, конечно же, очень условное различие.

Рихард фон Крафт-Эбинг в своей коллекции извращений собрал и маленькую подборку фактов об инцесте; вот что говорит он по этому поводу.

«Охрана нравственной чистоты семейного очага является одним из приобретений культурного развития. Вот почему у нравственно нормального культурного человека всякая мысль о каких-либо сладострастных отношениях к члену его семьи вызывает явное чувство отвращения. Только при неимоверно сильной чувственности и ущербности в морально-

правовых представлениях может развиваться половое влечение к близким родственникам.

В семьях отягощенных иногда имеют место оба эти условия. У мужчин алкоголизм и состояние опьянения, у женщин слабоумие, задерживающее развитие стыдливости, а порою ведущее и к эротизму, — вот те условия, которые благоприятствуют осквернению кровного родства. Внешним способствующим этому условием является недостаточное разделение полов в пролетарских семьях.

Выше мы видели, что в качестве безусловно патологического явления половое влечение к близким родственникам встречается при врожденных и приобретенных состояниях умственного недоразвития, а также изредка при эпилепсии и у параноиков.

Однако во многих случаях, если не в большинстве, не удастся доказать патологической основы для этих преступлений, оскверняющих не только кровное родство, но и вообще моральное чувство культурного человека»⁴.

«Впрочем, в некоторых из описанных в литературе случаев удалось к чести человечества, — говорит Крафт-Эбинг, — доказать наличие психопатологических мотивов». Взглянем на описание этих казуистических случаев.

«Наблюдение 248. Ц., 51 года, директор института, влюблен в свою дочь со времени ее половой зрелости. Поведение отца глубоко возмущало очень строгую в нравственном отношении девушку; в конце концов ее принуждены были отослать за границу к родственникам. Отец — человек нервный,

со странностями, немного алкоголик, по-видимому, не отягощен. Он отрицает свою любовь к дочери, последняя, однако, утверждает, что он держал себя с нею, как возлюбленный. Ц. страшно ревновал ее ко всякому мужчине, который решался приблизиться к ней. Он угрожал наложить на себя руки, если она выйдет замуж, и даже однажды предложил ей умереть вместе с ним. Он постоянно старался остаться наедине с дочерью, задаривал ее подарками, осыпал нежностями. Проявлений гиперсексуальности у Ц. не было. Он слыл нравственным человеком, метрессы не имел.

Ломброзо сообщает о случае, когда 42-летний крестьянин жил с своими тремя дочерьми — 22, 19 и 11 лет; последнюю он даже заставил сделаться проституткой и посещал ее в доме терпимости. Судебно-медицинское обследование обнаружило отягощение, интеллектуальное и моральное недоразвитие, алкоголизм.

Легран сообщает об одной 15-летней девушке, которая побуждала своего брата совершать с ней всевозможные половые действия; когда после 2 лет половых сношений с сестрой мальчик умер, она совершила покушение на убийство одного родственника.

Еще ужаснее случай, сообщаемый Тардые. Одна хроническая нимфоманка, гомосексуалистка, целыми часами, иногда среди ночи мастурбировала во влагалище и задний проход свою 12-летнюю дочь. При этом она приходила в состояние сильнейшего возбуждения».

В настоящее время правовая оценка инцеста очень различается.

Так, например, наказания, установленные за инцестные преступления в Соединенных Штатах Америки, весьма разнятся в разных штатах.

Во всех штатах браки между сибсами, родителями и детьми, запрещены. В 21-м штате закон запрещает вступать в брак двоюродным братьям и сестрам.

В Калифорнии правонарушителя могут приговорить к лишению свободы сроком до 50 лет. Родитель-мужчина, виновный в инцесте в штате Небраска, приговаривается к заключению сроком не менее 20 лет, в то время как в Виргинии нарушитель подвергается штрафу в 500 долларов или же приговаривается к 6-месячному тюремному заключению.

Немногие случаи инцеста, за исключением тех, которые сопровождались изнасилованием, попадают в поле зрения судов, поэтому приговоры по данному обвинению не слишком многочисленны, ибо редко сообщается об инцестных ситуациях⁵.

В отечественном законодательстве ответственности непосредственно за инцест не установлено, и при выявлении подобных случаев они квалифицируются по статьям за изнасилование, развращение несовершеннолетних и пр.

* * *

Инцест иногда имеет *онтогенетически-обучающий контекст*, что проявляется в сексуальных отношениях

разной степени выраженности между сибсами, братьями и сестрами.

Согласно одному из опросов, 13% опрошенных студентов колледжа в детстве участвовали в сексуальных играх-контактах со своими братьями и сестрами (и эти данные, возможно, сильно занижены). Три четверти этих отношений были гетеросексуальными («брат — сестра»), и одна четверть — гомосексуальными («сестра — сестра» или «брат — брат»).

Сделанные выводы гласят:

Сексуальные контакты между братьями и сестрами не ограничиваются только ранним детским возрастом; в 73% случаев одному из детей было более 8 лет.

Наиболее распространенная форма сексуальных действий между детьми-родственниками — генитальные прикосновения, и только в 4% случаев встречаются половые акты.

Сексуальные контакты могут иметь различную продолжительность. Примерно одна треть приходится на однократные контакты и в то же время в 27% случаев наблюдаются длительные, продолжающиеся по крайней мере год.

В 25% случаев таких сексуальных экспериментов было принуждение, чаще со стороны брата.

Среди участников половых контактов более 25% составляют дети с разницей в возрасте около 5 лет.

* * *

Наконец, — *психогенетический контекст* инцеста, важный для нас прежде всего потому, что инцест был пато-медицински, и даже метапсихологически, проблематизирован именно в рамках психоаналитической теории; теперь уже вся инцестуальная проблематика видится сквозь призму психоаналитических толкований. Инцесту, начиная с 1900 (1899) г. — года первого опубликования «наблюдений» «Эдипова комплекса», — отводится особое место в психосексуальной судьбе индивида. Посмотрим на стилистику этих рассуждений.

В рамках психоаналитических вербигераций проблема инцеста напрямую увязывается с психогенетикой гомосексуализма; также инцестуозные переживания якобы лежат — целиком бессознательно — в основе многих гетеросексуальных затруднений, таких, например, как импотенция и фригидность.

Выдвинуты положения о том, что сексуальные отклонения проистекают в результате инцестных конфликтов и фиксации.

Бенджамин Капмэн, например, объясняет такую взаимосвязь следующим образом: «Пациент, столкнувшийся с инцестной фиксацией, с одной стороны, и с инцестным барьером, с другой, находит для себя необходимым осуществить компромисс, который позволяет ему избегать (или обходить) прямых инцестных действий, но, тем не менее, позволяет ему преда-

ваться своим инцестным влечениям косвенным и, возможно, символическим образом. Так, мужчина, который фиксирован на своей матери, страшится не только мысли о том, чтобы иметь с ней сексуальные отношения, но даже мысли иметь сексуальные отношения с какой-либо другой женщиной, так как каждая женщина является, действительно или потенциально, матерью, и поэтому ассоциируется в его уме с образом его собственной матери. Но так как его либидо должно находить себе выход, то такой мужчина прибегает к таким сексуальным отношениям, которые будут полностью исключать вагинальное сношение. Поэтому он может практиковать фелляцию, куннилингус, педерастию, которые будут представляться ему абсолютно несвязанными с инцестом (речь, разумеется, идет о бессознательных психических процессах)».

В своих сновидениях и фантазиях многие пациенты-мужчины участвуют в разнообразных сексуальных действиях со своими матерями или сестрами, исключая коитус. Даже в бессознательном существует цензура сновидений, которая не допускает инцестный коитус. Различного рода [сексуальные] отклонения становятся предохранительным средством против оплодотворения матери или сестры даже на уровне фантазии⁶.

* * *

Хочется верить, что вскоре инцестуозность лишится скабрезного внимания и, основательно деперсонифицированная, освобожденная от морально-этических коннотаций, займет подобающее ей скромное место в тезаурусе клинической психиатрии.

Примечания

¹ Эта генетико-этологическая констатация, базирующаяся на морфо-метрических исследованиях, совершенно по-иному трактуется в рамках психоанализа, являясь одним из длинного ряда доказательств существования и роли инфантильных инцестуозных влечений в последующем выборе сексуального объекта.

² Цит. по: Кришталь В.В., Григорян С.Р. Сексология в 4 частях. — Харьков.: Академия сексологических исследований, 1999. — С. 383 — 411.

³ Цит. по: (Starowicz Zb.) Старович Зб. Судебная сексология: Пер. с польск. Д. К. Лунина, В.П. Ольховика/Предисл. А.П. Громова. — М.: Юридическая литература, 1991. — С. 252 — 259.

⁴ Здесь и далее цит. по: (Krafft-Ebing R.) Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. Клинико-судебно-медицинский этюд. — С. 582—584.

⁵ Законодательство постоянно эволюционирует, и эти данные на сегодня могут уже оказаться устаревшими.

⁶ Цит. по: (Caprio F.) Каприо Ф. Многообразие сексуального поведения: Пер. с англ. В.В. Старовойтова/Послел. Н.Д. Сорокиной. — М.: Артания, 1995. — С. 213 — 214.

Содержание

Персоналии	5
Понятия	12
Неименованный грех: вне пределов христианской этики	15
I. Инцест в природе вещей?	24
1. Что такое инцест	26
2. Этногеография и хронология инцеста	34
3. Античная мифология инцеста	55
4. Генетика и стигмы инцеста	65
5. Домашняя техника инцеста	73
II. Инцест признан трагедией	86
6. Тематика и контексты аттической трагедии	88
7. Эдип как трагический персонаж: старый сюжет, но новая — аналитическая! — техника	113
8. Коннотация одного женского образа: Лаодика-Электра . .	166
9. Патография Софокла: почему Эдип?	179
10. Тогда же, другие: драматургия инцеста	187
III. Психоанализ признает трагедию инцеста	212
11. Происхождение и контексты психоанализа	214
12. Психоанализ и аналитическая драма: отношения наследования	258
13. Патография Фрейда: почему «Царь Эдип» Софокла? . .	269
14. Откровение и покаяние психоанализа: «Эдипов комплекс» и «комплекс кастрации»	276
15. «Комплекс Электры». Юнг. Аналитическая апология инцеста	300
16. Тогда же, другие: полифония инцестов	315

IV. Странник Эдип: дальнейшая судьба метонимии ..	328
17. Ретрография образа Эдипа	330
18. Культурная биография «комплекса Эдипа»	338
Заключение. Комплекс Фрейда: эпилог к страстному детству	347
<i>В. Чугунов. P.S. Инцестуозность в пространстве психоического дискурса. Контексты</i>	373

